ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ И АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСАИ / ISAS

ассоциированный член Национальной академии наук Кыргызской Республики

КУБАТБЕК РАХИМОВ

ГЛАГОЛ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ

БЕП 2.0 = ШОС + (Турция минус НАТО)

МОНОГРАФИЯ

Бишкек · 2026

УДК 327
ББК 66.4
Р 27

Рахимов К.К.

Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. — Бишкек: ИСАИ, 2026. — 210 с.

ISBN 978-9967-498-73-0

Книга вводит и систематически обосновывает понятие денатофикации — градуированного, обратимого и суверенного расцепления государства с интегрированной военной структурой НАТО при сохранении политического членства в альянсе — и предъявляет его как недостающий механизм перехода от Большой Евразии как концепта к Большому евразийскому партнёрству второго поколения (БЕП 2.0) как реализуемой архитектуре. Аргументация движется по триаде «Карта — Глагол — Железо»: от геометрии пяти цивилизационных полюсов КИРИТ (Китай, Индия, Россия, Иран, Турция) и центральноазиатского ядра — через определение механизма, его исторические прецеденты (Франция-1966, Греция-1974) и фальсифицируемый индикатор (парадокс Инджирлика) — к эмпирике материальной денатофикации турецкого оборонно-промышленного комплекса, и завершается стратегическим чертежом: четыре сценария, дипломатическое окно 2026–2028 годов (саммит ШОС в Бишкеке, кресло Кыргызстана в Совете Безопасности ООН), формула «трёх М» и место денатофикации в генетическом коде ШОС+.

Для исследователей международных отношений, дипломатов, аналитиков и всех, кто проектирует евразийскую архитектуру безопасности, а не только описывает её. Издание предполагает подготовку в международных отношениях и рассчитано на профессиональную аудиторию, а не на широкий рынок.

© Рахимов К.К., 2026
© ИСАИ / ISAS, 2026

ПРАКТИКИ СУБЪЕКТНОСТИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ В XXI В.: ВЗГЛЯД ИЗ БИШКЕКА

Ценность подготовленной К. К. Рахимовым монографии и для развития социально-политических наук в Кыргызстане и России, а также всех стран К.И.Р.И.Т (Китай, Индия, Россия, Иран, Турция) состоит в том, что представляет целостный экспертный взгляд - позицию из Бишкека, от Института стратегических и академических исследований на события, происходящие в начале XXI в. как в пяти странах Центральной Азии, так и пяти государствах -цивилизациях Большой Евразии.

Забегая вперед, сразу обозначу, как минимум, пять положений формирующих теоретико-методологическую ценность работы К. Рахимова: - (1) артикулированный экспертный взгляд / позиция из Бишкека, от Института стратегических и академических исследований; - (2) пример методологической верификации концепции гетеротопии М. Фуко; - (3) взгляд на Большое экономическое партнерство как сообщество К.И.Р.И.Т; - (4) форма цивилизационной компаративистики между государствами-цивилизациями Большой Евразии; - (5) идея денатофикации Турции как условия взаимодействия с сообществом К.И.Р.И.Т.

Действительно, в известной мере, Кубатбек Рахимов восполняет *дефицит экспертной аналитики* динамики стран Центральной Азии осуществляемой учеными Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Тему его монографии «Глагол Большой Евразии» можно проинтерпретировать как «Голос Большой Евразии». Он пишет, что «*тезис книги умещается в одно предложение: у Большой Евразии есть карта, но до сих пор не было глагола, который приводит эту карту в движение*»[1]. В целом, работа делиться

1 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.7.

на пять частей (I. Карта; II. Глагол; III.Железо; IV. Векторы и акторы; V. Чертеж), имеет 8 приложений.

Среди читателей монографии К.К. Рахимов видит три группы: ученые-международники, практики – принимающие решения и читатели – неспециалисты. Сильной стороной работы выступает глоссарий, содержащий понятийный аппарат книги. Есть все основания полагать, что ряд терминов: денатофикация, К.И.Р.И.Т, БЕП 2.0, парадокс Инджилика станут активно использоваться для анализа процессов Большой Евразии среди экономистов, историков, политологов и других представителей социально-гуманитарных наук.

Методологическая оптика «пять и пять» позволяет изучать геополитическую динамику стран Центральной Азии в широкой перспективе и на основе цивилизационной компаративистики, что в целом отражает реальное положение дел в этом макрорегионе мира. Конкретнее, К. Рахимов пишет о том, что Центральная Азия – это не «периферия евразийской архитектуры, а ее стыковочной узел: здесь сходятся российский, китайский, иранский и тюркский дискурсы и либо сплавляются, либо искрят»[2]. Собственно, *кыргызский актив* в современных геополитических условиях представляется нам весьма значимым. В 2026 г. Бишкек принимал у себя Саммит ШОС, впереди у Кыргызской республики председательство в Совете Безопасности ООН. Кыргызстан участник большинства международных организации на евразийском пространстве, а именно ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и ОТГ. Сложившиеся в Кыргызии модель политического развития позволяет осуществлять взаимодействие между США, Россией, Китаем, Турцией при соблюдении собственных интересов.

В целом, Кубатбек Рахимов с оптимизмом смотрит на будущее Большой Евразии в XXI в., поскольку считает, что свою жизнестойкость ведущие страны региона доказали создав Шанхайскую организацию сотрудничества в 2001

2 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164.

г. Доказательством жизнеспособности он считает желание присоединения к ШОС Турции, при условии если ее политический класс проведет в ближайшей перспективе процедуру денатофикации. Он отмечает, что «турецкая автономизация внутри НАТО идет уже более десяти лет: закупка российских С – 400», упорная работа над собственным истребителей, учредительство Организации тюркских организаций[3]. Среди прецендентов денатофикации он называет Францию с 1966 по 2009 г.

Отдавая должное ШОС К.К. Рахимов показывает, что идея выстраивания Большой Евразии проходит уже третью за столетие (1920 – 2020 гг.) итерацию, что позволяет участникам проекта Большого евразийского партнерства уйти он наиболее утопичных геополитических моментов, и сформировать конкретную геоэкономическую и геокультурную *констелляцию* (не блок, союз или прото-альянс), где каждая из стран «сохраняет собственную концепцию миропорядка и собственные, в том числе конфликтные , отношения с остальными вершинами». В качестве примера, он напоминает о индо-китайском пограничном противостоянии, ирано-турецкой конкуренции за влияние в мусульманском мире, а также сложных российско-турецких отношениях 2000 гг[4]. Констелляция не отменяет противоречий, она предлагает рамку взаимодействий, где противоречия делают пятиугольник К.И.Р.И.Т. устойчивым явлением.

Особенность третьей итерации он видит в том, что инициатива БЕП 2.0 исходила не из Москвы, Анкары или Пекина. Предложение Президента Казахстана Назарбаева, прозвучавшее в 1994 г. стала институциональной программой евразийской интеграции задолго по московского поворота 2015 г. В концепции Назарбаева К. Рахимов видит восстановление исторической справедливости, ибо «Центральная Азия –

3 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.7.

4 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.21.

соавтор евразийского проекта по праву первородства» [5].

Субъектность стран Центральной Азии – это не аванс или комплимент, а «эмпирическое обобщение» трех десятилетий суверенного развития Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана. При этом он воздает должное классическому евразийству 20 – 30 гг. XX в., отмечая, что П. Савицкий и Н. Трубецкой смогли осуществить смену парадигм, концептуально показав основания и пределы проекта «Большой Европы». Не отрицает он и значения постсоветских практик евразийской интеграции, особенно в деле военной безопасности (ОДКБ и ШОС). Однако, постсоветский дискурс превратился к 2010 гг. в орнамент или рамку намерений, а не конкретный институт преобразования социальной реальности Евразии.

Сильная сторона рецензируемой монографии К.К. Рахимова – акцент на субъектности государств Центральной Азии и государств-цивилизаций. Конкретнее, он справедливо пишет о том, необходимо выстраивать Большое евразийское партнерство, а не пространство, ибо «пространство» категория пассивная и географическая, а «партнерство» - категория субъектная и активная, где все государства и народы создают *сообщество,* способных к «интеграции интеграций», к диалогу лицом к лицу. В БЕП 2.0. предлагается создавать интерсубъектную и интерактивную архитектуру диалога десяти государств – пятерка центральноазиатских стран – Казахстан, Кыргыстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и пятерка государств-цивилизаций: Китай, Индия, Россия, Иран и Турция, выступающих своего рода полюсами Большой Евразии в XXI в. Именно пятерка КИРИТ сегодня развивают свою цивилизационную субъектность и суверенность, а также наращивают сухопутные коридоры современности, проводят активную технологическую модернизацию (к 2030 – 2040 гг. все пять государств КИРИТ будут ядерными). Разумеется, К. Рахимов, не замыкает Большую Евразию только на 10

5 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.14.

государствах, в сферу его влияния попадает и Пакистан, Афганистан, Беларусь, Украина, страны Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан).

Каждая из характеристик государств Большой Евразии, данная К.К. Рахимовым имеет как минимум, четыре измерения – геополитику, геоэкономику, геокультуру и геоантропологию. Каждая из глав и параграфов обогащает читателя знанием множества важнейших атрибутов или Ирана, или Турции, или Китая. У автора явно есть высокая методологическая культура «густого описания» в духе Клиффорда Гирца и вкус к цивилизационной компаративистике. В частности, описывая Иран, он показывает, что – это государство-цивилизация не только имеет исламско-шиитский профиль, но и носитель социокультурного канона – матрицы влияние которой распространяется на части Пакистана, Афганистана, Азербайджана, Таджикистан и Узбекистана. Подобный геокультурный ресурс позволяет Ирану преодолевать кризисы и санкции, проводить самостоятельную политику в регионе.

Обращаясь к роли Индии в Большой Евразии К.К. Рахимом показывает, что и ШОС, и БЕП без нее могут превратиться в «клуб санкционированных». Поэтому важно, чтобы Индия, имеющая большую историю страны неприсоединения, лавирования между блоками США и СССР в период холодной войны 1.0 (1946 – 1991 гг.) сможет быть медиатором и в многополярном мире нач. XXI в.

Еще одно из концептуальных положений междисциплинарной монографии К. Рахимова - это применение термина *«гетеротопия»* из политической философии М. Фуко. Конкретнее, он определяет гетеротопию как «работающее пространство, в котором несовместимые порядки сосуществуют, отражаются друг в друге и взаимно оспариваются»[6]. В исторической реконструкции К. Рахимова Турция существует в режиме *гетеротопии* по крайней мере с середины XIX в.. когда

6 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.32.

Османская империя пошла по пути европейской модернизации не отказываясь от статуса исламской империи, халифата. Логика турецкого политического класса «вестернизация без подчинения вестернизаторам». «Танзимат – десятилетия модернизации по европейским лекалам» проводился государством, чей суверен одновременно носил титул повелителя правоверных: европейские кодексы и шариатские суды, французские лицеи и медресе сосуществовали в одном правовом пространстве»[7]. Кемалистская революция стала шагом углубления противоречий, как, впрочем, и все модернизационные волны XX в.

Турция предстает у К. Рахимова как живая и динамичная гетеротопия с шестью оспариваемыми параметрами (членство в НАТО с 1952 г., российские зенитные ракетные системы С0 400; учредительство в Организации тюркских государств как цивилизационного проекта от Стамбула до Бишкека «параллельно и помимо НАТО», Астанинский формат по Сирии, претензия на статус партнера ШОС и строительство Россией атомной станции «Аккую»)[8]. Ярким примером гетеротопии Турции стал 2026 г., когда Анкара принимает 7-8 июля саммит НАТО, а в августе Эрдоган летит в Бишкек. «Это материализованная развилка, на которой гетеротопическое состояние было предъявлено обоим мирам одновременно, а вопрос о векторе поставлен на годы вперед»[9]. Развилка между НАТО и ШОС, по мнению К. Рахимова не может быть вечной и извлекать ренту из пребывания в ситуации «между» Турция сможет постоянно, ибо «рента двойственности убывает по мере того, как растет цена поддержания обеих вписанностей сразу»[10].

7 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.33.
8 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.37.
9 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.39.
10 Рахимов К.К. Глагол Большой Евразии. Денатофикация: Турция, НАТО и архитектура КИРИТ. – Бишкек: ИСАИ, 2026. – 210 с.- С.164. – С.40.

Убежден, что работа «Глагол Большой Евразии» станет предметом международной дискуссии не только в русскоязычной академической среде, но и среди всех стран К.И.Р.И.Т.

Агапов Олег Дмитриевич, д.филос.н.,
Казанский инновационный университет имени
В.Г. Тимирясова,
руководитель научно-исследовательских программ
ИКЦ «АКСОН»

Оглавление

Предисловие автора.....12
Введение. Глагол, которого не хватало.....14
Часть I. Карта 19
Глава 1. От Большой Европы к Большой Евразии: генеалогия идеи и где она остановилась 19
Глава 2. Пять и пять: КИРИТ и центральноазиатское ядро 26
Глава 3. Гетеротопия по Фуко: Турция как пространство несовместимых порядков 39
Часть II. Глагол 48
Глава 4. Определение: что такое денатофикация и чем она не является 48
Глава 5. Прецеденты: де Голль-1966 и греческий дубль-1974 55
Глава 6. НАТО-1966 и НАТО-2026: цена колеи 62
Часть III. Железо 68
Глава 7. Материальная денатофикация: от одной пятой к четырём пятым 68
Глава 8. Парадокс Инджирлика: два чужих вето 78
Глава 9. Подтверждения извне: процесс видят все, кроме словаря .....
.....84
Часть IV. Векторы и акторы 90
Глава 10. Тюркский вектор: от мечты Гаспринского к институтам ОТГ 90
Глава 11. Турция и Азербайджан: ось двойного назначения 99
Глава 12. Неоосманский радиус: Сирия и Ливия как полигоны автономии 105
Глава 13. Турция и Израиль: от тихого альянса к структурному противостоянию 110
Глава 14. Турция и Россия: диада, опередившая теорию 119
Глава 15. Турция и Иран: четыреста лет управляемого соперничества 128
Глава 16. Турция и Китай: самая недостроенная ось пятиугольника ..
.....138
Глава 17. Турция, Украина и Европа: высшая школа баланса и институт вечного кандидата 148
Глава 18. Эрдоган и его система: носители курса и социальная база

денатофикации 156
Часть V. Чертёж 163
Глава 19. Четыре сценария: карта развилок 163
Глава 20. Окно 2026–2028: Бишкек, Совбез, три М 171
Глава 21. ШОС+: генетический код, а не новая коалиция 173
Заключение. Стратегия вместо провокации 187
Рецензия 191
Приложение А. Хронология французской денатофикации (1958–2009) 193
Приложение Б. Хронология греческой денатофикации (1974–1980) 195
Приложение В. Индикаторная панель денатофикации 196
Приложение Г. Глоссарий 201
Приложение Д. Хронология турецкой автономизации (2009–2026) 204
Приложение Е. Диады пятиугольника: сводная таблица турецких осей 207
Приложение Ж. Денатофикация в десяти вопросах и ответах 209
Приложение З. Институциональная карта Большой Евразии 211
Список литературы 213
Рекомендованная литература 215
Об авторе 217

Предисловие автора

У этой книги есть точная дата рождения, и она задокументирована. 24 июля 2025 года на экспертном форуме ШОС в Чжэнчжоу (Китай) я впервые произнёс слово «денатофикация» с открытой трибуны. Зал отреагировал по-разному — от мгновенного понимания до мгновенного же несогласия, — но равнодушных лиц не было, и это говорило о том, что слово попало в пустовавшую ячейку: явление все видели давно, имени у него не было. РИА Новости зафиксировало момент в тот же день: впервые публично прозвучала формула денатофикации Турции — выведения её из-под ядерного зонтика НАТО как шага, открывающего Анкаре путь к полноценному участию в ШОС. Так термин получил первую прописку: в зале китайского форума ШОС, из уст эксперта центральноазиатского ядра, о судьбе пятого полюса пятиугольника.

Затем последовали три проверочные площадки: Центральноазиатская конференция Валдайского клуба в Геленджике, где концепцию пришлось разворачивать перед российским экспертным сообществом; Международная встреча высоких представителей по вопросам безопасности в Москве, самая требовательная из аудиторий; и Бишкек, круглый стол 8 июня 2026 года[1], где из концепции вырос операциональный замысел, включая мешхедскую инициативу. За один год слово прошло полный испытательный цикл, от китайского зала ШОС до бишкекской трибуны. Книга — его постоянная прописка.

Писать её пришлось быстро, и это сознательный выбор. Жанр требует извинений за «книгу, написанную по горячим следам»; извиняться я не буду. Окно, которому посвящена пятая часть, открыто в 2026–2028 годах, и монография, вышедшая к его закрытию, была бы упражнением в историографии. Эта книга задумана как рабочий инструмент внутри окна. Её

[1] Международный круглый стол «Преемственность идей сопротивления и справедливого миропорядка Хомейни: почему США и Израиль проиграли в войне против Ирана». Бишкек, 8 июня 2026 года. Организаторы: Посольство и Культурное представительство Ирана, Fars News, Eurasia Today.

адресат — не только коллега-исследователь, но и практик, работающий на площадках этого окна, от Бишкека до Нью-Йорка, которому нужны язык, аргумент и индикаторная панель, а не постфактум-хроника. Скорость куплена не ценой строгости — ключевые утверждения снабжены условиями собственной фальсификации, — а ценой полноты: иные сюжеты, заслуживающие глав, получили абзацы.

Интеллектуальные долги названы в тексте, но три из них следует вынести сюда. Алексею Михалёву, моему научному гуру, соавтору и интереснейшему собеседнику, принадлежит соавторство геометрии, на которой стоит вся конструкция. Дискуссионная среда Валдайского клуба дала концепции первую трибуну и первых оппонентов, а оппоненты для новорождённого термина ценнее сторонников. Наконец, Бишкек — город, институции и коллеги — обеспечил то, без чего книга о субъектности ядра была бы самоопровержением: она написана внутри ядра, из его оптики и в его интересе.

Оценки, ошибки и ответственность за них — мои. Индикаторы, по которым эти оценки можно проверить, названы в тексте и наблюдаемы извне; проверку выполнит само окно 2026–2028 годов.

Бишкек, сентябрь 2026 года

Введение. Глагол, которого не хватало

БЕП 2.0 = ШОС + (Турция минус НАТО)

Эта формула — не метафора и не риторическая фигура, а операциональное уравнение: оно фиксирует условие, при котором Большое евразийское партнёрство второго поколения перестаёт быть концептуальным наброском и становится реализуемой архитектурой. Тезис книги умещается в одно предложение: у Большой Евразии давно есть карта, но до сих пор не было глагола, который приводит эту карту в движение. Этот глагол — денатофикация.

Слово на момент написания книги не значится ни в одном словаре, и это нормально: словари фиксируют понятия задним числом, а политическая реальность нуждается в именах раньше, чем лексикографы успевают их каталогизировать. Когда явление есть, а имени нет, явление остаётся невидимым для стратегического мышления — его невозможно обсуждать, измерять, планировать и тем более класть в основание архитектуры континентальной безопасности. Турецкая автономизация внутри НАТО идёт уже более десяти лет: закупка российских С-400 вопреки санкционному давлению, изгнание из программы F-35 и упорная работа над собственным истребителем, рост локализации оборонной промышленности с примерно одной пятой до четырёх пятых, учредительство в Организации тюркских государств, Астанинский формат с Россией и Ираном, статус партнёра ШОС. Каждый из этих фактов по отдельности объясним тактически; их совокупность — процесс. Процесс без имени для политики не существует, и книга даёт ему имя.

Денатофикация — это градуированное, обратимое и суверенное расцепление государства с интегрированной военной структурой НАТО при сохранении политического членства в альянсе. Не выход (одномоментный акт), не дрейф (бесцельное состояние), не «разворот на Восток»

(журналистская метафора), а направленный процесс с историческим прецедентом длиной в сорок три года: Франция жила в этом промежуточном статусе с 1966 по 2009 год, и небо над Парижем не упало на землю.

Зачем книга

Публичную апробацию концепция прошла за год — от Чжэнчжоу до Бишкека, как рассказано в предисловии; первой трибуной оказалась площадка самой ШОС, где термин прозвучал на год раньше валдайских и московских дискуссий. Параллельно выстроился цикл статей: геометрия («Пять и пять»), эмпирика («Материальная денатофикация»), механизм (статья о денатофикации и БЕП 2.0). Статья доказывает тезис; книга собирает доказанное в систему и закрепляет понятийный аппарат. Перед вами не сборник статей под одной обложкой, а единый аргумент, развёрнутый в пять тактов.

Такт первый — **Карта**. Геометрия Большой Евразии: пять цивилизационных полюсов КИРИТ (Китай, Индия, Россия, Иран, Турция) по периметру и пять государств Центральной Азии как ядро субъектности. Карта существует, она вычерчена подробно, и она статична.

Такт второй — **Глагол**. Определение денатофикации, её демаркация от смежных понятий, исторические прецеденты (де Голль-1966, Греция-1974) и оговорка о том, чем НАТО 2026 года отличается от НАТО шестидесятилетней давности.

Такт третий — **Железо**. Эмпирическая проверка: материальная денатофикация турецкого оборонно-промышленного комплекса уже идёт, и идёт быстрее, чем её осмысляют. Здесь же — фальсифицируемый индикатор процесса, парадокс Инджирлика: около пятидесяти американских боеголовок B61 на турецкой земле и американские двигатели в турецком истребителе пятого поколения как два последних чужих вето над турецким суверенитетом.

Такт четвёртый — **Векторы и акторы**. Страновые досье: тюркский вектор и Азербайджан, неоосманский радиус, Израиль, Россия, Иран, Китай, Украина и Европа — каждая

турецкая ось в отдельности, — и носители курса внутри самой Турции.

Такт пятый — **Чертёж**. Сценарии, дипломатическое окно 2026–2028 годов — саммит ШОС в Бишкеке и кресло Кыргызстана в Совете Безопасности ООН, — формула «трёх М» (Мюнхен–Минск–Мешхед) и место денатофикации в генетическом коде ШОС+.

Чем книга не является

Книга не призывает Турцию выходить из НАТО — это было бы и невозможно, и контрпродуктивно, и противоречило бы самому определению денатофикации, в котором политическое членство сохраняется. Книга не является антизападным памфлетом: концепт, выросший из шанхайского кода демилитаризации, не может ставить целью новый военный блок, не впадая в самопротиворечие. Наконец, книга не является прогнозом. Она строится по попперианскому стандарту: называет наблюдаемые индикаторы и условия собственной фальсификации. Если Турция углубит участие в ядерном планировании НАТО, реинтегрирует свой ОПК в натовские цепочки и свернёт локализацию — концепция будет опровергнута, и я первым это признаю. Аналитика, не способная ошибиться, не аналитика, а пропаганда.

Как читать эту книгу

Книга строилась как единый аргумент, но у неё три аудитории, и для каждой — свой маршрут. Исследователю-международнику адресован полный маршрут от первой части к пятой: понятийный аппарат вводится во второй части, верифицируется в третьей, нагружается страновым материалом в четвёртой; глоссарий и индикаторная панель в приложениях служат справочным контуром. Практику — дипломату, сотруднику международной организации, аналитику

аппарата — рекомендован короткий маршрут: введение, главы 4 и 8 (определение и индикатор), затем сразу пятая часть с дорожной картой и календарём; четвёртая часть в этом маршруте — справочник по конкретным досье, к которому обращаются по мере надобности. Читателю-неспециалисту, которому интересна сама драма идеи, советую начать с глав 5 и 18 — исторических прецедентов и человеческого измерения, — после которых остальная конструкция читается как развязка. Какой бы маршрут ни был выбран, две страницы обязательны для всех: формула на первой и условия фальсификации в главе 8 — вход и аварийный выход аргумента.

Последняя оговорка на входе касается жанра. Это инструмент, а не прогноз. Конкретные даты, имена и события, которыми насыщен текст, — саммит в Анкаре, бишкекское окно, мешхедская инициатива, фигуры нынешней турецкой власти — иллюстрируют работающий механизм, а не задают расписание. Если саммит перенесут, инициатива забуксует, а действующие лица сменятся, концептуальная рамка — денатофикация как градуированный механизм, индикаторная панель, геометрия КИРИТ — останется в силе: она описывает класс процессов, а не единичный календарный сюжет. Оптика и измерительный прибор не зависят от политической погоды, на которую они наведены.

Терминологическое примечание

Термин «денатофикация» сконструирован намеренно. Его внутренняя форма содержит аббревиатуру НАТО, выделяемую в письме и произношении (де-НАТО-фикация), и образован он по продуктивной модели русских отглагольных существительных на «-фикация», обозначающих направленный процесс преобразования. В части прессы встречается орфографический вариант «денатификация»; нормативной для авторской концепции является форма «денатофикация», сохраняющая прозрачную отсылку к корню. Английский эквивалент —

denatofication, китайский передаётся описательно с фиксацией латинского термина. Полный глоссарий понятийного аппарата книги — денатофикация, КИРИТ, БЕП 2.0, парадокс Инджирлика, «три М» — вынесен в приложение.



Часть I. Карта

ГЛАВА 1

ОТ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ К БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ГЕНЕАЛОГИЯ ИДЕИ И ГДЕ ОНА ОСТАНОВИЛАСЬ

Новый механизм нужно вписать в интеллектуальную традицию, из которой он вырос, и назвать незакрытую задачу этой традиции, которую он решает. Денатофикация не возникла на пустом месте: она — недостающее звено в тридцатилетней эволюции одной большой идеи, которая прошла путь от «Большой Европы» через «поворот на Восток» к «Большой Евразии» и остановилась в одном шаге от собственной реализуемости. Эта глава — генеалогия остановки.

Большая Европа: проект, который кончился

Идея «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока» была доминирующей рамкой российского — и отчасти общеевропейского — стратегического воображения с начала 1990-х до середины 2010-х годов. В её основании лежала презумпция: окончание холодной войны означает расширение единого институционального пространства, и вопрос лишь в том, на каких условиях Россия в него войдёт. Ожидание было искренним и долгим. Оно пережило расширения НАТО 1999 и 2004 годов, пережило косовский прецедент, пережило даже 2008 год и окончательно умерло между 2014 и 2022 годами, когда стало ясно, что единое пространство строится не с Россией, а напротив неё.

Причины смерти Большой Европы описаны в библиотеках; для нашего сюжета важен структурный урок. Большая Европа была проектом присоединения к чужой архитектуре. Все её варианты, от козыревского до самых поздних, предполагали, что несущие конструкции уже построены другими, а предметом переговоров является лишь статус входящего. Ф.А. Лукьянов позднее свёл структурный итог этой логики к двум пунктам: расчёт укрыться под чужим интеграционным зонтом от геополитических потрясений не оправдался ни в первом смысле — зонт перестал что-либо твёрдо обещать, — ни во втором, потому что сам вход под него делает вошедшего мишенью чужого размена. Для турецкого сюжета этой книги замечание работает буквальнее, чем для того, по поводу которого сделано: именно так читается парадокс Инджирлика в главе 8. Такой проект в принципе не нуждался в собственном механизме строительства: механизм был чужой. Когда дверь закрылась, выяснилось, что за тридцать лет ожидания не было создано ни собственного чертежа, ни собственного глагола. Следующая большая идея унаследовала это отсутствие, не заметив его.

Поворот: Большая Евразия первого поколения

Три волны евразийской идеи

Поворот 2010-х был третьим пришествием евразийской идеи, и каждая из двух предыдущих волн оставила нынешней конструкции своё наследство.

Первая волна — классическое евразийство 1920-х: Трубецкой, Савицкий, Алексеев и круг эмигрантских сборников, впервые помысливших пространство между Европой и Азией не как недо-Европу, а как самостоятельный «континент-океан» с собственной судьбой. У классиков нынешняя конструкция берёт главное — презумпцию цивилизационной самостоятельности, — но не берёт их россиецентризм: евразийство 1920-х мыслило Евразию как

пространство одной государственности, и эта оптика для архитектуры пяти равноправных полюсов непригодна. Вторая волна — гумилёвская, подарившая идее научно-поэтический язык комплиментарности и суперэтносов и обеспечившая ей массовое культурное укоренение от Казани до Алматы; её наследство — словарь, а не чертёж.

Третья волна пришла не из Москвы, и для всей логики книги это принципиально. В марте 1994 года в Московском университете президент Казахстана Назарбаев предложил проект Евразийского союза — первую постсоветскую институциональную программу евразийской интеграции. Идея, из которой выросли ЕврАзЭС и затем ЕАЭС, была выдвинута из Центральной Азии: ядро выступило автором архитектуры за двадцать лет до того, как «поворот на Восток» стал московским мейнстримом. Этот генеалогический факт обычно проговаривают скороговоркой, а он несущий: субъектность ядра, которую глава 2 кладёт в основание БЕП 2.0, — не новация этой книги, а восстановление исторической справедливости. Центральная Азия — соавтор евразийского проекта по праву первородства.

«Сопряжение» как эвфемизм: формула, не ставшая механизмом

Центральная формула первого поколения — «сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути», позднее расширенная до «интеграции интеграций». За десятилетие формула не породила ни одного наднационального института, ни одного общего трибунала, банка или тарифа, и это свойство конструкции, а не случайность исполнения. «Сопряжение» — дипломатический эвфемизм, позволяющий двум проектам с несовместимыми операционными системами (таможенный союз с наднациональным регулятором — и сетевая инициатива двусторонних сделок без устава и членства) декларировать совместимость, не создавая её. Интегрировать проще всего

субъектов; связывание же готовых оболочек требует собственных институтов, и как раз их первое поколение не построило. Фиксация этого пропуска входит в условия возможности второго поколения: БЕП 2.0 строится как партнёрство субъектов, от полюсов до ядра, а не как сопряжение чужих оболочек.

Точности ради удар следует адресовать точно. Он приходится не на сам замысел связывания интеграций — механизм, задуманный как соединение объединений через их банки развития и торговые режимы, — а на судьбу этого замысла в официальном употреблении, где он был обращён в вежливую формулу совместимости, не требующую ни одного института. Разница видна там, где замысел применялся по назначению: формат ШОС+, институционализированный на тяньцзиньском саммите 2025 года, дал наблюдаемый результат ровно потому, что соединял организации, а не декларации.

Концептуальный разворот был оформлен в середине 2010-х годов, и его авторство в русскоязычном дискурсе принадлежит прежде всего С.А. Караганову и Т.В. Бордачёву с кругом Валдайского клуба: программная формула «от Большой Европы к Большой Евразии» зафиксировала смену вектора с присоединения на собственное строительство. Официальную рамку идея получила в виде Большого евразийского партнёрства, сопряжения ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и Путь», диалоговых форматов с ШОС и АСЕАН. Из того же круга к концу десятилетия прозвучал и первый инвентарный вопрос — что в концепции ещё не сделано; ответ Бордачёва, назвавшего главным препятствием разновекторность внешнеполитического целеполагания самих участников, по существу совпадает с первым из трёх дефицитов, разбираемых ниже.

Большая Евразия первого поколения сделала главное — развернула вектор. Впервые за постсоветскую эпоху стратегическое воображение перестало смотреть на Запад как на единственный источник архитектуры и увидело континент как самостоятельное целое. Были названы опоры: сопряжение интеграций, сухопутные коридоры, незападные

институты развития. У последней опоры был и собственный концептуальный язык — «синдицированный регионализм», предложенный Я.Д. Лисоволиком в 2018 году как описание платформ региональных институтов развития для со-финансирования и координации политики; он точно называет то, чего БЕП первого поколения так и не собрало: не декларацию о сопряжении, а общий балансовый контур. Возникла и окрепла дискуссия о «мировом большинстве».

Но спустя десятилетие приходится констатировать: БЕП первого поколения осталось декларацией о намерениях. Сопряжение ЕАЭС и «Пояса и Пути» не породило ни одного наднационального института. ШОС, приняв Индию, Пакистан, Иран и Беларусь, расширилась экстенсивно, но её институциональная архитектура — консенсусная, безбюджетная, декларативная — осталась прежней: организация, приспособленная решать задачи безопасности образца 1996 года, оказалась структурно неспособна к экономической интеграции. «Большая Евразия» за десять лет превратилась в общее место официальных речей — верный признак того, что концепт перестал быть инструментом и стал орнаментом.

Почему «партнёрство», а не «пространство»

В литературе и официальных документах конкурируют две формулы: Большое евразийское «пространство» и Большое евразийское «партнёрство». Моя позиция, проведённая через весь цикл публикаций и через эту книгу, однозначна: **партнёрство**. Различие не стилистическое. «Пространство» — категория географическая и пассивная: пространство просто есть, в нём можно находиться, его можно делить. «Партнёрство» — категория субъектная и активная: оно существует лишь постольку, поскольку участники совершают действия друг относительно друга. Слово «пространство» незаметно протаскивает обратно логику Большой игры, в которой континент — территория, а действуют на ней

внешние силы. Слово «партнёрство» фиксирует, что единицей архитектуры является субъектность. Вся конструкция «пяти и пяти» в следующей главе вырастает из этого выбора. Спор этот шире терминологического. А.В. Лукин и Д.П. Новиков поставили его в теоретической форме — становится ли Большая Евразия геополитическим полюсом или международным сообществом; различие полюса и сообщества и есть, на другом языке, различие пространства и партнёрства. Мой ответ на их развилку — второй вариант, и по той же причине: сообщество, как и партнёрство, существует лишь постольку, поскольку участники действуют друг относительно друга.

Диагноз: три дефицита первого поколения

Большая Евразия первого поколения остановилась из-за трёх структурных дефицитов, и все три — слепые зоны самой оптики, а не случайные упущения.

Первый дефицит — **отсутствие субъектности ядра**. БЕП 1.0 проектировалось как конструкция великих держав; Центральная Азия присутствовала в нём как пространство сопряжения, то есть как объект. Между тем малые и средние государства Центральной Евразии за три десятилетия доказали способность принимать решения, меняющие логику игры. Любой проект, в котором регион предстаёт объектом дележа, обречён на отторжение уже на этапе презентации его центральноазиатской аудитории.

Из первого дефицита вытекает второй — **нерешённый турецкий вопрос**. Турция в конструкциях первого поколения либо вовсе не упоминалась (как «не-евразийская» страна НАТО), либо упоминалась с неловкой оговоркой. Между тем без Турции евразийская архитектура лишена юго-западного замка́ — выхода к Средиземноморью, тюркского цивилизационного контура, второй армии НАТО. Первое поколение предпочитало об этом молчать, потому что не имело языка, на котором о турецкой двойственности можно говорить операционально, а не публицистически.

За обоими стоит третий дефицит, главный: **отсутствие механизма перехода**. БЕП 1.0 описывало желаемое состояние, но не называло процесс, переводящий наличное состояние в желаемое. Это и есть «карта без глагола».

Три дефицита связаны: турецкий вопрос нельзя решить без механизма, механизм не легитимен без субъектности ядра, а субъектность ядра не реализуема, пока в южном центре континента стоит военная инфраструктура, управляемая извне. Развязывается узел в одной точке, и эта точка определяется в следующей главе по принципу Парето.

БЕП 2.0: определение второго поколения

Большим евразийским партнёрством второго поколения (БЕП 2.0) в этой книге называется архитектура, удовлетворяющая трём условиям, зеркальным трём дефицитам первого поколения. Её ядро субъектности — пять государств Центральной Азии в роли соавтора, а не объекта. Её внешний контур включает все пять цивилизационных полюсов КИРИТ, включая Турцию, причём включает её через названный и управляемый процесс расцепления с интегрированной военной структурой альянса, а не вопреки турецкой принадлежности к НАТО. И у неё есть глагол: механизм перехода, наблюдаемые индикаторы, календарь и институциональная рамка наследования — ШОС+, выстроенная на шанхайском генетическом коде демилитаризации и неделимой безопасности.

Отсюда и операциональная формула, вынесенная на первую страницу: БЕП 2.0 = ШОС + (Турция минус НАТО). Левая часть уравнения — желаемая архитектура. Правая называет оба слагаемых пути к ней: институциональное наследование (ШОС как несущая конструкция) и процесс (оператор «минус» — денатофикация). Вся остальная книга — раскрытие скобок в этом уравнении.

ГЛАВА 2

ПЯТЬ И ПЯТЬ: КИРИТ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ ЯДРО

Геометрия КИРИТ, на которой стоит вся книга, изложена в статье «Пять и пять»; здесь она развёрнута с акцентом на те элементы, которые понадобятся для постановки задачи о механизме: этимологию и логику пятиугольника, его ядерный контур, индийский предохранитель, различение вершин и радиусов, субъектность центральноазиатского ядра и локализацию структурной поломки.

Пятиугольник КИРИТ: констелляция, а не блок

Россия, Китай, Индия, Иран, Турция — пять тысячелетних цивилизаций, каждая из которых обладает собственной исторической волей, собственной геополитической доктриной и собственной стратегической глубиной. Пять столиц — Москва, Пекин, Дели, Тегеран, Анкара — располагаются по периметру континента, образуя конфигурацию, которую мы обозначаем аббревиатурой КИРИТ (в латинской записи CIRIT: China, India, Russia, Iran, Türkiye). Суммарно пять полюсов охватывают большинство человечества, критическую долю мирового ВВП по паритету покупательной способности и все ключевые сухопутные коридоры континента.

Жанр страновых констелляций разрабатывается в последние годы систематически, и наиболее последовательно — Я.Д. Лисоволиком: BEAMS и SAGES собирают региональные интеграционные объединения Евразии и Глобального Юга, PEAKs и CEIBAS — крупнейшие экономики его регионов,

OASES — малые открытые нейтральные экономики, PIERs — государства с двойным океаническим выходом. Признак отбора в каждом случае структурный: членство в объединении, размер, положение относительно океана. КИРИТ собран на ином основании и потому этому ряду не конкурент, а дополнение: критерий здесь — сочетание цивилизационной субъектности с контролем над сухопутными коридорами континента. Отсюда и главное различие следствий. Перечисленные конструкции описывают связность через морские и блоковые контуры; КИРИТ описывает её через сушу — там, где выход к океану отсутствует по определению и где связность приходится не наследовать от географии, а строить.

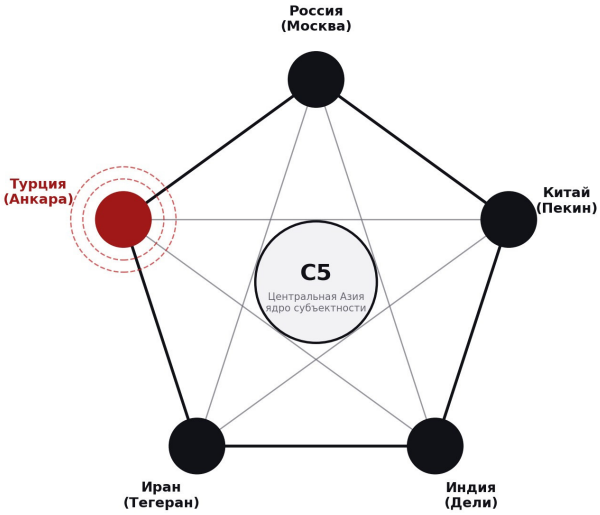


Рис. 1. Геометрия «пяти и пяти»: пятиугольник КИРИТ и ядро С5. Турция — точка структурной поломки в двух несовместимых системах безопасности.

Этимология аббревиатуры двойственна и выбрана сознательно. Тюркское cirit — конно-спортивная игра, в которой всадники метают дротики в общий центр: динамика, манёвр, состязательность, обращённая к общему центру тяжести. Санскритское kirīṭa — корона: легитимность, достоинство, суверенный венец. Динамика и легитимность — два качества, которых в равной мере не хватало евразийским конструкциям первого поколения.

КИРИТ — не блок, не союз и не прото-альянс. Это констелляция цивилизационных субъектностей: конфигурация, в которой каждая вершина сохраняет собственную концепцию миропорядка и собственные, в том числе конфликтные, отношения с остальными вершинами. Индо-китайское пограничное противостояние не снято; ирано-турецкая конкуренция за влияние в мусульманском мире имеет полутысячелетнюю историю; российско-турецкие отношения за последнее десятилетие прошли через сбитый самолёт и убитого посла. Констелляция не отменяет этих противоречий — она предлагает рамку, в которой они становятся внутренними балансирами архитектуры, а не поводами для её невозможности. Зеркальность Ирана и Турции — южной и северо-западной вершин, исторических конкурентов за один и тот же цивилизационный ареал, — делает пятиугольник устойчивым так, как растяжки делают устойчивой мачту.

Иран: южная вершина и культурная матрица

Южную вершину принято недооценивать, сводя её к текущей политической конъюнктуре. Иран в пятиугольнике — не только шиитский и исламский полюс, но и носитель иранской культурной матрицы, простирающейся на Таджикистан, Афганистан, части Узбекистана и Пакистана — вплоть до Большого Хорасана. Эта матрица — самостоятельный геополитический ресурс, который не обнуляется ни войной весны 2026 года, ни любым политическим кризисом: режимы конъюнктурны,

цивилизационные ареалы — нет. Концепция «между Ираном и Тураном», разработанная в моих предшествующих работах, описывает эту архитектуру: Иран как внешний Восток по отношению к России, Туран как внутренний, и вся Центральная Евразия как пространство их исторического взаимодействия. Функционально южная вершина зеркальна северо-западной, и потому судьбы двух вершин связаны. Открытый после войны 2026 года вопрос о том, сохранит ли иранская ядерная программа пороговый статус или станет частью сделки о денуклеаризации, определяет не место Ирана в пятиугольнике (оно константно), а конфигурацию ядерного контура всей конструкции.

Ядерный контур пятиугольника

КИРИТ отличается от всех великодержавных конфигураций двадцатого века одним обстоятельством: впервые в современной истории объединяются пять цивилизаций, каждая из которых либо является ядерной державой, либо находится в пороговом или околопороговом состоянии. Россия и Китай — признанные ядерные державы из пятёрки ДНЯО, причём Китай ускоренно наращивает арсенал. Индия — ядерная держава вне ДНЯО, де-факто признанная международным сообществом через соглашения о мирном атоме. Иран — подписант ДНЯО, обогащающий уран сверх шестидесяти процентов и прошедший весной 2026 года через прямое военное столкновение с США и Израилем. Турция — подписант ДНЯО, на территории которой размещено порядка пятидесяти американских тактических зарядов B61, устами министра иностранных дел публично поставившая под вопрос справедливость самого режима нераспространения.

В пятиугольнике одновременно действуют три режима ядерной логики: классическое взаимное сдерживание (Россия и Китай в отношении третьих сил), региональная дуополия (Индия в связке с пакистанским внешним контуром) и — принципиально новый режим — стратегическая ядерная

амбивалентность, которую Турция, судя по риторике 2026 года, заимствует у Израиля: не подтверждать, не отрицать, критиковать режим как несправедливый и позиционировать себя как пороговое государство. Сравнительная конфигурация сведена в таблицу.

Полюс	Статус по ДНЯО	Боезаряды (оценка)	Средства доставки	Особенность
Россия	Признанная ядерная держава	~5500	Полная триада	Крупнейший арсенал мира
Китай	Признанная ядерная держава	~500, рост к ~1000 к 2030	Триада	Ускоренное наращивание
Индия	Вне ДНЯО, де-факто признана	~170	Почти полная триада	Доктрина неприменения первым с оговорками
Иран	Подписант ДНЯО, пороговое	0 (обогащение свыше 60%)	БР среднего радиуса	Война 2026 года как ускоритель
Турция	Подписант ДНЯО, потенциально пороговое	0 собственных + ~50 B61 (США)	Носители вне турецкого контроля	Публичная критика ДНЯО (2026)

Источники: SIPRI Yearbook 2025; Federation of American Scientists, 2025.

Если иранская программа переживёт войну 2026 года в пороговом статусе, вопрос о турецкой программе перестаёт быть гипотетическим и становится вопросом времени: вербальная оболочка уже предъявлена — от слов министра иностранных дел о несправедливости режима нераспространения до заголовков провластной прессы. Для архитектуры БЕП 2.0 отсюда следует жёсткий проектный вывод: конструкцию нужно рассчитывать сразу на конфигурацию «все пять полюсов — ядерные», иначе она окажется неадекватна реальности уже к концу десятилетия. Этот же контур задаёт цену турецкого вопроса: пятый полюс с чужими боеголовками на своей территории — несущая балка чужой системы внутри собственного чертежа.

Индия: не балласт, а якорь

Индию в ШОС часто описывают через метафору балласта: индо-пакистанский конфликт блокирует коллективные решения, индо-китайское противостояние не снято, участие в QUAD делает Дели «неудобным» членом для тех, кто видит ШОС ядром антизападного блока. Я предлагаю противоположное прочтение: **Индия — не балласт, а якорь**, и её присутствие — условие приемлемости всей конструкции.

Без Индии ШОС и БЕП рискуют превратиться в «клуб санкционированных». С Индией это платформа цивилизационного плюрализма, где действует постгегемонистская многополярность, а не антизападная солидарность. Индия — единственный полюс пятиугольника, глубоко интегрированный одновременно в западную и евразийскую геометрию: она покупает российскую нефть и американское оружие, состоит в БРИКС и в QUAD, и её внешнеполитическая субъектность никогда не подвергалась сомнению ни Западом, ни Востоком. Само присутствие Дели в пятиугольнике страхует конструкцию от захвата одной-двумя державами и делает её приемлемой для столиц, не желающих жёсткого выбора между полюсами.

Операциональный вывод: Индии не обязательно входить в каждый механизм углублённого сотрудничества внутри БЕП 2.0 — она не войдёт в банк развития С5 и не откажется от отношений с Западом. Её функция иная и незаменимая: **структурный предохранитель, встроенный в геометрию**. К этому предохранителю я вернусь в главе 21, когда нужно будет снимать возражение о «строительстве антиблока»: конструкция, в которую вшита Индия, в военный блок не превращается по построению.

Вершины и радиусы: Пакистан и Беларусь

Тот же принцип — вершина есть цивилизационная субъектность, а не вес участника — объясняет, почему

ядерный Пакистан, полноправный член ШОС, не включён в число вершин. Пакистан рассматривается как стратегический партнёр китайского полюса: его цивилизационная траектория производна от индийского поля, разделённого по религиозному признаку, а его оборонная, финансовая и дипломатическая политика на семьдесят–восемьдесят процентов опосредована Пекином. Аналогично Беларусь — спутник российского полюса, чья международная субъектность опосредована российскими гарантиями. Различение вершин и радиусов принципиально для чистоты геометрии: если каждого крупного участника объявлять вершиной, пятиугольник превращается в произвольный многоугольник, и архитектуру справедливо обвинят в искусственности. Радиус — функциональная встроенность через полюс-патрон. Интересы радиусов при этом представлены, а симметрия сохранена.

Пять в пяти: Центральная Азия как ядро субъектности

Геометрия внешнего контура, ограничивающаяся великими державами, методологически ущербна и политически токсична. Ущербна — потому что игнорирует главный урок трёх десятилетий: малые и средние государства Центральной Евразии оказались самостоятельными агентами, способными менять логику игры. Токсична — потому что воспроизводит колониальную оптику Большой игры, в которой «великие державы» обсуждали судьбу «Востока» без самого Востока. Поэтому ядро архитектуры образуют пять государств Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Пять цивилизационных полюсов по периметру — пять государств в ядре. Пять и пять.

Это описание фактической конфигурации, а не симметрическая игра. Совокупное население С5 превысило восемьдесят миллионов человек и продолжает расти на фоне демографической стагнации большинства вершин; медианный возраст региона — один из самых низких в Евразии, что

делает ядро не только географическим, но и демографическим резервуаром континента. Через регион проходят все сухопутные коридоры, связывающие полюса: китайско-европейский железнодорожный транзит, Север–Юг к иранским портам, Срединный коридор к турецким. Здесь же — критические для индустрии полюсов ресурсы: уран Казахстана и Узбекистана, газ Туркменистана, гидроэнергетический потенциал Кыргызстана и Таджикистана, редкоземельная перспектива всего региона. Ядро — субстанция, без которой ни один коридор не соединяется и ни одна вершина не дотягивается до другой. Здесь сходятся интересы каждой из пяти вершин; здесь же, в Бишкеке, в августе 2026 года прошёл саммит ШОС, а с 2027 по 2028 год Кыргызстан занимает кресло непостоянного члена Совета Безопасности ООН.

Коридорная геометрия: три оси через одно ядро

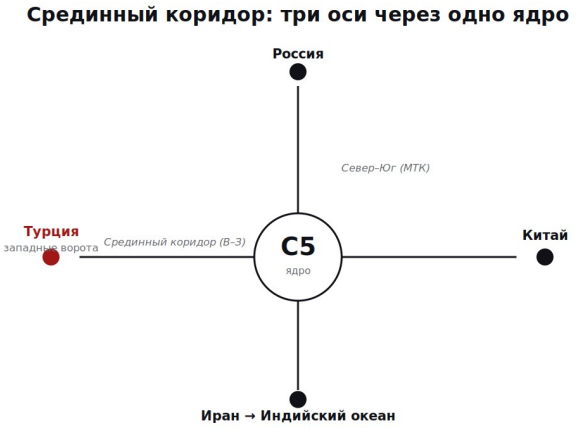


Рис. 2. Все континентальные оси пересекаются в ядре С5; Турция — западные ворота. Статус западных ворот (внутри чужой структуры или вне её) определяет суверенность артерии.

Тезису о ядре как субстанции связности нужна картографическая конкретика, потому что на ней строится экономический этаж всей архитектуры. Через Центральную

Азию проходят три континентальные оси. Ось восток–запад: китайско-европейский сухопутный транзит, в котором казахстанский участок — самое широкое из «бутылочных горл» Евразии, а его южная ветвь — Срединный коридор через Каспий и Кавказ к турецким портам — единственный коридор Китай–Европа, минующий одновременно и российскую территорию, и морские проливы под чужим контролем; он же стал самым быстрорастущим коридором десятилетия. Ось север–юг: международный транспортный коридор от российских равнин через Каспий и Иран к портам Индийского океана, замыкающий Россию и Индию в обход всех морских узких мест, — его восточная ветвь идёт через Туркменистан и Казахстан. И ось внутренняя, водно-энергетическая: гидроузлы Кыргызстана и Таджикистана, от режима которых зависит сельское хозяйство всей равнинной части региона, — ось не транспортная, но не менее связующая.

Все три оси пересекаются в одном и том же ядре, и ни одна из вершин не дотягивается до противолежащей, минуя его. Это превращает С5 из «пространства транзита» в держателя сетевого узла — позиция, которую экономическая география оценивает выше любых сырьевых запасов: узлы, в отличие от месторождений, не исчерпываются. Эта же геометрия объясняет, почему турецкий вопрос — вопрос ядра. Срединный коридор упирается западным концом в турецкую территорию, и её статус — внутри чужой военной структуры или вне её — определяет, остаётся ли коридор суверенным евразийским или заканчивается в чужом контуре. Коридорная карта и карта безопасности — одна карта.

Урок тридцати лет: ядро как агент

Субъектность ядра — не аванс и не комплимент, а эмпирическое обобщение трёх десятилетий. Государства С5 пережили распад метрополии, гражданскую войну, смены режимов, афганское соседство во всех его фазах и не стали

ничьим протекторатом. Многовекторная политика для них — осознанная технология выживания и роста, а не признак слабости: одновременное членство и партнёрство в ЕАЭС, ШОС, ОТГ, форматах «С5+» со всеми мировыми центрами — это, в сущности, та же стратегическая амбивалентность, которой посвящена эта книга, только освоенная малыми и средними государствами раньше и чище, чем великими. Отсюда неожиданная, но строгая симметрия с турецким сюжетом: ядро понимает гетеротопию изнутри, на собственном опыте, и потому способно предложить Турции рамку без морализаторства и без вербовки. Ядро — не бенефициар архитектуры, а её соавтор и оператор. Тезис этот не одинок и не нов. В российской литературе Центральная Азия описана как формирующаяся подсистема международных отношений — целое со своей внутренней логикой, а не поле чужих проекций (К.П. Курылёв и соавторы). К близкому выводу приходит и китайская центральноазиатика: Сунь Чжуанчжи, разбирая региональную безопасность после афганского перелома, ставит рядом два фактора — игру великих держав и собственное региональное сотрудничество пяти государств, — и второй у него не производен от первого. Две школы, работающие независимо и из разных столиц, сходятся на том же: ядро наблюдаемо ведёт себя как агент.

Азербайджанский вопрос: западный шлюз, а не шестая вершина

Симметрия «пять и пять» немедленно вызывает законное возражение: а где в этой геометрии Азербайджан — и почему ядро не С6? Возражение сильное: Азербайджан тюркский, как четыре из пяти государств ядра; он замыкает Срединный коридор на западе, без чего коридор вообще не дотягивается до турецкой вершины; он состоит с Анкарой в формуле «одна нация — два государства» (см. главу 11); он член Организации тюркских государств и уже не первый год — гость на консультативных

встречах глав государств Центральной Азии. В реальной политике рамка «С5 плюс Азербайджан» обсуждается всерьёз. Геометрия ядра, обходящая этот вопрос молчанием, выглядела бы произвольной.

Сначала о весе самого Азербайджана, потому что в нём — живое подтверждение центрального тезиса третьей части. Вторая карабахская война 2020 года и суточная операция сентября 2023 года, вернувшие Баку контроль над спорной территорией, выиграны не только азербайджанской решимостью, но и азербайджанской армией, перестроенной по турецкому образцу: беспилотная доктрина, офицерская школа, совместные учения, оборонно-промышленная кооперация вплоть до совместных производств, закреплённая шушинским союзным уровнем. Это эмпирическая витрина материальной денатофикации вовне: турецкая военная модель, о суверенной природе которой пойдёт речь в главе 7, экспортирована к соседу и выиграла войну в поле. Азербайджан — первый и самый убедительный экзамен турецкого оборонного комплекса за рубежом. Вес этого актора в архитектуре велик, тем важнее определить его место точно.

Место это — не в ядре, и причина принципиальна, а не вкусовая. Ядро С5 определено в предыдущем разделе функцией, а не родством и не дружелюбием: это пять государств, через которые проходят все три континентальные оси сразу и на пересечении которых держится сетевой узел. Азербайджан держит западный участок одной оси — Срединного коридора; его не касаются ни ось Север–Юг в её туркмено-казахстанской ветви, ни внутренняя водно-энергетическая. Он несущее звено важнейшего коридора, но не держатель узла. К этому добавляется география: Каспий физически отделяет Азербайджан от ядра, он Южный Кавказ, а не Центральная Азия, и растворение этой границы размыло бы определённость, на которой стоит вся конструкция. И добавляется принцип, который в главе 4 будет применён к самому термину: точность дороже широты. Если расширять ядро до Азербайджана по признаку родства

и полезности, то почему не до Грузии, тоже звена коридора, или до Монголии, буфера и наблюдателя ШОС? Граница ядра, проведённая по принципу, держит; проведённая по симпатии — расползается.

Подлинная же ценность Азербайджана — в той позиции, которую членство в ядре у него бы отняло. Его сила в том, что он «между»: мост между ядром и турецкой вершиной, канал между тюркским миром и Москвой, дверь к Израилю — функции, разобранные в главах 10 и 11 и работающие потому, что Баку стоит снаружи ядра, не растворяясь ни в одной из систем, которые соединяет. Втянуть его в ядро значило бы превратить шлюз в стенку отсека и обнулить его медиаторную природу. Логика для книги не новая: Индия, как показано выше, не входит ни в банк развития, ни в углублённые механизмы и вне их исполняет роль предохранителя, вшитого в геометрию. Категория «незаменимый в собственной роли» у архитектуры уже есть, и Азербайджан занимает в ней почётное место. Поэтому ядро остаётся С5, а Азербайджан — его западный шлюз. Условие пересмотра: если бы Баку однажды замкнул на себя самостоятельный сетевой узел, а не один участок одной оси, вопрос о вершине встал бы заново. Пока этого нет, «пять и пять» остаётся точным описанием.

Принцип Парето и локализация поломки

Карта собрана, и на ней можно точно указать место поломки. Из всего множества преобразований, необходимых для перехода к БЕП 2.0, существует малая доля усилий, дающая основную долю результата, — классическая пропорция Парето: двадцать процентов усилий, восемьдесят процентов эффекта. Эта критическая точка — Турция.

Пятый полюс конструкции вписан одновременно в две несовместимые системы безопасности. Турция — член НАТО с 1952 года, и одновременно: государство-основатель Организации тюркских государств, участник Астанинского формата вместе

с Россией и Ираном, партнёр ШОС с заявленной аспирацией на полное членство, заказчик российской атомной станции и крупнейший после Китая и Индии покупатель российских углеводородов. Пока Турция остаётся в интегрированной военной структуре альянса, евразийская архитектура неполна не количественно — одним полюсом меньше, — а **качественно**: внутри контура присутствует элемент, чья военная инфраструктура управляется извне контура. Никакое наращивание остальных связей этой поломки не компенсирует: нельзя достроить здание, в несущей стене которого стоит чужая балка с чужим краном управления.

Эта двойственность — не дипломатическая случайность и не недоработка Анкары. Она конститутивна, и для её анализа нужен специальный инструмент — понятие гетеротопии Мишеля Фуко.

ГЛАВА 3

ГЕТЕРОТОПИЯ ПО ФУКО: ТУРЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО НЕСОВМЕСТИМЫХ ПОРЯДКОВ

Чтобы говорить о турецкой двойственности операционально, а не публицистически, нужна аналитическая оптика, в которой одновременное пребывание в несовместимых системах — не аномалия, подлежащая немедленному устранению, а особое, описуемое и продуктивное состояние. Такая оптика в гуманитарной мысли существует: это понятие гетеротопии Мишеля Фуко.

Понятие: иные пространства

Фуко ввёл понятие гетеротопии для обозначения реальных — в отличие от утопий — пространств, которые обладают свойством «соединять в одном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы». Театральная сцена, на которой сменяются чужие друг другу миры; сад, собирающий в одном периметре растения разных климатов; корабль — «плавающий кусок пространства, место без места». Гетеротопия — работающее пространство, в котором несовместимые порядки сосуществуют, отражаются друг в друге и взаимно оспариваются.

Перенос понятия в анализ международных отношений требует аккуратности, но даёт немедленный выигрыш. Государство-гетеротопия — это государство, реально и одновременно вписанное в несколько систем порядка, несовместимых по своим уставным логикам: вписанное институционально и материально, а не риторически балансирующее между ними. Обычная оптика «или–или»

(страна либо в одном лагере, либо в другом, либо «колеблется») такое состояние описать не может и потому объявляет его временным недоразумением, которое вот-вот разрешится выбором. Гетеротопическая оптика позволяет увидеть в нём устойчивую конфигурацию с собственной логикой и, что важнее, с собственной внутренней динамикой.

Долгая двойственность: от Османов до 1952 года

Проверка оптики на исторической глубине показывает, что турецкая гетеротопия старше НАТО на столетие с лишним. Двойная вписанность — не изобретение эпохи Эрдогана и даже не продукт холодной войны; это конститутивный режим существования государства на Босфоре по меньшей мере с середины девятнадцатого века.

Парижский трактат 1856 года формально допустил Османскую империю «к участию в выгодах общего права и союза европейского»: исламская империя, халифат, была вписана в европейский концерт держав, оставаясь для этого концерта «больным человеком Европы», чьё наследство тот же концерт деловито делил. Танзимат — десятилетия модернизации по европейским лекалам — проводился государством, чей суверен одновременно носил титул повелителя правоверных: европейские кодексы и шариатские суды, французские лицеи и медресе сосуществовали в одном правовом пространстве. Это уже была гетеротопия в строгом фукольдианском смысле, задолго до появления термина.

Кемалистская революция не сняла двойственность, а перевернула её знак. Ататюрк осуществил радикальнейшую вестернизацию — латиница, светское право, европейский костюм, — но осуществил её как акт суверенитета против Запада: республика родилась из войны с Антантой и отмены Севрского раздела. Вестернизация без подчинения вестернизаторам — формула, в которой уже целиком содержится будущая логика «yerli ve milli»: брать у Запада инструменты, не отдавая ему

контроль. Даже вступление в НАТО в 1952 году, казалось бы, момент окончательного атлантического выбора, было актом той же двойной грамматики: Анкара купила членство кровью бригады в Корее и рассматривала его прежде всего как страховку от северного соседа и сертификат принадлежности к «современному миру», а не как растворение в чужой стратегии. Первые же серьёзные испытания — кипрские кризисы и письмо Джонсона 1964 года с прямой угрозой не защищать Турцию — Анкара прочла как подтверждение старого урока: союзническая лояльность асимметрична, страхуйся сам.

Отсюда принципиальный вывод: турецкая гетеротопия — не отклонение от нормы, которое предстоит исправить, а полуторавековая норма самого этого государства. Требовать от Турции окончательного выбора между мирами — значит требовать от неё перестать быть собой; предлагать ей рамку, в которой двойственность получает управляемый вектор, — значит работать с её исторической природой. Денатофикация — второе; все провалившиеся стратегии в отношении Анкары, брюссельские и прочие, были первым.

Шесть принципов: турецкий случай под лупой Фуко

Фуко не ограничился метафорой — он набросал «гетеротопологию», систематику из шести принципов. Прогон турецкого случая через все шесть превращает эффектное сравнение в дисциплинированный анализ.

Принцип первый: гетеротопии есть во всякой культуре. В переводе на язык международных отношений — государства двойной вписанности составляют постоянную категорию системы: от Османской империи в европейском концерте до неприсоединившихся в холодной войне. Турция — крупнейший, но не единственный случай.

Неделя 6–8 августа 2026 года даёт иллюстрацию тому же принципу за пределами турецкого случая. 7 августа Турция, Саудовская Аравия и Пакистан подписывают Меккское

соглашение о взаимной обороне; в тот же контур укладываются звонок Нетаньяху Моди 6 августа (обзор особого стратегического партнёрства на фоне ближневосточного кризиса) и звонок Вэнса Моди 8 августа (углубление комплексного глобального стратегического партнёрства США — Индия), при этом Индия не выходит ни из БРИКС, ни из отношений с Россией. Один и тот же принцип, один и тот же момент, но гетеротопия на этот раз индийская. Существенная оговорка: категория здесь общая, механизм — разный. У Индии нет и не было единой интегрированной структуры, из которой предстояло бы градуированно выходить: её двойственность врождённая, восходящая к неприсоединению, а не приобретённая через денатофикацию. Гетеротопия — родовое понятие; денатофикация — видовой турецкий случай, требующий акта расцепления с прежде единой структурой. Индия подтверждает первый принцип Фуко, не становясь при этом вторым случаем денатофикации.

Принцип второй: одна и та же гетеротопия меняет функцию со сменой эпохи. Турецкая двойственность времён холодной войны функционировала как форпост (двойственность подавлена, фланг заморожен); после 1991-го — как мост (двойственность капитализирована экономически); после 2016-го — как суверенная платформа (двойственность переходит в автономию). Конфигурация та же, функции три, и лишь текущая наделяет двойственность вектором.

Принцип третий — ключевой для нас: гетеротопия «соединяет в одном реальном месте несколько пространств, которые сами по себе несовместимы». Это определение турецкого казуса дословно: С-400 и натовская ПВО, Инджирлик и Аккую, саммит альянса и кандидатство в ШОС — на одной территории, в одном правовом поле, одновременно.

Принцип четвёртый: гетеротопии сопряжены с «гетерохрониями» — разрывами времени. Турецкое государственное время многослойно: республиканский календарь Ататюрка, османское имперское наследие,

к которому демонстративно апеллирует нынешняя власть, тюркская древность ОТГ и натовская «вечная современность» сосуществуют в одной официальной риторике, и государство выбирает, из какой истории говорить, в зависимости от собеседника.

Принцип пятый: гетеротопия предполагает систему входов и затворов — она не общедоступна. Турецкая двойственность ритуализована так же: доступ к каждому из пространств регулируется Анкарой, и сам режим доступа — предмет суверенного торга. Инджирлик после 2016 года и задержанные заявки Финляндии и Швеции — это работа затворов.

Принцип шестой: по отношению к остальному пространству гетеротопия выполняет функцию либо иллюзии, либо компенсации — она разоблачает порядок, который имитирует. Здесь Фуко даёт самый глубокий ход: само существование Турции в её нынешнем статусе разоблачает фикцию бинарного членства. Если в альянсе семьдесят лет может состоять страна с чужими боеголовками, российскими ЗРК и собственной внешней военной политикой — значит, «монолитное членство» было иллюзией всегда, и турецкий случай лишь делает это видимым. Гетеротопия — зеркало, в котором альянс не хочет себя узнавать.

Турецкий случай удовлетворяет всем шести принципам как строгая инстанция категории, а не как метафора.

Турция как живая гетеротопия

По состоянию на 2026 год в одном государственном пространстве сосуществуют следующие элементы.

—Членство в НАТО с 1952 года, вторая по численности армия альянса и порядка пятидесяти американских тактических ядерных зарядов B61 на авиабазе Инджирлик — то есть глубочайшая вписанность в евро-атлантическую систему, вплоть до участия в её ядерной инфраструктуре.

—Российские зенитные ракетные системы С-400 на той же

территории — закупленные вопреки беспрецедентному давлению, ценой исключения из программы F-35 и санкций CAATSA: оружие, по уставной логике альянса несовместимое с его системой ПВО.

—Учредительство в Организации тюркских государств — самостоятельном цивилизационном проекте, выстраивающем тюркский контур от Стамбула до Бишкека параллельно и помимо НАТО.

—Астанинский формат по Сирии — многолетняя работа в военно-дипломатическом треугольнике с Россией и Ираном, то есть с государством, которое доктринальные документы альянса называют главной угрозой, и государством, с которым весной 2026 года США находились в состоянии прямой войны.

—Статус партнёра по диалогу ШОС с публично заявленной аспирацией на полное членство — при уставной несовместимости военного блока и шанхайской логики.

—Атомная станция «Аккую», которую строит Росатом по модели Build-Own-Operate, рекордные закупки российского газа — и одновременно переговоры о возвращении в F-35 и о снятии американских санкций.

Каждый элемент списка по отдельности можно объяснить тактической выгодой. Совокупность объяснению «или–или» не поддаётся: перед нами не страна, выбирающая между системами, а страна, в которой системы сосуществуют — сцена, на которой одновременно идут два спектакля по несовместимым пьесам. Это живая гетеротопия, крупнейшая в современной системе международных отношений.

Сравнительный ряд: другие гетеротопии современности

Категория, претендующая на общность, должна показать другие свои инстанции — иначе она тайный синоним слова «Турция». Ряд по убыванию масштаба выглядит так.

Индия — гетеротопия глобального этажа: одновременное членство в БРИКС и ШОС с одной стороны и в QUAD с другой, российское оружие и американские технологические альянсы, — двойная вписанность столь же конститутивная, как турецкая, но с принципиальным отличием: индийская двойственность симметрична и признана обоими мирами как законная (никто всерьёз не требует от Дели «определиться»), тогда как турецкая асимметрична — глубокое формальное членство в одной системе при содержательном дрейфе к другой — и потому конфликтна. Сербия — гетеротопия европейского этажа: кандидат в ЕС, не присоединяющийся к санкциям против России, с китайскими инвестициями и российским газом; малый масштаб, та же грамматика. Государства Залива — гетеротопии сделочного типа: американские базы и китайские технологические партнёрства, нефть за доллары и переговоры о юанях. И ближе всего к нашей оптике — сама Центральная Азия, чья многовекторность, как показано в главе 2, есть освоенная малыми государствами форма того же искусства.

Сравнительный ряд даёт два вывода. Первый: гетеротопичность — нарастающий режим существования значимых государств в постблоковую эпоху, а не турецкая аномалия; мир «или–или» сжимается, мир «и–и» растёт, и аналитический аппарат обязан за этим успевать — что и делает понятие денатофикации для самого острого из случаев. Второй: турецкий случай выделяется из ряда глубиной двойственности — ни одно другое государство-гетеротопия не вписано в чужую интегрированную военную структуру вплоть до ядерного этажа. Потому турецкая гетеротопия требует не просто описания, но механизма разрешения, и потому, разрешившись, она станет прецедентом для всего ряда.

Анкара-2026: венец гетеротопии

У гетеротопий бывают моменты предельной наглядности, когда вся конструкция собирается в одной точке пространства

и времени. Для турецкой гетеротопии такой момент пришёлся на июль 2026 года: саммит НАТО в Анкаре, 7–8 июля. Столица государства, закупившего С-400 у главного противника альянса, строящего АЭС силами Росатома и заседающего в Астанинском формате с Москвой и Тегераном, приняла высший форум этого самого альянса, а через месяц, в августе, в Бишкеке прошёл саммит ШОС, на полноправное членство в которой это же государство претендует. Два несовместимых миропорядка провели свои верховные ритуалы с интервалом в четыре недели, и один и тот же актор оказался хозяином первого зала и гостем второго.

Это венец гетеротопии — точка, в которой двойственность достигает максимальной плотности и предельной видимости. Венец не обязан быть кульминацией в смысле мгновенной развязки: гетеротопия способна удерживать двойственность и после своего пика, но цена такого удержания с каждым циклом растёт. Конфигурация лета 2026 года — Анкара в июле, Бишкек в августе — не просто эффектное совпадение календаря. Это материализованная развилка, на которой гетеротопическое состояние было предъявлено обоим мирам одновременно, а вопрос о векторе поставлен на годы вперёд.

Почему гетеротопия не вечна: от состояния к процессу

Здесь я расстаюсь с чистой фукольдианской рамкой и делаю шаг, которого сама рамка не содержит. Гетеротопия — категория описательная: она объясняет, как несовместимое сосуществует, но молчит о том, куда это сосуществование движется. Между тем турецкая гетеротопия — не музей и не сад: она находится под нарастающим давлением с обеих сторон. Со стороны альянса — потому что глубина технической интеграции требует лояльности, несовместимой с С-400, «Аккую» и Астаной; в апреле 2026 года Wall Street Journal описала контуры «европейской НАТО», формирующейся фактически без Турции. Со стороны евразийского контура — потому что

полное членство в ШОС уставно несовместимо с пребыванием в интегрированной военной структуре блока. Обе системы, каждая своим способом, предъявляют гетеротопии счёт.

Это состояние можно назвать стратегической амбивалентностью без выхода: Турция извлекает ренту из одновременного участия во взаимоисключающих проектах, не фиксируя себя окончательно ни в одном. Описание точное, но статичное. Мой тезис состоит в том, что амбивалентность — не вечное равновесие, а **переходное состояние**: рента двойственности убывает по мере того, как растёт цена поддержания обеих вписанностей сразу. Вопрос лишь в том, будет ли вектор этого перехода назван, осмыслен и оснащён рамкой — или останется стихийным дрейфом, развязку которого определят внешние кризисы.

Назвать вектор — значит перейти от описания состояния к именованию процесса. Этому посвящена вторая часть книги.

Часть II. Глагол

ГЛАВА 4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ЧТО ТАКОЕ ДЕНАТОФИКАЦИЯ И ЧЕМ ОНА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Понятие, претендующее на место в аналитическом аппарате, обязано иметь чёткие границы: что оно означает, чего оно не означает, чем отличается от соседей по смысловому полю и по каким признакам опознаётся в реальности. Первые три главы дали карту и диагноз; здесь даётся определение.

Грамматическая ошибка турецкого спора

Главная ошибка многолетнего спора о Турции — грамматическая. Турцию упорно обсуждают в категориях события: «выйдет — не выйдет из НАТО». В этой грамматике ответ отрицателен: формальный выход Анкары из альянса в обозримом горизонте действительно маловероятен. Поэтому сам вопрос ведёт в тупик: получив отрицательный ответ, аналитика успокаивается и перестаёт видеть процесс, идущий у неё на глазах.

Денатофикация предлагает сменить часть речи — с существительного-события на глагол-процесс. У события есть только дата: оно либо произошло, либо нет. У процесса есть скорость, градации, направление и обратимость — четыре измерения, в которых турецкая динамика становится наблюдаемой и измеримой. Вся концепция выросла из этого грамматического жеста: перестать спрашивать «выйдет ли?» и начать спрашивать «с какой скоростью расцепляется и что именно?».

Определение и его три компонента

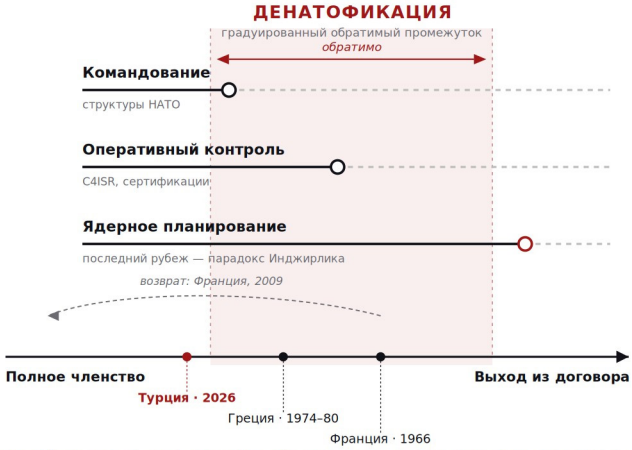


Рис. 3. Денатофикация как градуированный обратимый промежуток между членством и выходом. Три компонента отслаиваются последовательно; ядерное планирование — последний рубеж.

Денатофикация — это градуированное, обратимое и суверенное расцепление государства с интегрированной военной структурой НАТО при сохранении политического членства в альянсе.

Оператор «минус» из формулы книги имеет три компонента — и только три. Первый: выход из объединённого военного командования, то есть изъятие национального представительства из командных структур альянса. Второй: выведение национальных вооружённых сил из-под натовского оперативного контроля — войска подчиняются только собственному генеральному штабу. Третий: прекращение участия в механизмах совместного ядерного планирования, включая размещение чужого ядерного оружия на национальной территории.

Не менее важно, что остаётся за пределами оператора. Сохраняется членство в Североатлантическом договоре и место в Североатлантическом совете — государство продолжает

сидеть за политическим столом альянса. Сохраняется действие статьи 5 Вашингтонского договора: расцепление с командованием не означает отказа от гарантий коллективной обороны, и французский опыт подтверждает это сорока тремя годами практики. Сохраняются двусторонние отношения с государствами альянса, включая военно-технические, в том объёме, в каком их определяет само государство. Извлекается чужой контроль над национальной военной машиной, а не отношения с Западом как таковые.

Чем денатофикация не является

Границы понятия видны от противного — через четыре соседних термина, с которыми его будут путать. Они выстраиваются по нарастанию радикальности: от самого резкого шага до самого мягкого.

Самое резкое из соседних понятий — **выход**: одномоментный юридический акт по статье 13 Вашингтонского договора, разрывающий и политическую оболочку. Денатофикация оболочку сохраняет; в этом её реализуемость и в этом же её дипломатическая цена, несопоставимо более низкая.

Противоположная по характеру путаница — с **дрейфом** и «дистанцированием». Дрейф — состояние без вектора: страну «относит» от альянса обстоятельствами, и тем же ветром может принести обратно. У денатофикации вектор есть; это направленный процесс с называемыми этапами и наблюдаемыми индикаторами.

Между этими двумя крайностями лежит журналистская метафора **«разворота на Восток»**, которая подразумевает смену сюзерена: ушёл от одного полюса — пришёл к другому. Денатофикация не предполагает вступления в чей бы то ни было военный блок; её результат — изъятие подчинения как такового, а не его перенос. Государство-цивилизация не разворачивается между чужими центрами — оно становится собственным центром.

Ближе всего к денатофикации стоит **нейтрализация** по австрийской или (исторически) финской модели, и здесь различие тоньше. Нейтралитет — юридически оформленный отказ от блоковой политики вообще; денатофикация совместима с сохранением политического членства и потому мягче, гибче и обратимее. Финская аналогия примерялась к турецкому случаю на ранней стадии разработки концепции и была отброшена; канонической остаётся французская модель.

Демаркация: где заканчивается лучшая аналитика

Понятию нужно определить место не только в смысловом поле, но и в исследовательском ландшафте. В грамматике события остаётся даже лучшая русскоязычная аналитика турецкого вопроса. П.В. Шлыков в валдайской записке «Турция в контексте трансформации системы международных отношений и новой геополитики Евразии» даёт, пожалуй, самую точную на сегодня картину турецкой многовекторности — её источников, инструментов и пределов — и исходит из того, что вести эту многовекторность Анкаре придётся, оставаясь в НАТО. Диагноз безупречен, и я опираюсь на него с благодарностью. Но сама дихотомия «остаться или уйти», внутри которой сформулирован вывод, и есть рамка, подлежащая замене. Денатофикация не оспаривает вывод Шлыкова, она растворяет его посылку: между «остаться» и «уйти» лежит целый спектр промежуточных состояний, исторически освоенных самим альянсом, и по этому спектру Анкара уже движется. Описательная аналитика заканчивается там, где начинается механизм; это констатация разделения труда, не упрёк описанию.



Рис. 4. Спектр состояний между «полным членством» и «полным выходом»: зона денатофикации и её исторические обитатели.

Такая же демаркация нужна по отношению к понятию «стратегической амбивалентности», введённому в работе «Пять и пять» для описания турецкой модели субъектности: страна извлекает ренту из одновременного участия во взаимоисключающих проектах, не фиксируя себя ни в одном. Денатофикация не отменяет это описание, а уточняет его динамику. Амбивалентность — переходное состояние: по мере того как обе системы предъявляют гетеротопии счёт (глава 3), рента двойственности убывает, а цена её поддержания растёт. Денатофикация — зрелая, направленная форма, которую амбивалентность принимает, когда перестаёт быть адаптивным манёвром и становится структурным трендом.

Самоописание Анкары: процесс имеет собственный голос

У тренда есть самоописание, и концепция на него опирается. Формула Эрдогана «мир больше пяти», ставшая визитной карточкой турецкой внешнеполитической риторики, и публично заявленный в Самарканде интерес к полноправному членству в ШОС — язык, на котором Анкара говорит о себе сама. Стратегическая автономия давно перестала быть

оппозиционным лозунгом и стала государственной грамматикой. Денатофикация не предлагает Турции ничего, чего турецкая власть не проговаривала бы в собственных категориях; она даёт этой грамматике строгое имя и архитектурную рамку. Отсюда методологический пункт: «подтолкнуть» Турцию экспертное сообщество не может, и попытка была бы контрпродуктивна. Его задача — чтобы уже идущий процесс получил имя, рамку и место в евразийской повестке.

Терминологическая защита: три возражения

Термин встретит три возражения, и на них стоит ответить здесь же.

Первое: «зачем неологизм, если есть „стратегическая автономия“?» Родовое понятие не выполняет работу видового. «Стратегическая автономия» описывает цель и состояние — и описывает их для кого угодно, от Парижа до Дели; денатофикация называет конкретный механизм движения для конкретного класса государств — членов НАТО — с конкретным содержанием (три компонента расцепления) и конкретной правовой рамкой (сохранение договора и статьи 5). Автономия отвечает на вопрос «куда»; денатофикация — на вопрос «как и из чего». Пара соотносится как «здоровье» и «курс лечения»: первое не делает второе избыточным.

Второе: «термин одноразовый, сшит по турецкой мерке». Определение не содержит ни одного турецкого элемента и применимо к любому из членов альянса, а его генерализуемость уже подтверждена историей: Франция, Греция и Испания суть состоявшиеся денатофикации до термина. Турция — первая инстанция применения, а не граница применимости; так «финляндизация» родилась из одного кейса и стала общей категорией анализа. Авторская ставка шире турецкой: денатофикация претендует на место постоянной категории, имени для всего спектра между членством и выходом, который в следующей главе показан исторически обжитым.

Третье, зеркальное: «почему тогда не „деблокизация вообще“, зачем привязка к НАТО?» Потому что точность дороже широты. НАТО — единственный действующий альянс с интегрированной военной структурой такой глубины; расцепления с иными пактами устроены иначе, и растворять их в одном слове значило бы вернуть анализ к публицистической размытости, от которой термин и спасает. Внутренняя форма слова — де-НАТО-фикация — это адрес, а не идеологический выпад: указание на единственную структуру, к которой определение приложимо без натяжек. Деблокизация Евразии остаётся горизонтом; денатофикация — измеримый шаг к нему.

Опознавательные признаки процесса

Денатофикация опознаётся в реальности по четырём измерениям, введённым в начале главы.

Измерение	**Что наблюдается**
Скорость	Темп замещения натовских вооружений, стандартов и сертификаций национальными
Градация	Какие из трёх компонентов расцепления (командование, оперативный контроль, ядерное планирование) затронуты и в какой мере
Направление	Укрепляется или ослабевает евразийская вписанность (статус в ШОС, ОТГ, Астанинский формат) синхронно с расцеплением
Обратимость	Сохраняет ли государство возможность реинтеграции — признак, отличающий суверенный инструмент от необратимого разрыва

По этим четырём осям в третьей части измерен турецкий случай. Прежде, однако, нужно ответить на возражение «такого не бывает» — а история альянса знает по меньшей мере два завершённых случая.

ГЛАВА 5

ПРЕЦЕДЕНТЫ: ДЕ ГОЛЛЬ-1966 И ГРЕЧЕСКИЙ ДУБЛЬ-1974

Любую беспрецедентную идею проще всего убить словом «нереалистично». Главное возражение против денатофикации звучит так: «крупный член НАТО на это не пойдёт никогда». Возражение снимается фактом. История альянса содержит два завершённых случая денатофикации, и оба закончились возвращением на собственных условиях. На этих двух прецедентах стоит реализуемость всей концепции, и потому они разобраны здесь подробно.

Долгий путь к 1966 году: французская денатофикация как процесс

Распространённое представление о французском манёвре — «де Голль хлопнул дверью в 1966-м» — ошибочно в том пункте, который важен для нашего сюжета. Французское расцепление не было событием: оно было процессом длиной в восемь лет, градуированным и публично артикулированным на каждом шаге. Это делает французский случай прецедентом не только денатофикации, но и её процессуальной природы.

Отправная точка — сентябрь 1958 года: меморандум де Голля Эйзенхауэру и Макмиллану с предложением реорганизовать руководство альянса в трёхсторонний директорат. Получив отказ, де Голль не вышел из НАТО — он начал расцепляться по частям. В 1959 году из-под натовского командования выведен французский средиземноморский флот и наложен запрет на размещение иностранного ядерного оружия на французской земле — американские самолёты-носители покидают Францию. В 1960-м Франция испытывает собственную атомную бомбу:

рождается force de frappe, материальный фундамент автономии. В 1963 году из-под объединённого командования изъят атлантический флот. В 1964-м — офицеры отозваны из военно-морских штабов альянса. И лишь в марте 1966 года, письмом президенту Джонсону, де Голль формализует то, что фактически строилось восемь лет: Франция покидает интегрированное военное командование, штаб-квартира альянса и SHAPE переезжают из Парижа и Рокенкура в Брюссель и Монс, около тридцати тысяч иностранных военнослужащих покидают французскую территорию.

Последовательность здесь существенна: сначала материальная автономия — собственное ядерное оружие, собственные командные вертикали, — затем институциональное оформление. Тот же порядок, как показано в третьей части, воспроизводится и в турецком случае: материальная денатофикация предшествует институциональной. Французский прецедент задаёт не только возможность процесса, но и его типовую хореографию.

Сорок три года промежуточного статуса

Промежуточное состояние оказалось не неустойчивым переходом, а долговременным рабочим режимом, и это самая доказательная часть французской истории. Сорок три года, с 1966-го по 2009-й, Франция жила вне интегрированного командования, оставаясь полноправным участником Североатлантического договора, заседая в Североатлантическом совете и находясь под действием статьи 5. Уже в 1967 году соглашения Айере–Лемницера установили механизмы координации между французским генеральным штабом и командованием НАТО на случай войны в Европе: расцепление не означало ни изоляции, ни военной несовместимости. Франция участвовала в отдельных операциях альянса по собственному суверенному решению, от случая к случаю, как партнёр. Альянс не рухнул, Франция не была ни исключена, ни наказана, а её вес в европейской политике

в этот период был едва ли не максимальным за послевоенную историю.

В 2009 году Николя Саркози вернул Францию в интегрированное командование — решением столь же суверенным, сколь и голлевский уход. Возвращение нередко приводят как опровержение: мол, эксперимент закончился отказом от него. Я читаю его наоборот, и в главе 6 к этому чтению вернусь: обратимость — конститутивное свойство денатофикации, доказательство того, что перед нами инструмент национальной стратегии, а не необратимый приговор. Государство вышло, когда сочло нужным, прожило в промежуточном статусе четыре десятилетия и вернулось, когда сочло нужным; на всех трёх тактах субъектом решения была Франция и только Франция.

Французский прецедент доказывает три свойства денатофикации. **Реализуемость**: крупная западная держава осуществила военное расцепление с альянсом, и это свершившийся исторический факт, а не гипотеза. **Градуированность**: расцепление растянулось на годы, шло по частям и остановилось на устойчивой промежуточной ступени между «полным членством» и «полным выходом». **Суверенность и обратимость**: решение принимает и отменяет само государство, из собственной логики. У де Голля это была логика grandeur, национального величия, и характерно, что мотивацией служил отказ подчинять французскую оборону чужому командованию, а не смена лагеря.

Возврат как спор: чему учат дебаты 2008–2009 годов

Обстоятельства французского возврата — отдельный урок. Решение Саркози не было ни самоочевидным, ни консенсусным: оно вызвало во Франции полноценный стратегический спор с парламентскими дебатами, вотумом доверия и публичной оппозицией тяжеловесов обоих лагерей — от голлистов до социалистов, — доказывавших, что страна разменивает

сорокалетний капитал особого положения на «место за столом», ценность которого недоказуема. Сторонники возврата апеллировали к влиянию на планирование и командные посты; противники — к тому, что все ключевые операции эпохи Франция и так вела или не вела по собственному выбору, а дипломатическая уникальность «члена вне структуры» — актив, который нельзя выкупить обратно. Для турецкого сюжета из этого спора следует три вещи. Промежуточный статус за сорок лет стал во Франции ценностью, за которую сражалась половина политического класса, — настолько промежуточное состояние способно врастать в национальную идентичность. Даже возврат потребовал компенсирующих оговорок: ядерные силы остались вне совместного планирования, и полная реинтеграция оказалась невозможна даже для реинтегратора. И спор оставил открытым вопрос, который французские стратеги задают до сих пор: что, собственно, дал возврат. Само существование этого вопроса означает, что шкала промежуточных состояний остаётся живой опцией и для Парижа.

Греческий дубль: средняя держава, южный фланг

Второй прецедент в известном смысле ценнее первого, потому что снимает возражение «это было возможно только для великой державы с ядерным оружием и глобальными амбициями». В августе 1974 года, после турецкого вторжения на Кипр и бездействия союзников, из военной структуры НАТО вышла Греция. Правительство Караманлиса — консерваторов, только что восстановивших демократию после хунты, — сочло, что альянс, не защитивший греческие интересы в кипрском кризисе, не вправе распоряжаться греческими вооружёнными силами. Политическое членство при этом сохранялось полностью. Возвращение в интегрированное командование состоялось в октябре 1980 года.

Для турецкого сюжета греческий дубль важен вдвойне. К военному расцеплению прибегла средняя региональная

держава — из конкретного кризиса доверия внутри альянса, без ядерного оружия и без глобальной доктрины; денатофикация, следовательно, не привилегия великих. Греческий случай к тому же ближе турецкому и географически, и политически: то же восточное Средиземноморье, тот же южный фланг, тот же узел противоречий, и триггером греческой денатофикации была сама Турция. Альянс пережил шестилетнее расцепление одного из двух государств своего самого конфликтного фланга.

Третий прецедент: испанский вариант, или членство без структуры с порога

Французский и греческий случаи описывают выход из интегрированной структуры. Но шкала промежуточных состояний осваивалась альянсом и с противоположного конца — через вход, и этот третий прецедент закрывает ещё одно возражение: «промежуточный статус — пережиток, в современный альянс так не входят и в нём так не живут».

Испания вступила в НАТО в 1982 году и с порога не вошла в интегрированную военную структуру. Промежуточный статус при этом не был ни навязан, ни выторгован кулуарно — он освящён высшей из возможных процедур. В 1986 году правительство Фелипе Гонсалеса вынесло вопрос о членстве на общенациональный референдум, и народ проголосовал «за» на трёх явно сформулированных условиях: неучастие в интегрированной военной структуре, запрет на размещение ядерного оружия на испанской территории, сокращение американского военного присутствия. Демократическое большинство западноевропейской страны прямо санкционировало ту конфигурацию, которую я называю денатофицированной: политическое членство и статья 5 — да; чужое командование и чужие боеголовки — нет. В этом статусе Испания прожила почти два десятилетия и вошла в военную структуру лишь на рубеже веков — снова собственным суверенным решением, когда сочла это отвечающим своим интересам.

Испанский вариант добавляет к доказательной базе три самостоятельных элемента. Промежуточный статус здесь — не кризисная аномалия, как у Греции, и не великодержавный жест, как у Франции, а штатная переговорная позиция, доступная средней европейской стране в спокойное время. Он демократически легитимируем: единственный в истории альянса референдум об условиях членства действующего члена был выигран на платформе «членство минус структура». И — это прямо относится к турецкому сюжету — испанский случай показывает, что шкала проходима в обе стороны и с любой точки входа: можно выйти из структуры, оставшись в договоре (Франция, Греция), а можно войти в договор, не входя в структуру (Испания). Промежуточная зона — не коридор между двумя дверями, а полноценное жилое помещение.

Оговорки внутри полного членства: скандинавская школа

Ещё одним делением ниже по шкале промежуточные состояния существуют внутри формально полного членства. Эта ступень обычно ускользает от внимания, а она показывает, что даже «стопроцентные» члены альянса десятилетиями практикуют национальные изъятия из интеграции, и альянс терпит это как норму.

Норвегия и Дания — члены-основатели 1949 года — провозгласили базовую и ядерную оговорки: никаких иностранных военных баз и никакого ядерного оружия на национальной территории в мирное время. Обе оговорки — односторонние национальные решения, не согласованные как условия договора, просто объявленные и соблюдаемые десятилетиями. Исландия — член-основатель вовсе без собственных вооружённых сил, чьё участие в «военном» альянсе сводится к предоставлению территории; в годы тресковых войн с Великобританией — другим членом НАТО — Рейкьявик открыто использовал угрозу выхода и закрытия

базы в Кефлавике как инструмент давления, и инструмент работал. Сюда же относится французская ядерная автономия, сохранившаяся и после 2009 года: вернувшись в командование, Париж не вернул свои силы сдерживания ни в какое совместное планирование.

Альянс, который в публичной риторике предстаёт монолитом с бинарным членством, всю свою историю представляет собой спектр национальных конфигураций: члены без армии, члены без баз, члены без чужого ядерного оружия, члены вне командования, члены с автономным сдерживанием. Денатофикация в этом свете — движение по шкале, которую организация сама построила и сама же обжила. Турецкая особенность в другом: Анкара хочет пройти по шкале дальше и из более глубокой точки интеграции, чем кто-либо из предшественников.

Что именно доказано

Три прецедента и скандинавская школа оговорок доказывают: промежуточный статус существует, устойчив, совместим со статьёй 5, достижим и для великой державы (Франция), и для средней (Греция, Испания); он инициируется и завершается суверенным решением самого государства, проходим в обе стороны и с любой точки входа, а в испанском случае ещё и демократически легитимирован референдумом. Прецеденты не доказывают, что турецкое расцепление будет лёгким, быстрым или дешёвым. Между НАТО эпохи этих манёвров и НАТО 2026 года лежат десятилетия углубляющейся технической интеграции, и выдавать денатофикацию за простое повторение чужого манёвра нельзя.

ГЛАВА 6

НАТО-1966 И НАТО-2026: ЦЕНА КОЛЕИ

Лучшее возражение против переноса французского прецедента на турецкий случай звучит так: альянс, с которым расцеплялся де Голль, и альянс, в котором состоит Турция, — организации одного имени, но разной природы. Эта глава принимает возражение всерьёз и даёт ему строгую теоретическую форму. Оно не отменяет аргумент, а уточняет его, переводя вопрос из плоскости «возможно ли» в плоскость «какой ценой и каким темпом». Попутно выяснится, что та же теория, которая объясняет трудность расцепления, объясняет и то, почему оно уже идёт.

Возрастающая отдача: рамка Пирсона

Теоретическим языком для этой оговорки служит концепция зависимости от пройденного пути в формулировке Пола Пирсона. Его ключевой тезис: политические институты подчиняются логике возрастающей отдачи. Чем дольше актор движется по институциональной колее, тем выгоднее каждый следующий шаг по ней и тем дороже сход с неё. Пирсон называет четыре механизма, производящих этот эффект: высокие начальные издержки (вложенное в колею жалко бросать), эффекты обучения (навыки и компетенции заточены под существующую систему), эффекты координации (выгода каждого участника растёт с числом остальных участников той же системы) и адаптивные ожидания (все планируют будущее в предположении, что колея сохранится, и тем самым её укрепляют).

Военная интеграция — возможно, чистейший из

существующих образцов возрастающей отдачи. Все четыре пирсоновских механизма работают в ней с максимальной силой: вооружения закупаются на десятилетия, офицерский корпус десятилетиями обучается единым процедурам, совместимость с союзниками умножает ценность каждой единицы техники, а оборонное планирование строится на длинных ожиданиях. Шестьдесят лет такой логики разделяют 1966 и 2026 годы, и нужно инвентаризировать, что за это время наросло на колее.

Инвентаризация колеи: четыре слоя интеграции

В 1966 году интегрированная структура НАТО — это в основном штабы и войска: командные органы, согласованные планы, размещённые контингенты. Расцепление было трудным логистически — тридцать тысяч человек и десятки объектов покинули Францию за год, — но концептуально простым: вывести людей, перевезти штабы, вернуть базы. НАТО 2026 года устроено иначе; его интеграция залегает четырьмя слоями, каждый глубже предыдущего.

Первый слой — **системы боевого управления, связи, разведки и наблюдения (C4ISR)**: единое цифровое пространство, в котором национальные ПВО, авиация и флоты видят общую картину и управляются совместимыми протоколами. Расцепиться с ним — значит ослепнуть, пока не построишь собственные «глаза», и потому замещение должно предшествовать изъятию.

Второй слой — **стандартизация и сертификация**: множество соглашений STANAG, по которым произведено и сертифицировано всё — от патронного калибра до авиационного крепежа. Оборонная промышленность страны-члена вплетена в натовские цепочки поставок так, что граница между «национальным» и «альянсовым» проходит внутри каждого завода.

Третий слой — **совместное ядерное планирование**: Группа ядерного планирования, миссии двойного назначения,

размещение тактического оружия. Для Турции этот слой материализован предельно конкретно — по оценкам, порядка пятидесяти зарядов B61 на авиабазе Инджирлик.

Четвёртый слой — самый тонкий и самый цепкий — **человеческий и доктринальный**: поколения офицеров, выученных в натовских академиях, штабная культура, язык планирования, сети личных связей. Этот слой не демонтируется решением правительства; он замещается только сменой поколений и собственной школой.

Расцепляться с такой тканью на порядок труднее, чем полвека назад. Всякий, кто обещает Турции «французский манёвр за один президентский срок», либо не понимает устройства современного альянса, либо сознательно упрощает.

Турецкий прогон: где стоит Анкара на каждом из слоёв

Инвентаризация обретает смысл, когда по ней проводят конкретный случай. Ниже турецкий случай проведён слой за слоем, с оценкой фактического замещения для каждого.

Слой C4ISR. Здесь турецкое замещение продвинулось дальше всего и идёт открыто: «Стальной купол» по замыслу и есть национальный контур боевого управления воздушным пространством, сводящий радары, комплексы и РЭБ на собственные протоколы; национальные спутниковые программы наблюдения и связи, собственная сеть РЛС и интеграция С-400 вне альянсовой архитектуры достраивают «глаза и нервы», без которых расцепление слепо. Оценка: замещение активно строится, горизонт завершения — годы, не десятилетия.

Слой стандартизации. Самый инерционный: десятилетия STANAG въелись в каждый завод. Но локализация в четыре пятых означает, что новая турецкая техника проектируется под национальные требования с самого начала, а экспортная экспансия создаёт собственный контур сертификации — покупателям турецких платформ натовские стандарты безразличны. Оценка: двойная колея уже существует; со временем меняется пропорция.

Слой ядерного планирования. Для Турции этот слой — самый тонкий из четырёх: как показано в главе 8, у Анкары в текущей конфигурации нет ни сертифицированных носителей, ни закреплённых миссий, и её участие в ядерной архитектуре альянса сводится к предоставлению склада и риска. Расцепляться здесь почти не с чем: изымать нужно не турецкое участие, а чужое присутствие. Оценка: технически самый простой компонент денатофикации, политически — самый громкий.

Слой человеческий и доктринальный. Самый медленный по природе, но турецкий случай и здесь особый: чистки после 2016 года, выбившие из офицерского корпуса тысячи людей, включая непропорционально большую долю служивших в натовских штабах, де-факто провели через армию ускоренную смену страт; параллельно собственная сеть военных академий, школа сирийско-ливийских кампаний и «технонациональное» поколение формируют офицерство, чья профессиональная биография впервые за семьдесят лет не центрирована на альянсе. Оценка: смена закладки произошла; смена корпуса — вопрос пятнадцати лет.

Сводный итог прогона переворачивает интуицию: из четырёх слоёв два (C4ISR и стандарты) активно замещаются, один (ядерный) требует не замещения, а изъятия, и лишь человеческий держит классическую пирсоновскую инерцию, хотя и в нём закладка уже сменена. Турция стоит на колее не там, где предполагает абстрактная теория глубокой интеграции: она стоит на стрелке, и стрелка наполовину переведена.

Что оговорка уточняет — и чего не отменяет

Предыдущим параграфом доказано, что цена расцепления выросла и темп его неизбежно ниже французского. Не доказано — и не может быть доказано этим способом, — что расцепление невозможно: вопрос возможности уже закрыт прецедентами главы 5. Глубина интеграции — аргумент о цене,

а не о принципе. Прецедент устанавливает существование промежуточного статуса; теория возрастающей отдачи устанавливает стоимость пути к нему. Смешение этих двух плоскостей — самая частая ошибка в спорах о турецкой траектории, и я предлагаю их развести.

Есть и другая сторона: рамка Пирсона объясняет не только трудность процесса, но и его наблюдаемую форму. Если сход с колеи дорог, рациональный актор не прыгает с неё — он строит параллельную колею, перенося на неё нагрузку по частям, и сходит со старой лишь тогда, когда новая способна нести вес. Именно это Турция и делает, как показано в третьей части: национальный истребитель вместо F-35, собственная система ПВО вместо общеальянсовой, локализация оборонной промышленности с одной пятой до четырёх пятых — строительство параллельной колеи. Возрастающая отдача, работавшая на альянс, начинает работать на автономию: каждый турецкий танк национальной разработки удешевляет следующий шаг расцепления.

Онтологическая безопасность: почему обе стороны терпят

Остаётся объяснить странность, которую чисто материальный анализ не берёт: почему альянс десятилетиями терпит члена с российскими С-400, а Анкара не форсирует расцепление, материальные предпосылки которого зреют. Подсказку даёт концепция онтологической безопасности: государствам, как и людям, нужна не только физическая защищённость, но и устойчивость идентичности, предсказуемость рутин, непрерывность самоописания. Для НАТО исключение Турции означало бы признание, что альянс способен терять вторую армию, — удар по идентичности «вечного и единого» альянса страшнее, чем неудобство гетеротопии. Для Турции семь десятилетий членства — рутина, встроенная в самоописание государства, и разрыв рутины

психологически дороже её фактического выхолащивания. Так объясняется устойчивость наблюдаемой формы: материальное содержание членства убывает, а церемониальная оболочка бережно сохраняется обеими сторонами. Денатофикация и есть имя этого режима: расцепление содержания при сохранении оболочки — траектория наименьшего сопротивления не только экономически (Пирсон), но и психологически (онтологическая безопасность).

Обратимость: не изъян, а предохранитель

Здесь же снимается и зеркальное возражение, отложенное в главе 5: если Саркози вернул Францию, не обесценивает ли обратимость весь процесс? Обратимость — предохранитель, делающий денатофикацию приемлемой для самого денатофицирующегося государства. Необратимые решения в международной политике принимаются только под экзистенциальным давлением; обратимые — в порядке нормальной стратегии. Промежуточный статус не сжигает мостов, и потому рациональная Анкара может двигаться по нему, не дожидаясь катастрофы. Архитектура БЕП 2.0 (часть V) должна не бояться обратимости, а закладываться на неё: устойчиво то партнёрство, в котором остаются добровольно.

Оговорка о цене колеи, с которой начиналась глава, в итоге задаёт аргументу форму. Если расцепление дорого, оно не может быть одномоментным и потому принимает вид параллельной колеи, которую строят годами; если обе стороны дорожат оболочкой членства, оно не может быть громким и потому идёт при сохранении церемониала. Это означает, что денатофикацию следует искать не в заявлениях, а в материальных показателях — в том, что производится, закупается, размещается и сертифицируется.

Часть III. Железо

ГЛАВА 7

МАТЕРИАЛЬНАЯ ДЕНАТОФИКАЦИЯ: ОТ ОДНОЙ ПЯТОЙ К ЧЕТЫРЁМ ПЯТЫМ

В двух первых частях денатофикация получила карту, определение, прецеденты и оценку цены. Третья часть отвечает на вопрос, который после всего сказанного остаётся главным: идёт ли процесс в действительности? Мой ответ: идёт, и прежде всего в материальном измерении, опережая измерение институциональное. Этот тезис — **материальная денатофикация предшествует институциональной и обусловливает её** — центральный для всей третьей части, и настоящая глава даёт ему эмпирическое содержание.

Почему железо первично

Институциональное расцепление — выход из командования, изъятие сил из-под оперативного контроля — возможно лишь тогда, когда у государства есть чем заместить изымаемое: собственные глаза вместо альянсовой разведки, собственное небо вместо общей ПВО, собственные платформы вместо сертифицированных поставок. Государство, чья армия летает, стреляет и видит чужим, институционально расцепиться не может — ему буквально нечем воевать вне колеи. Поэтому зрелая денатофикация всегда начинается с железа. Французская хореография, восстановленная в главе 5, подтверждает: сначала force de frappe и национальные командные вертикали (1958–1964), затем письмо Джонсону (1966). Материальная

автономия — необходимое условие институциональной; обратное неверно. Отсюда аналитическое следствие: денатофикацию нужно измерять по заводским ведомостям, а не по заявлениям политиков.

Французский случай даёт этому принципу и доказательство от противного. Париж мог позволить себе политический жест 1966 года дёшево — ядерное сдерживание, полный цикл оборонной промышленности, самостоятельные платформы — потому что материальную работу проделал в 1960-е годы, до и вокруг самого выхода, а не после него. У Анкары этой базы к моменту первых автономистских импульсов не было, и потому её последовательность обратная: сначала KAAN, TEI TF35000, «Стальной купол», SİPER, — потом политическая свобода манёвра. Отсюда общее правило: материальная денатофикация не следствие политической и не её параллельный трек, а её предусловие. Государство без собственной производственной базы способно на риторику размежевания, но не на его исполнение; государство, построившее базу, способно на исполнение даже без риторики.

Свежий турецкий эпизод иллюстрирует ту же логику с другой стороны — не накоплением, а расчисткой. В августе 2026 года Госдепартамент США согласовал передачу Турцией Украине крупного пакета вооружений американского происхождения из турецких армейских запасов — десятки боевых машин реактивной артиллерии и тактических ракет 1990-х годов. Официальная мотивировка турецкой стороны неизменна: Анкара списывает устаревшее наследие, чтобы высвободить средства на модернизацию и локализацию действующих систем. Пакет ATACMS/MLRS для Украины — не сделка по новому оружию, а высвобождение баланса: списанное идёт в бюджет национальной модернизации, и железо уходит потому, что армии, строящей собственный ОПК, оно больше не нужно.

Родовая травма: эмбарго 1975 года

У турецкого оборонно-промышленного рывка есть точная дата рождения, и она старше Эрдогана. В 1975 году, после кипрской операции, Конгресс США наложил на Турцию оружейное эмбарго — союзник по НАТО на три года отрезал вторую армию альянса от запчастей и вооружений. Для турецкого военного и политического класса это стало родовой травмой, из которой выросла вся последующая философия ОПК: зависимость от союзника есть уязвимость, не отличимая от зависимости от противника. Характерна симметрия с греческим случаем: один и тот же кипрский кризис 1974 года запустил греческую институциональную денатофикацию (выход из военной структуры) и турецкую материальную (курс на собственную промышленность).

Второй катализатор пришёл спустя четыре с лишним десятилетия и закрепил урок. В 2019 году, в ответ на закупку российских С-400, Турция была исключена из программы F-35 — притом что турецкая промышленность производила для этого самолёта сотни компонентов, а Анкара заказала и частично оплатила 116 машин. Исключение из F-35 задумывалось как наказание, а сработало как ускоритель: оно сняло последние внутриполитические возражения против дорогостоящей программы национального истребителя и перевело лозунг «yerli ve milli» — «отечественное и национальное» — из риторики в бюджетную строку.

Число, в котором всё: локализация с ~20% до ~80%

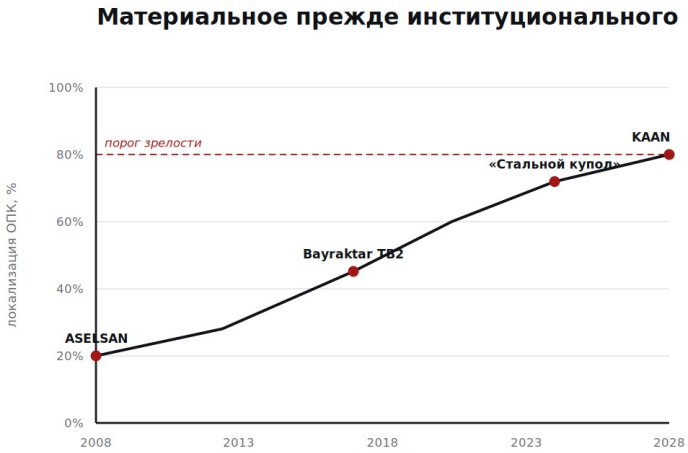


Рис. 5. Локализация турецкого ОПК: рост с ~20% до ~80% (гл. 7). Материальная кривая опережает институциональные шаги, а не наоборот.

Если выбирать один показатель, в котором сжата вся материальная денатофикация, то это доля отечественного производства в обеспечении турецких вооружённых сил. В начале 2000-х годов она составляла порядка двадцати процентов: четыре пятых потребностей армии закрывал импорт, по преимуществу натовский. К середине 2020-х пропорция перевернулась: локализация достигла порядка восьмидесяти процентов.

Перевернулась и внешнеторговая позиция отрасли: оборонный экспорт, составлявший в начале века около четверти миллиарда долларов в год, к середине 2020-х вышел на уровень порядка 7 млрд долларов, а география поставок — Центральная Азия, Персидский залив, Африка — превратила турецкий ОПК из статьи расходов в инструмент влияния. По Пирсону (глава 6) это параллельная колея, уже несущая нагрузку: возрастающая отдача — эффекты обучения, координации, адаптивных ожиданий — теперь работает на автономию.

Каждый национальный контракт удешевляет следующий шаг расцепления и удорожает возврат.

Платформы суверенитета

За интегральным числом стоят конкретные платформы.

KAAN — национальный истребитель пятого поколения, разрабатываемый TUSAŞ/TAI: прямой ответ на изгнание из F-35 и самая амбициозная программа отрасли. Самолёт, спроектированный и собираемый в Турции, замыкает на национальную промышленность ту функцию — боевую авиацию нового поколения, — через которую альянс рассчитывал сохранить технологический поводок. Оговорка о двигателе принципиальна, и ей посвящена следующая глава.

«Стальной купол» (Çelik Kubbe) — программа единой многослойной национальной системы противовоздушной и противоракетной обороны, сводящая в общий контур боевого управления национальные радары, комплексы HİSAR и SİPER, средства РЭБ и закупленные С-400. Архитектурный смысл: собственное небо под собственным управлением — замещение того слоя C4ISR, который в главе 6 был назван первым и самым ослепляющим при расцеплении.

TCG Anadolu — флагман флота, универсальный десантный корабль, переосмысленный после исключения из F-35 (палубная версия которого должна была на нём базироваться) в первый в мире носитель ударных беспилотников. Биография корабля — материализованная денатофикация: платформа, спроектированная под американский самолёт, перепрофилирована под национальные дроны.

Семейство Bayraktar и экосистема ASELSAN–ROKETSAN–HAVELSAN — беспилотники с подтверждённым боевым применением на нескольких театрах; электроника, ракеты и программное обеспечение, закрывающие критические узлы всех перечисленных платформ.

Хеджирование по-анкарски: покупать у всех, не присягая никому

Скептик возразит: какая же это денатофикация, если Анкара параллельно ведёт переговоры о возвращении в F-35? Возражение стоит разобрать: оно вскрывает логику турецкой закупочной политики, и логика эта концепцию подтверждает.

Фактура середины 2020-х такова. Турция одновременно: ведёт переговоры о возвращении в программу F-35 — 116 машин, предоплата в 1,4 млрд долларов, с обсуждением экзотической схемы объявления С-400 «неработоспособными» через изъятие компонентов; подписывает контракт на поставку порядка 20 британских Eurofighter Typhoon на 8 млрд фунтов и добирает подержанные машины из Омана и Катара; получает в декабре 2025 года первые 10 американских двигателей F110 для прототипов KAAN с выходом на лётные испытания летом 2026-го; и финансирует собственную двигательную программу, призванную этот импорт закрыть. Четыре трека сразу — американский, европейский, переходный и национальный.

Читать это как непоследовательность — значит прикладывать к Анкаре блоковую логику, которую она как раз демонтирует. Последовательность здесь есть, и она другая: **ни один внешний поставщик не должен иметь решающего голоса ни над одной турецкой способностью**. F-35, если вернётся, — то на турецких условиях и без демонтажа KAAN; Eurofighter — страховка от американского отказа; KAAN — страховка от обоих. В закупках это та же стратегическая амбивалентность: многовекторность как инструмент суверенитета. Денатофикация, напомним определение, не разрывает военно-технических отношений с Западом — она изымает чужое вето. Покупка западного оружия при наличии национальной альтернативы вето не создаёт; покупка при её отсутствии — создаёт. Поэтому индикатором служат условия переговоров по F-35: возвращение ценой демонтажа национальной программы было бы реверсом (сценарий четвёртый), возвращение при живом KAAN —

обычным хеджированием зрелого игрока. Различие этих двух исходов — ещё одна строка индикаторной панели.

Цену двойственности измеряют и деньги: за 2023–2025 годы Турция закупила российских углеводородов более чем на 90 млрд долларов, уступая лишь Китаю и Индии, — параллельно со всеми перечисленными западными треками. Государство, тратящее такие суммы по обе стороны блоковой границы, уже живёт в постблоковой экономике; осталось, чтобы это признала номенклатура безопасности.

Боевая витрина и экспортная география

У оборонной промышленности есть жестокий, но непреложный закон рынка: оружие продаёт война. Турецкому ОПК витрину обеспечила осень 2020 года — карабахская кампания, в которой беспилотная компонента турецкого производства на глазах у всего мира взломала классическую эшелонированную оборону советской школы. Для турецкого оборонного экспорта та война значила больше любых выставок: покупатели увидели результат боевого применения. Сирийский и ливийский театры добавили витрине разделы — РЭБ, взаимодействие дронов с артиллерией, — и к середине 2020-х турецкое оружие стало единственным на рынке незападным предложением с таким портфелем верифицированного боевого применения.

Экспортная география, выросшая из витрины, читается как аналитический документ. Тюркский контур: Азербайджан как глубочайший интегратор (вплоть до совместных производств), Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан — оборонный экспорт стал материальной тканью ОТГ раньше любых деклараций. Исламский и южный пояс: Пакистан с корветами и перспективой по KAAN, страны Залива с миллиардными пакетами по дронам, Северная и Субсахарская Африка как самый быстрорастущий рынок. Восточноевропейский фланг: Украина и — примечательно — ряд новых членов самого НАТО,

покупающих турецкие платформы. Турецкий ОПК продаёт по всем азимутам сразу, и его клиентская карта совпадает с картой постблоковой Евразии из первой части. Промышленность опередила дипломатию: оборонная сеть БЕП 2.0 уже торгует, пока концептуальная ещё согласовывает термины.

Каждый экспортный контракт — это чужая армия, перешедшая на турецкие стандарты, обучение, боеприпасы и циклы модернизации на десятилетия вперёд. Возрастающая отдача, некогда привязывавшая Турцию к чужой колее, теперь привязывает к турецкой колее других, и каждый такой клиент удорожает для самой Анкары любой реверс: свернуть национальную промышленность, на которую завязаны армии двух десятков государств, не сможет позволить себе уже никакое турецкое правительство.

Энергетический фланг материальной денатофикации

Оборонной локализацией материальное измерение не исчерпывается: параллельно и по той же логике Турция перестраивает энергетический фундамент — отрасль, в которой её зависимость исторически была тотальной: страна без собственной нефти и газа, импортирующая почти всё, чем светит и греется. Перестройка идёт по трём направлениям.

Направление первое — собственная добыча: открытое в 2020 году черноморское месторождение Сакарья, крупнейшая находка в истории страны, с 2023 года даёт газ в национальную сеть, и каждая новая фаза проекта прямо вычитается из импортной иглы; разведка продолжается и в Чёрном, и в Средиземном морях — последнее и есть энергетический мотор «Голубой родины». Направление второе — атомное: «Аккую» с выходом первых блоков делает Турцию ядерно-энергетической державой, а обсуждаемые вторая и третья станции с диверсификацией подрядчиков (от российского до восточноазиатских) воспроизводят в атоме фирменное правило «покупать у всех, не присягая никому». Направление

третье — хабовое: суммируя трубопроводы с востока и севера, СПГ-терминалы, собственную добычу и подземные хранилища, Анкара строит позицию регионального газового распределителя — страны, через которую и по чьим правилам газ идёт в Европу.

Логика фланга та же, что у оборонного: уязвимость превращается в рычаг. Страна, тридцать лет бывшая призовым рынком чужих поставщиков, выстраивает положение, в котором поставщики конкурируют за неё, а потребители зависят от неё. И как всякий элемент материальной денатофикации, энергетический фланг работает на необратимость: газовый хаб, атомные станции и собственный шельф — активы, осмысленные только при многовекторной внешней политике; правительство, вернувшее страну в блоковую дисциплину, обесценило бы их в один день. Энергетика, как и оборонка, голосует за промежуточный статус — инвестициями.

География присутствия: базы как внешний контур автономии

Материальная денатофикация имеет и пространственное измерение. Параллельно с промышленной локализацией Турция за десятилетие выстроила собственную сеть военного присутствия за рубежом — от базы Тарика бен Зияда в Катаре и крупнейшего зарубежного учебного центра TURKSOM в Сомали до присутствия в Ливии, Азербайджане, Ираке, Сирии и на Северном Кипре. Существенно не количество флагов, а юридическая природа: вся эта география развёрнута на двусторонних основаниях, вне натовских структур и натовского планирования. У второй армии альянса сложилась собственная внешняя военная политика с собственной инфраструктурой — функционирующая модель того, как выглядят турецкие экспедиционные возможности без интегрированного командования. Институциональная денатофикация, когда и если она будет оформлена, в этом измерении уже отрепетирована.

Чего железо ещё не сделало

Тотальной материальная денатофикация всё же не стала: двигателестроение — авиационное прежде всего — остаётся критически зависимым от внешних поставщиков; высший слой ядерной инфраструктуры на турецкой земле управляется извне; отдельные классы вооружений и компонентная база ещё привязаны к натовским цепочкам сертификации. Эти незакрытые узлы — мера тренда: по ним проходит сегодняшняя граница турецкого военного суверенитета. Два из них, ядерный и двигательный, разобраны в следующей главе под собственным именем.

ГЛАВА 8

ПАРАДОКС ИНДЖИРЛИКА: ДВА ЧУЖИХ ВЕТО

Концепция обязана указать, при каких наблюдаемых фактах она окажется ложной. Декларативная «многополярность вообще» этого не делает — и потому остаётся риторикой. Денатофикация фальсифицируемый индикатор предъявляет и даёт ему имя: парадокс Инджирлика.

Постановка парадокса



Рис. 6. Парадокс Инджирлика: два иностранных вето, удерживающих турецкую военную машину. Институциональное расцепление невозможно завершить, пока стоят оба замка (гл. 8).

Суть парадокса сводится к двум фактам, существующим одновременно с описанным в предыдущей главе восьмидесятипроцентным суверенитетом.

Факт первый. На авиабазе Инджирлик размещено порядка пятидесяти американских тактических ядерных боезарядов B61. Ядерная функция на турецкой земле существует, но Турции не подконтрольна.

Факт второй. Национальный истребитель пятого поколения KAAN — венец оборонно-промышленного рывка — летает на американских двигателях General Electric F110: первая партия машинокомплектов получена в конце 2025 года, и на ближайшем горизонте программа критически зависит от воли внешнего поставщика на её ключевом узле.

Парадокс в соединении: страна, локализовавшая четыре пятых военного производства, на двух высших этажах суверенитета — ядерном и авиационно-двигательном — сохраняет **два чужих вето** над собственными возможностями. Восемьдесят процентов суверенитета размещаются ниже этих двух этажей; последние двадцать — именно здесь.

Инджирлик до парадокса: шестьдесят лет чужой логики

Инджирлик не впервые оказывается точкой, в которой турецкий риск обслуживает чужое решение; у парадокса есть предыстория.

Эпизод первый — ракетный, и он вошёл во все учебники, как правило, без турецкой оптики. В 1961 году в Турции были развёрнуты американские баллистические ракеты средней дальности «Юпитер» — пятнадцать пусковых установок, нацеленных на советскую территорию. Осенью 1962-го грянул Карибский кризис, и его развязка, как стало известно позднее, включала негласный размен: Москва убирает ракеты с Кубы — Вашингтон убирает «Юпитеры» из Турции. Анкару о содержании сделки не спрашивали; о выводе ракет, ради размещения которых она приняла на себя статус первоочередной цели, она узнала по факту. Турецкая территория побывала разменной монетой в чужом ядерном торге — при полном, образцовом, десятилетнем членстве в альянсе. Урок 1962 года стоит в одном ряду с 1964-м (письмо Джонсона) и 1975-м (эмбарго): глубина интеграции не покупает права голоса.

Эпизод второй — авиационный: с конца 1950-х с турецких аэродромов работали американские разведывательные

программы, включая полёты U-2, — операции стратегического масштаба, решения по которым принимались в Вашингтоне, а дипломатические и военные риски в случае провала ложились на географию базирования. Эпизод третий — новейший: после попытки переворота 2016 года турецкие власти на несколько дней обесточили Инджирлик и закрыли над ним небо, фактически продемонстрировав, что рубильник физического доступа — в национальных руках; а годом позже разразился германский казус — Бундестаг, поссорившись с Анкарой из-за доступа депутатов к базе, эвакуировал немецкий контингент с Инджирлика в Иорданию. Союзники по одному альянсу не смогли ужиться на одной базе — настолько, что один из них предпочёл перебазироваться в страну, в альянс не входящую.

Все семь десятилетий Инджирлик был точкой, где асимметрия «риск турецкий, решение чужое» проявлялась раньше и резче, чем где бы то ни было; нынешние боезаряды B61 — последнее звено этой цепи.

Анатомия первого вето: риск турецкий, решение чужое

Ядерное вето обычно понимают неточно. Боезаряды B61 на Инджирлике не дают Турции ядерного статуса даже в ослабленной форме «совместных миссий»: в отличие от Германии, Италии, Бельгии и Нидерландов, у Турции в текущей конфигурации нет ни сертифицированных носителей для этих зарядов, ни закреплённой миссии их применения. Конструкция асимметрична: заряды делают турецкую территорию первоочередной стратегической целью в любом ядерном сценарии — а решение об их применении, хранении или выводе принимается вне Анкары. Риск — турецкий, решение — чужое; ядерным сдерживанием в турецких интересах это назвать нельзя.

Турецкая власть начала проговаривать эту асимметрию вслух. Слова Эрдогана о том, что «некоторым странам можно иметь ядерное оружие, а нам — нет», публичная постановка

вопроса о справедливости режима нераспространения устами министра иностранных дел в феврале 2026 года, риторика провластной прессы — это вербальная оболочка того же парадокса: государство осознало этаж, на который не пускает его собственный альянс.

Анатомия второго вето: двигатель как последнее горло

Второе вето тоньше. Планер, авионика, вооружение, программное обеспечение KAAN — национальные или локализуемые; двигатель — нет. Авиационное двигателестроение — самая капиталоёмкая и самая длинная по циклу компетенция военной промышленности: её не покупают, её выращивают десятилетиями. Внешний поставщик силовой установки держит руку на рубильнике всей программы: задержка поставок, отзыв лицензии, санкционная оговорка — и национальный истребитель остаётся планером без сердца. Турция это понимает — национальная двигательная программа заявлена и финансируется, — но между заявкой и серийным турбовентиляторным двигателем поколения 4+/5 лежат годы. До тех пор формула звучит жёстко: суверенный самолёт на несуверенной тяге.

Здесь уместен французский прецедент: де Голль не начинал институционального расцепления, пока force de frappe не дала Франции собственного стратегического этажа. Турецкие двадцать процентов — это ещё не построенный собственный этаж, и парадокс Инджирлика измеряет расстояние до него.

Высота барьера видна в мировом масштабе. Полноценные боевые турбовентиляторные двигатели поколения 4+ и выше серийно производят считаные страны планеты — клуб теснее ядерного: Соединённые Штаты, Россия, объединённая Европа двумя школами, Китай, прорвавшийся в клуб лишь в последнее десятилетие после сорока лет инвестиций и копирования. Индия со своей программой бьётся о тот же барьер с восьмидесятых; даже Япония и Южная Корея, промышленные сверхдержавы,

для своих истребителей берут чужую тягу. Барьер объясним: двигатель — это металлургия монокристаллических лопаток, термодинамика на пределе материалов и статистика тысяч испытательных часов, то есть три вида капитала — научный, производственный и временной, — не покупаемые ни за какие деньги по отдельности. Отсюда двойной вывод для турецкого случая. Пессимистический: национальный двигатель — задача на годы при любом финансировании, и обещания скорого успеха следует дисконтировать. Оптимистический: Турция атакует барьер в наилучшей из возможных конфигураций — с готовым планером под двигатель, гарантированным внутренним заказом, боеспособной школой смежников и, как показала китайская траектория, в эпоху, когда вход в клуб доказанно возможен для решившегося. Второе вето Инджирлика прочнее первого, но срок его действия ограничен, и обе стороны это знают.

Индикатор: как читать парадокс

Методологическая функция парадокса — индикаторная. Два вето суть наблюдаемые величины, и их динамика образует опережающий индикатор денатофикации, считываемый по открытым источникам. Движение процесса: прогресс национальной двигательной программы и снижение доли импортных силовых установок в боевой авиации; изменение статуса, численности или самого факта присутствия B61 на Инджирлике; ввод в строй национальных контуров боевого управления, замыкающих ПВО и авиацию на турецкие, а не альянсовые системы. Остановка или разворот процесса: углубление участия в механизмах ядерного планирования НАТО; возвращение в F-35 на условиях, демонтирующих национальную программу; реинтеграция ОПК в натовские цепочки сертификации ценой сворачивания локализации.

Этим парадокс Инджирлика отличает концепцию денатофикации от пророчества. Пророчество сбывается всегда, потому что переинтерпретирует любые факты в свою пользу.

Денатофикация называет факты, которые её опровергнут, — и тем самым принимает на себя риск, обязательный для научного высказывания. Если к началу 2030-х оба вето стоят на месте — двигатель не локализован, заряды на месте, контуры управления альянсовые, — концепция в её сильной форме неверна, и автор обязуется признать это первым.

Иранское измерение: парадокс как общеевразийский узел

У парадокса есть и внешнее измерение, переводящее его из двустороннего турецко-американского сюжета в общеевразийский. Турция — единственный член НАТО с сухопутной границей с Ираном, и чужие ядерные заряды размещены в стратегической близости от иранских рубежей. Весной 2026 года, в ходе американо-иранской войны, эта география перестала быть абстракцией: иранская ракета, перехваченная альянсовой ПРО, упала в окрестностях Дёртьоля — турецкая земля приняла на себя осколок чужого конфликта, в котором Анкара не участвовала (подробнее об этом эпизоде — в главе 9).

Для Тегерана снижение военного присутствия альянса у собственных границ — прямой интерес безопасности; этот интерес объективно совпадает с линией России, Китая и государств ШОС на деблокизацию Евразии — и, как показал Дёртьол, с интересом самой Турции не служить полем чужого размена. Денатофикация здесь — узел, в котором сходятся интересы сразу нескольких полюсов КИРИТ, и у концепции появляется не только аналитическая, но и дипломатическая тяга.

ГЛАВА 9

ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЗВНЕ: ПРОЦЕСС ВИДЯТ ВСЕ, КРОМЕ СЛОВАРЯ

Доказательная база, построенная на материале одной страны, всегда уязвима для упрёка в выборочном чтении — в подгонке турецких фактов под собственную концепцию. Лучшая защита от упрёка — свидетельства, которые автору не принадлежат и подогнаны быть не могут. В этой главе собраны четыре класса таких свидетельств: поведение самого альянса, институциональные траектории, инфраструктурные обязательства и стресс-тест войны весны 2026 года. Их совокупный смысл сформулирован в заголовке: процесс видят все — атлантические столицы, тюркский мир, рынки и дипломатические форматы. Не хватает только слова в словаре.

Зеркальная денатофикация: «европейская НАТО» без Турции

Самое сильное внешнее подтверждение пришло со стороны оппонентов концепции. В апреле 2026 года Wall Street Journal описала контуры формирующейся «европейской НАТО» — конфигурации углублённой военной интеграции европейских членов альянса, выстраиваемой фактически без Турции. Ядро альянса проектирует собственное будущее, заранее вынося вторую по численности армию за скобки. Это денатофикация, наблюдаемая с другого конца провода, — зеркальная: не Турция расцепляется с интегрированной структурой, а интегрированная структура, переформатируясь, расцепляется с Турцией.

Аналитическая ценность зеркального свидетельства

в его непредвзятости. Атлантические планировщики не читали ни валдайских записок, ни этой книги; они исходят из собственной оценки надёжности союзника — и их оценка, переведённая в организационные решения, совпадает с диагнозом денатофикации. Когда к одному выводу независимо приходят сторонники процесса (Анкара, строящая автономный ОПК), его аналитики (авторы концепции) и его противники (проектировщики «европейской НАТО»), вывод перестаёт быть интерпретацией и становится наблюдением. Процесс двусторонен, взаимен и признан всеми участниками — всеми, кроме официального словаря, который по-прежнему делает вид, что существуют только «членство» и «выход».

Тюркский контур: институциональная альтернатива строится открыто

Второй класс свидетельств — институциональный. Организация тюркских государств за полтора десятилетия прошла путь от культурно-гуманитарного совета до полноформатной международной организации с саммитами, секретариатом, инвестиционным фондом и нарастающей оборонной повесткой: совместные учения, координация оборонной промышленности, разговор об общем рынке вооружений. Существенно не то, станет ли ОТГ военным союзом (вероятнее всего — нет, и не должна), а сам факт: Турция системно, год за годом, строит институциональный контур, в котором её центральность не делегирована никакому внешнему командованию. Государство, всерьёз намеренное вечно оставаться в чужой интегрированной структуре, параллельных контуров собственного лидерства не строит — незачем нести двойные издержки. Строительство альтернативы — само по себе индикатор.

Сюда же примыкает Астанинский формат: многолетняя практика решения военно-дипломатических задач высшей сложности в треугольнике с Россией и Ираном — без США и без альянса. Формат доказал делом, что турецкая дипломатия безопасности операционально дееспособна вне натовских механизмов — пусть пока в отдельно взятом сирийском досье.

Энергетическая ткань: «Аккую» и газ

Третий класс свидетельств — инфраструктурный, самый медленный. Дипломатическая риторика разворачивается за день; энергетическая инфраструктура связывает на полвека. Энергетический фланг материальной денатофикации — Сакарья, «Аккую», хаб — описан в главе 7; здесь важна его внешняя сторона, длина обязательств. Первая в истории Турции атомная станция «Аккую» строится Росатомом по модели Build-Own-Operate: российская корпорация владеет станцией и оперирует ею на турецкой земле десятилетиями — трудно вообразить более длинное взаимное обязательство. Параллельно Турция закупает российский газ в объёмах, уступающих лишь Китаю и Индии. Каждый из этих фактов по отдельности объясним коммерчески. Но государство, планирующее своё будущее внутри атлантической дисциплины, не вплетает в собственную энергосистему пятидесятилетние обязательства перед государством, которое доктрина альянса называет главной угрозой. Инфраструктурные решения Анкары исходят из картины мира, в которой евразийская вписанность — константа, а не манёвр.

Стресс-тест: война весны 2026 года

Внешние подтверждения трёх предыдущих параграфов накапливались годами. Весна 2026-го добавила к ним свидетельство иного рода — мгновенное, как рентгеновский снимок: американо-иранская война просветила турецкую гетеротопию насквозь и показала её несущую конструкцию в работе. Речь о состоявшемся эпизоде: боевые действия начались 28 февраля 2026 года ударами США и Израиля по Ирану, были приостановлены перемирием 7–8 апреля, а активная фаза завершилась к началу мая. Здесь эта война рассматривается как стресс-тест турецкой позиции.

Член НАТО, на чьей территории — американские ядерные заряды и ключевая авиабаза альянса, оказался соседом и торговым партнёром страны, по которой его старший союзник ведёт боевые действия. Блоковая логика предписывала однозначность; Анкара повела себя по логике гетеротопии — и предъявила миру весь репертуар. С альянсом: территория не предоставлена под удары, риторика — осуждение эскалации, дистанция от американской операции при формальном сохранении союзнических процедур. С Тегераном: каналы не разорваны, граница и торговля не закрыты, астанинское переговорное ремесло не сдано в архив. И посредине — Дёртьол, 4 марта: иранская ракета, перехваченная альянсовой ПРО, осыпается обломками на турецкую землю. Страна, не участвовавшая в войне и не выбиравшая её, физически платит по чужому счёту — формула «риск турецкий, решение чужое» исполняется буквально, на глазах у собственного избирателя.

Аналитический выход стресс-теста двоякий. Во-первых, война показала, что гетеротопическое поведение Анкары — не конъюнктурная гибкость мирного времени, а устойчивый режим, выдерживающий военную нагрузку: даже под прямым давлением союзника Турция не вернулась к блоковой однозначности. Во-вторых, война переместила издержки двойственности из абстракции в наглядность: каждый обломок под Дёртьолом — материальный аргумент в пользу того, чтобы чужая ядерная и военная инфраструктура не превращала турецкую землю в чужую мишень. Судя по турецкой публицистике весны 2026 года, вопрос «зачем нам быть полем чужого размена» перестал быть маргинальным.

Почему словарь сопротивляется: социология незамечания

Если процесс настолько нагляден, что его видят «все», почему официальный и экспертный словарь десятилетие отказывается дать ему имя? Незамечание такого масштаба

требует объяснения, и объяснение у него структурное, а не заговорщицкое.

Первый механизм — институциональный интерес именующих. Словарь международной безопасности производится по преимуществу в столицах и институтах самого атлантического сообщества, а организация не может ввести в собственный лексикон термин, описывающий её частичный демонтаж: признать спектр между членством и выходом — значит легализовать его для всех тридцати с лишним столиц сразу. Что словарь этот есть отражение определённой идеологии, а не нейтральный инструмент описания, показано задолго до нашего сюжета: Ф.Г. Войтоловский проследил, как атлантизм из внешнеполитической практики превращался в самоописание Запада, внутри которого единство и разобщённость сосуществуют, не отменяя друг друга. Денатофикация попадает ровно в этот шов — она называет разобщённость в терминах, которые самоописание единства принять не может. Бинарный словарь — это не слепота, это дисциплинарный инструмент: пока существуют только «членство» и «выход», всякий промежуточный шаг можно именовать «отклонением» и подвергать коррекции. Второй механизм — профессиональная колея самих аналитиков, пирсоновская в чистом виде: поколения экспертов сделали карьеры внутри бинарной рамки, и каждый новый доклад в ней дешевле и безопаснее доклада против неё; смена рамки в науке происходит чаще сменой поколений, чем переубеждением. Третий механизм — асимметрия рисков именования: эксперт, назвавший процесс и ошибившийся, платит репутацией; эксперт, не заметивший процесс вместе со всеми, не платит ничем — «никто не уволен за бинарность».

Отсюда два следствия. Во-первых, сопротивление словаря — предсказуемое свойство среды, а не контраргумент, и его сила сама по себе индикатор. Во-вторых — и это объясняет географию термина — новое имя для такого процесса могло прийти только извне именующего центра: из пространства, не зависящего от атлантических институциональных интересов

и при этом кровно заинтересованного в точности описания. Денатофикация родилась в Бишкеке в согласии с логикой социологии знания: понятия производятся там, где есть интерес их производить, и периферии видят то, что центрам видеть невыгодно.

Четыре луча верификации

Тезис о материальной денатофикации подтверждён с четырёх сторон. Изнутри — заводскими ведомостями: локализация с одной пятой до четырёх пятых, платформы суверенитета, собственная сеть баз (глава 7). На границе суверенитета — парадоксом Инджирлика: два чужих вето точно очерчивают, что ещё не расцеплено, и задают фальсифицируемый индикатор (глава 8). Извне — зеркальным поведением альянса, открытым строительством альтернативных контуров и полувековыми инфраструктурными обязательствами. И под нагрузкой — войной весны 2026 года, подтвердившей устойчивость гетеротопического режима в боевых условиях. Четыре независимых луча сходятся в одной точке.

Процесс идёт, измерим и признан всеми сторонами. Открытым остаётся главный вопрос: что с этим делать? Стихийный процесс без рамки заканчивается так, как решат внешние кризисы; процесс с именем, рамкой и календарём может закончиться архитектурой. Но прежде чем чертить, нужно разобрать саму турецкую субъектность — её внешние векторы, её ближневосточные полигоны, её внутренних носителей; этому посвящена четвёртая часть, а чертежу — пятая.

Часть IV. Векторы и акторы

ГЛАВА 10

ТЮРКСКИЙ ВЕКТОР: ОТ МЕЧТЫ ГАСПРИНСКОГО К ИНСТИТУТАМ ОТГ

Три предыдущие главы доказали, что денатофикация идёт. Но процесс расцепления с одной системой осмыслен лишь при наличии векторов, по которым перераспределяется высвобождаемая субъектность. У Турции таких векторов несколько, и четвёртая часть книги разбирает их по одному — начиная с самого глубокого, цивилизационного: тюркского.

Долгая идея: от «единства в языке» к политической географии

Пантюркизм принято поминать либо как пугало, либо как романтику; для анализа не годится ни то ни другое. Генеалогия идеи прозаичнее и интереснее. Её отцом-основателем был не турецкий генерал, а крымско-татарский просветитель: Исмаил Гаспринский в конце девятнадцатого века сформулировал программу «единство в языке, мыслях и делах» — культурное единение тюркских народов, разделённых между двумя империями. Идею интеллектуально оформил Зия Гёкальп, различавший три концентра — туркизм (нация), огузианство (ближайшие родичи) и туранизм (предельный горизонт), — и уже у него предельный горизонт мыслился как культурный идеал, без плана завоеваний.

Республиканская Турция пантюркизм не подняла на знамя, а подавила: Ататюрк, строивший национальное

государство в анатолийских границах, считал ирредентизм самоубийственной авантюрой, и кемалистский истеблишмент десятилетиями держал туранистов на политической обочине, а в 1944 году — и на скамье подсудимых. Весь период холодной войны тюркский мир был рассечён железным занавесом, и тема жила в эмиграции и на маргиналиях. Для дальнейшего разбора это обстоятельство несущее: тюркская интеграция в её нынешнем виде — возможность, открывшаяся в 1991 году внезапно, в том числе для самой Турции, а не вековая экспансионистская программа Анкары.

Три десятилетия институционализации: от саммитов к организации

Распад СССР подарил Турции пять новых родственных государств — и первое десятилетие отношений прошло под знаком завышенных ожиданий и взаимных разочарований: Анкара примеряла роль «старшего брата», столицы Центральной Азии, только что вышедшие из-под одного старшего брата, на роль младших не подписывались. Продуктивной интеграция стала, когда отказалась от иерархии в пользу институтов. Вехи: саммиты тюркоязычных государств с 1992 года; ТЮРКСОЙ (1993) как культурная оболочка; Нахичеванское соглашение 2009 года, учредившее Тюркский совет — первую полноценную международную организацию тюркского мира; преобразование Совета в Организацию тюркских государств на стамбульском саммите 2021 года.

К середине 2020-х ОТГ — растущая институциональная экосистема: постоянный секретариат, ежегодные саммиты (одиннадцатый прошёл в Бишкеке в ноябре 2024 года), Тюркский инвестиционный фонд с капиталом, штаб-квартирой и стартовавшими проектами — первый общий финансовый институт тюркского мира; согласованный в 2024 году единый алфавит из тридцати четырёх букв (общая графика — инфраструктура смыслов на поколения); программы общего образовательного пространства, транспортной связности по Срединному коридору и — нарастающе — оборонно-промышленной кооперации: совместные учения, меморандумы оборонных ведомств, экспорт

турецких платформ в страны организации и разговор о совместных производствах.

Тюркское и исламское: две рамки идентичности и тень Эр-Рияда

Турция предлагает Центральной Азии две рамки принадлежности, и соседи читают их по-разному. Первая — тюркская: этнолингвистическая, горизонтальная, светская по генеалогии, восходящая к Гаспринскому и Гёкальпу, к «единству в языке», а не в вере. Вторая — исламская: религиозная, через которую турецкое руководство периода Эрдогана апеллирует к умме, к мусульманской солидарности поверх этнических границ. Эти две рамки то усиливают друг друга, то конкурируют, и от того, какая из них берёт верх сейчас, зависит, как турецкая проекция читается соседями — как культурное родство или как панисламский вызов.

Различие принципиально, потому что рамки несовместимы по своему отношению к шанхайскому коду. Тюркская рамка светская, торговая, горизонтальная — она не требует от государства поступиться суверенитетом и не несёт трансграничной лояльности, конкурирующей с лояльностью гражданина своему государству; оттого она встраивается в логику ШОС без трения. Исламская рамка, напротив, по своей природе наднациональна: умма не признаёт границ, а апелляция к ней через голову национальных правительств — тот неоосманский заряд, разбору которого посвящена двенадцатая глава. Организация тюркских государств сознательно построена на первом основании: её ткань — алфавит, инвестфонд, транспорт, образование; в её уставных документах нет ни одного религиозного института. Турецкое религиозное присутствие в регионе — по линии Управления по делам религии — идёт помимо ОТГ, отдельным каналом, и это разделение структурное.

Здесь же проходит линия конкуренции, о которой в евразийских разговорах вспоминают редко, — соперничество

с Эр-Риядом. Постсоветский религиозный вакуум девяностых был полем, на котором турецкая модель ислама (ханафитская по школе, с суфийским подслоем, институционально оформленная и встроенная в государство) встретилась с саудовским салафизмом, приходившим с куда большими деньгами, сетью медресе и стипендий. Центральная Азия — исторически ханафитская, с живой суфийской традицией — оказалась культурно ближе к турецкой версии, и в долгой дистанции Анкара переиграла Эр-Рияд не объёмом финансирования, в котором проигрывала, а тем, что предложила региону формат, не покушавшийся на его собственную религиозную политику. Саудовский проект нёс содержание веры; турецкий — институциональную оболочку без претензии диктовать содержание. Государствам, только что обретшим суверенитет, второе было приемлемо, а первое — тревожно.

Вывод для денатофикации: из двух турецких рамок цивилизационным тылом расцепления служит тюркская. Она не пугает ни Москву, ни Пекин, не раскалывает ядро и не конкурирует с государственным суверенитетом — основанием всей шанхайской конструкции; исламская несёт те риски, которые сделали бы БЕП 2.0 неприемлемым для половины его участников. Если бы ОТГ начала дрейф к общей религиозной повестке, к чему-то вроде исламского устава или наднационального духовного органа, тезис о её совместимости с ШОС пришлось бы пересмотреть. Пока эмпирия обратная: светские саммиты, общая графика, финансовый институт без единой религиозной строки.

Азербайджан: старший брат, мост и посредник

Если Турция — концептуальный мотор тюркской интеграции, то Азербайджан — её несущая конструкция, и без понимания бакинской роли вся геометрия вектора повисает в воздухе. Формула «одна нация — два государства», восходящая к Гейдару Алиеву, описывает турецко-азербайджанское

родство точнее любого договора, но дело не только в близости. Азербайджан — единственное звено, физически соединяющее Турцию с тюркской Центральной Азией: без азербайджанской территории Срединного коридора попросту не существует, западные ворота Каспия принадлежат Баку. Это делает Азербайджан незаменимым узлом тюркского мира, и незаменимость весит больше формального старшинства.

Война 2020 года и возвращение Карабаха — при ощутимой турецкой поддержке, от беспилотных платформ до военного консультирования — изменили региональную геометрию разом: открыли прямой выход к Нахичевани, оживили зангезурский вопрос, разбору которого отведена пятнадцатая глава, и закрепили турецко-азербайджанскую связку. Шушинская декларация 2021 года оформила её как союзническую: де-факто двусторонняя гарантия безопасности, выстроенная вне натовского контура и не направленная против третьих стран. Это готовая миниатюра постблоковой кооперации — две тюркские столицы договариваются о взаимной обороне напрямую, без объединённого командования и без концепции внешнего противника, навязанной извне. Шуша — прецедент того, что тюркская кооперация в сфере безопасности возможна как суверенный двусторонний акт.

Но подлинная ценность Баку для архитектуры — в его посреднической функции, и здесь Азербайджан делает то, что Анкаре даётся хуже. Он мост между Турцией и Центральной Азией — культурно ближе к региону, без турецкого шлейфа претензий на роль «старшего брата», о провале которой говорилось выше. Он держит рабочие отношения с Москвой и участвует в кавказских форматах с российским присутствием, оставаясь при этом ближайшим союзником Анкары, — редкое умение быть своим по обе стороны. Он поддерживает плотные связи с Израилем, не разрывая их в моменты турецко-израильских охлаждений, и тем самым держит открытым канал, который Анкара периодически захлопывает. Своё место в тюркском мире Баку занял тем, что стал узлом, через

который проходят несовместимые на первый взгляд линии; тот же принцип лидерства через незаменимость в пятой части обосновывается для ядра С5.

Азербайджанская модель не калька: Баку не состоит в ОДКБ, не входит полноправно в ШОС, а карабахский путь к нынешнему положению специфичен и невоспроизводим в других столицах. Переносить бакинский опыт на весь тюркский мир было бы ошибкой того же рода, что принимать декларации за реальность. Но как доказательство возможности — что тюркская субъектность умеет быть одновременно союзной Анкаре и работающей с Москвой, что безопасность строится вне блока и не против кого-то, что мост важнее иерархии — азербайджанский случай работает безотказно. Такие мини-прецеденты и нужны денатофикации: не теоремы, а уже стоящие постройки, на которые можно показать пальцем.

Тюркский вектор в логике денатофикации

Для центрального сюжета книги этот вектор означает три вещи, по нарастающей значимости.

Во-первых, ОТГ — работающее доказательство тезиса главы 9: Турция строит институциональные контуры собственной центральности параллельно членству в альянсе и помимо него. НАТО в архитектуре ОТГ не присутствует ни в каком качестве; тюркский проект развивается так, как будто атлантического измерения турецкой политики не существует, и это прямой индикатор того, куда Анкара инвестирует своё долгое время.

Во-вторых — и здесь я расхожусь с алармистской трактовкой — тюркский вектор по своей институциональной природе ближе шанхайскому коду, чем блоковому. ОТГ не имеет ни статьи о коллективной обороне, ни общего командования, ни концепции противника; её ткань — язык, культура, торговля, транспорт, инвестиции. Страхи перед «армией Турана» питаются риторикой маргиналов, а не уставными документами. Для Центральной Азии, состоящей с Россией в ОДКБ и с Китаем

в ШОС, совместимость форматов — условие участия, и Анкара это условие понимает: тюркская интеграция выстроена так, чтобы не требовать ни от Астаны, ни от Бишкека выбора между контурами. ОТГ — ещё одна школа той же многовекторности, и потому она встраивается в БЕП 2.0 без конкуренции с ним.

В-третьих, тюркский вектор — единственный из векторов турецкой проекции, в котором ядро С5 состоит с Турцией в прямом цивилизационном родстве. Четыре из пяти государств ядра — тюркские; пятое, Таджикистан, связано с регионом общей судьбой и с Ираном — общей матрицей. Это придаёт посреднической миссии ядра, обоснованной в пятой части, дополнительную глубину: Бишкек и Астана говорят с Анкарой не как внешние медиаторы, а как родня, у которой к тому же есть собственный, тридцатилетней выдержки опыт многовекторного выживания. Денатофикация, предложенная Турции из тюркского мира, — семейный совет, а не проект, навязанный извне.

Срединный коридор: хребет, на котором растёт мясо

Институты держатся на интересах, интересы — на инфраструктуре; у тюркской интеграции инфраструктурный хребет есть, и он назван во второй главе: Срединный коридор. Маршрут от китайской границы через Казахстан, Каспий, Азербайджан и далее в Турцию — это единственная континентальная ось, целиком проходящая по тюркским государствам (с грузинским звеном), и его взлёт в 2020-е годы сделал для ОТГ больше всех деклараций вместе взятых: у культурного родства появился общий денежный поток. Узкие места коридора — каспийский флот и портовые мощности, кавказское звено, согласование тарифов и таможен — суть готовая повестка организации, и характерно, что Тюркский инвестиционный фонд первые проекты ищет здесь: интеграция, начинающаяся с логистики, — здоровый тип интеграции, с него начиналась и европейская. Для денатофикации коридор добавляет материальный аргумент к цивилизационному:

турецкий суверенный статус — вопрос не только идентичности тюркского мира, но и его транспортной выручки, поскольку западные ворота общего маршрута должны принадлежать самому маршруту. Хребет, по которому идут составы, — лучшая гарантия того, что тюркский вектор переживёт любую политическую конъюнктуру в любой из столиц.

Реальная экономика против деклараций

Декларативный слой тюркской интеграции богат и нарастает: единый алфавит, инвестиционный фонд, ежегодные саммиты, стратегия «Тюркский мир — 2040», риторика общего будущего. Реальный экономический слой скромнее. Внутритюркский товарооборот мал в сравнении с торговлей каждого члена организации с его главными партнёрами — Евросоюзом, Китаем, Россией; турецко-центральноазиатский обмен растёт, но с низкой базы; Тюркский инвестиционный фонд оперирует сотнями миллионов, а не миллиардами, и несопоставим по весу ни с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, ни с китайскими кредитными линиями, ни даже с Евразийским банком развития. Совокупный вес ОТГ в турецкой торговле несопоставим с весом ЕС или Китая; организация молода, а её интеграционная глубина уступает даже ЕАЭС.

Структурная причина проста: хозяйственные тела государств Центральной Азии завязаны не на Турцию. Трудовая миграция, денежные переводы и для части региона членство в ЕАЭС привязывают экономики к России; инвестиции и инфраструктурные кредиты в логике Пояса и Пути — к Китаю. Турция в этом раскладе четвёртый или пятый партнёр, и никакая риторика родства этого порядка величин не отменяет. Принимать декларации за реальность здесь соблазн, которому поддаваться нельзя: молодая организация естественно опережает словом своё хозяйственное наполнение, так было и у европейского проекта, начинавшегося с угля и стали под аккомпанемент гораздо более громких слов. Опасна не сама

опережающая риторика, а привычка измерять интеграцию её громкостью. Политически в тюркском мире нет согласия по множеству досье, и попытка превратить культурную общность в жёсткую структуру немедленно её расколола бы.

Без одного уточнения картина, однако, выйдет несправедливой. Грузооборот Срединного коридора, о котором шла речь выше, вырос за десятилетие кратно, и это движение реальных составов, а не протоколов о намерениях. Отсюда формулировка, проверяемая на фактах: тюркская интеграция реальна там, где она инфраструктурна, и декларативна там, где она институциональна. Если внутритюркская торговля за вычетом транзита однажды обгонит торговлю членов организации с их внешними партнёрами, тезис устареет и вектор придётся переоценить как самостоятельный экономический блок. Пока этого нет, и потому в архитектуре БЕП 2.0 тюркский вектор входит этажом связности, описанным формулой С5 × КИРИТ, и не претендует заменить для Турции китайский или российский экономический вес. Его место — цивилизационный тыл денатофикации: пространство, в котором турецкая субъектность не одинока и которое не заменяет прочих вписанностей Турции. Расцепляющемуся государству важно знать, что за вычетом чужого командования оно остаётся не в пустоте, а в родне. ОТГ — институциональное имя этой родни.

ГЛАВА 11

ТУРЦИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН: ОСЬ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

«Одна нация — два государства»: природа союза и его асимметрия

Среди всех внешних связей Турции азербайджанская стоит особняком, и описать её природу нужно прежде любого анализа функций, потому что она не похожа ни на партнёрство, ни на союз в обычном смысле. Формула Гейдара Алиева «одна нация — два государства», уже приводившаяся в предыдущей главе, здесь читается буквально: общий язык, общая тюркская матрица, плотнейшая военная и политическая координация — связь, граничащая со сращиванием. Ни с одной другой столицей у Анкары нет ничего подобного; турецко-азербайджанские отношения — единственный случай, когда турецкая внешняя политика имеет дело не с контрагентом, а почти с продолжением себя.

Но близость не означает иерархии, и здесь кроется первое, что обычно прочитывают неверно. Анкара тяжелее по совокупному весу — экономика, армия, дипломатический охват, — однако Баку отнюдь не младший, подчинённый партнёр: у Азербайджана собственная нефтегазовая рента, собственная многовекторная дипломатия, собственная выверенная линия балансирования между Москвой, Тегераном и Западом. Союз держится на взаимном усилении: Турция даёт Азербайджану стратегическую глубину, военную модель и международную легитимацию, Азербайджан даёт Турции выход к Каспию и тюркской Центральной Азии и рычаг на Южном Кавказе — регионе, в который Анкара иначе не имела бы прямого входа.

Из этой взаимности и вырастает центральный тезис главы,

отличающий её от прочих диад. Азербайджанская связь — ось двойного назначения: она одновременно усилитель турецкой проекции вовне и канал воздействия на саму Анкару. Обе функции происходят из одной и той же близости и неотделимы друг от друга — нельзя получить первую, не открыв второй. Эта двойственность и делает Азербайджан особым случаем: среди векторов турецкой политики он единственный, который работает в обе стороны.

Карабах как поворот: турецкая модель, выигравшая войну вовне

Поворотным событием союза стала Вторая карабахская война осени 2020 года и завершившая её суточная операция сентября 2023 года, вернувшие Баку контроль над спорной территорией. Решающую роль в победе сыграла не только азербайджанская решимость, но и азербайджанская армия, перестроенная по турецкому образцу: беспилотная доктрина, офицерская подготовка, военное консультирование, оборонно-промышленная кооперация. Турецкие ударные платформы изменили характер боя, и это был сугубо двусторонний турецкий вклад — оружие, доктрина и советники, предоставленные Анкарой по собственной линии, вне всякой связи с альянсом.

Карабах — эмпирическая витрина материальной денатофикации вовне, обоснованной в седьмой главе. Турецкий оборонный комплекс и турецкая военная модель доказали состоятельность не на полигоне и не в экспортном проспекте, а на результате — в реальной войне у соседа. Турция вошла в кавказскую игру как самостоятельный военный актор, изменивший региональный баланс там, где десятилетиями тон задавала почти исключительно Москва. Суверенная турецкая военная сила сработала автономно от альянса, и это подтверждает: турецкой военной субъектности не нужна интегрированная структура, чтобы быть эффективной.

Турция при этом не вытеснила Россию с Южного Кавказа:

по соглашению 2020 года в зоне конфликта на три с лишним года встал российский миротворческий контингент, и регион какое-то время жил в режиме фактического турецко-российского соприсутствия. Кавказ не стал турецкой монополией; турецкое влияние встало рядом с российским, не отменяя его. В этом и состоит постблоковая норма — вписывание собственной силы в общее поле, та модель управляемого соприсутствия, которая разбирается на русско-турецкой и ирано-турецкой диадах. Итоги той войны неоднозначны и в оценках специалистов по региону — С.М. Маркедонов определил их именно так по горячим следам, — но неоднозначность работает здесь на аргумент главы, а не против него: однозначная победа одной внешней силы означала бы вытеснение, тогда как наблюдаемое соприсутствие двух и есть постблоковая норма.

Шуша: союзная гарантия вне натовского контура

Военный успех был немедленно закреплён институционально: Шушинская декларация 2021 года подняла турецко-азербайджанские отношения на союзный уровень, оформив де-факто взаимные гарантии безопасности. Юридическая природа шага описана в главе 10 — двусторонняя гарантия вне натовских структур; здесь важна его доказательная сила. Шуша родственна Астанинскому формату из главы об Иране: обязательство по безопасности без блоковой начинки, на суверенном двустороннем основании. Отсюда аргумент, прямо работающий на центральный тезис: если Анкара способна на союзный уровень с Баку вне натовского контура, она тем более способна на евразийскую вписанность без выхода из альянса. Шушинская декларация доказывает, что турецкая внешняя политика умеет строить серьёзные обязательства по безопасности за пределами интегрированной структуры, а на этой способности стоит вся идея денатофикации.

Шуша при этом двусторонняя и не блок. Перенести её принцип с одной пары на континентальную архитектуру —

отдельная и куда более трудная задача, которую и решает Большое евразийское партнёрство. Но сама возможность суверенной гарантии безопасности вне НАТО — работающей и не направленной против третьих стран — шушинским прецедентом доказана.

Энергетический хребет: Южный газовый коридор и взаимная завязка

Под политическим союзом лежит материальный хребет, и он газовый. Южный газовый коридор — система, по которой азербайджанский газ месторождения Шах-Дениз идёт через Трансанатолийский трубопровод по турецкой территории и далее Трансадриатическим в Европу, — связал две столицы потоком, который трудно перекрыть и невыгодно рвать. Для Турции это часть стратегии ухода от газовой монозависимости: азербайджанский газ диверсифицирует поставки, разбавляя долю российского и иранского направлений и питая турецкую заявку на роль газового хаба, обсуждавшуюся применительно к русско-турецкой диаде.

Но и здесь, как с трубой в главе о России, взаимозависимость не есть односторонняя зависимость. Азербайджан нуждается в турецком транзите не меньше, чем Турция в азербайджанском газе: без турецкой территории бакинский газ не достигает европейского рынка, и выход Азербайджана к платёжеспособному потребителю проложен через Анатолию. Получается обоюдная завязка — поставщик и транзитёр держат друг друга, и ни один не может разорвать связь без потерь для себя. Энергетика добавляет к языковому и военному родству третье, сугубо материальное основание союза — и третий рычаг, работающий в обе стороны.

Обоюдоострость: Баку как канал влияния на Анкару

Близость, усиливающая турецкую проекцию, одновременно делает Баку точкой доступа к Анкаре, и этот второй край союза

в евразийских разговорах обычно опускают. Коммуникационная геометрия Алиева описана в предыдущей главе: ближайший союзник Эрдогана, он держит рабочие линии с Москвой, Израилем и Западом одновременно. Для Анкары это означает, что через Баку до турецкого руководства можно донести то, что неудобно или невозможно передать напрямую. Негласного канала такого качества не имеет в турецкой орбите никто другой.

Рычаг не сводится к дипломатическому посредничеству — он материален. Зангезурский коридор, связывающий основную территорию Азербайджана с Нахичеванью и далее с Турцией и тюркской Центральной Азией, открывается в темпе, который во многом задаёт Баку: разбор зангезурского узла в пятнадцатой главе показывает, насколько эта артерия зависит от азербайджанской воли. Тем самым Баку держит рычаг на турецкую евразийскую связность — он способен ускорять или притормаживать турецкий выход к ядру С5. Газовая завязка из предыдущего раздела добавляет к этому ещё одно плечо взаимного давления. А над всем этим — фактор персональный: союз держится не только на структурных интересах, но и на личной близости лидеров, что добавляет ему прочности сегодня и уязвимости к смене фигур завтра.

Азербайджан — рычаг на Турцию, парный парадоксу Инджирлика из восьмой главы, но иной природы. Инджирлик — чужое, принуждающее вето: американские боезаряды и иностранные двигатели, способные остановить турецкую машину извне и против воли Анкары. Баку — рычаг дружественный, семейный: влияние вместо вето, доступ вместо принуждения. Им может пользоваться Москва через кавказский формат и связи с Баку, отчасти Запад и Израиль — и это значит, что денатофикация не делает Турцию неуязвимой к внешнему воздействию. Расцепление с интегрированной структурой убирает чужое командование, но не отменяет того, что у самой автономной Турции есть мягкое подбрюшье, и ближайшее из них — бакинское.

Ось в логике денатофикации: ускоритель и оговорка

В логике денатофикации Азербайджан играет две роли разом. Как ускоритель он работает на расцепление по трём линиям: он западный шлюз ядра С5, замыкающий Срединный коридор на турецкую вершину, — роль, обоснованная во второй главе; он витрина суверенной турецкой военной автономии вовне, доказанной Карабахом; он прецедент союзной гарантии вне НАТО, оформленной в Шуше. По каждой из этих линий азербайджанская связь толкает Турцию к суверенной евразийской роли, давая ей шлюз, доказательство и образец.

Как оговорка он уточняет границы тезиса об автономии. Денатофикация не равна Турции в вакууме: у Анкары есть теснейшая взаимозависимость с Баку, работающая в обе стороны, и притворяться, будто суверенная Турция свободна от всякого внешнего рычага, было бы наивностью. Но природа этого рычага иная, чем у альянсовых ограничителей: семейная взаимозависимость и канал координации, а не чужое вето.

Канал влияния через Баку до сих пор работал на согласование: как и Астанинский формат, это инструмент координации, и ни разу турецкая политика не была через Баку развёрнута против её коренных интересов. Если бы такое однажды произошло, рычаг следовало бы переквалифицировать из дружественного в принуждающий, и баланс главы пришлось бы пересмотреть. Пока этого нет, Азербайджан больше ускоритель денатофикации, чем её ограничитель. Денатофикация освобождает Турцию от чужого командования, но не от родства, и ближайшее из этих родств выстроено в Баку.

ГЛАВА 12

НЕООСМАНСКИЙ РАДИУС: СИРИЯ И ЛИВИЯ КАК ПОЛИГОНЫ АВТОНОМИИ

Если тюркский вектор — цивилизационный тыл, то ближневосточный — полигон: на сирийском и ливийском театрах турецкая внешняя политика отработала на практике всё то, что эта книга описывает теоретически, — способность ставить и решать военно-политические задачи высшей сложности вне альянса, поверх альянса и временами вопреки альянсу.

«Неоосманизм»: что в слове

Термин «неоосманизм» — журналистский ярлык, который сама Анкара официально отвергает, и аналитику следует пользоваться им осторожно. Под ним смешаны три разных слоя. Слой риторический: имперская образность, апелляции к османскому величию, культурная продукция от сериалов до архитектуры — это работа с идентичностью внутреннего избирателя, а не внешнеполитическая программа. Слой доктринальный: «стратегическая глубина» Ахмета Давутоглу — представление о Турции как о центральной державе, чья география и история обязывают её к активной политике по всем азимутам бывшего османского пространства; доктрина пережила своего автора и в редуцированном виде вошла в государственный мейнстрим. И слой операциональный — единственный, который поддаётся измерению: реальная проекция силы и влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Я работаю с третьим слоем, держа в уме второй и игнорируя первый: ярлыки риторики — худший материал для анализа.

Неоосманский радиус и тюркский вектор — разные геометрии с разной логикой. Тюркский вектор строится на родстве и институтах; ближневосточный — на силе, сделках и заполнении вакуумов. Первый — про идентичность, второй — про возможности. Их сумма и даёт ту многоазимутность, которую Шлыков точно описал как многовекторность, а я — как зрелую гетеротопию.

Сирийский полигон: пятнадцать лет школы

Сирийское досье — самая длинная и самая поучительная школа турецкой автономии.

Ступень первая: разрыв и ставка (2011–2015). Анкара порвала с Дамаском в самом начале войны и сделала ставку на оппозицию — решение, втянувшее Турцию в конфликт на годы и подарившее ей миллионы беженцев, курдский вопрос в новой остроте и террористическую угрозу. Сирийский тупик научил Анкару тому, что чужие коалиции её проблем не решают.

Ступень вторая: кризис и развязка с Москвой (2015–2016). Сбитый российский бомбардировщик в ноябре 2015-го поставил две страны на грань прямого столкновения — и стал отправной точкой самого продуктивного периода: после извинений и нормализации 2016 года Анкара и Москва открыли формулу, которой суждено было пережить все кризисы, — конкуренция на земле плюс кооперация за столом.

Ступень третья: Астана и операции (2017–2020). Астанинский формат с Россией и Ираном — без США и без НАТО — стал постоянным столом этой формулы; параллельно Турция провела серию собственных операций на сирийской территории («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира»), каждый раз согласовывая рамки не с альянсом, а с Москвой и Тегераном. Февраль 2020-го в Идлибе — гибель десятков турецких военных, поставившая Анкару на грань прямого столкновения с Москвой, — показал пределы формулы; мартовский московский меморандум показал её живучесть:

стол выдержал то, чего не выдержала бы ни одна блоковая конструкция.

Ступень четвёртая: жатва (2024–2026). Падение Дамаска в конце 2024 года сделало Турцию главным внешним выгодоприобретателем сирийской развязки: силы, которым Анкара годами давала тыл, оказались в столице, и постасадовская Сирия выстраивается при определяющем турецком участии — от безопасности до реконструкции, с разговором о долгосрочном турецком военном присутствии уже на договорной основе. Пятнадцатилетняя школа закрыта с результатом, который в 2016 году показался бы фантастикой.

На сирийском полигоне Турция прошла полный цикл — от участника чужих коалиций до соавтора регионального порядка — и прошла его в треугольнике с двумя государствами, которые её собственный альянс числит противниками.

Ливийский полигон: экспедиция и море

Ливийское досье короче, но добавляет два измерения, которых нет в сирийском. Первое — экспедиционное: в 2019–2020 годах Анкара вмешалась в ливийскую войну на стороне триполийского правительства по его прямому приглашению, перебросила силы и технологии через море и переломила ход кампании — беспилотная компонента этой операции стала витриной турецкого ОПК. База аль-Ватыя и присутствие в Триполи закрепили результат: Турция доказала способность к самостоятельной силовой проекции за морем — компетенция, которой за пределами великих держав обладают единицы.

Второе измерение — морское и юридическое: меморандум с Триполи о разграничении морских зон одним росчерком перекроил карту Восточного Средиземноморья, поставив под вопрос греко-египетско-кипрскую конфигурацию и газовые маршруты в обход Турции. Здесь важна не юридическая судьба меморандума, а конфликтная геометрия: по обе стороны спора — члены и партнёры одного и того же атлантического

сообщества, и альянс в этом споре остаётся парализованным наблюдателем. «Голубая родина» — доктрина турецких морских притязаний, рождённая в среде военных моряков-евразийцев, — конфликтует не с Россией и не с Китаем, а с Грецией, Францией и опосредованно с США. Ещё один слой гетеротопии: главные геополитические оппоненты Турции середины 2020-х — внутри её собственного альянса.

Африканское продолжение: от Могадишо до Сахеля

Ливийский плацдарм — северная кромка более широкого движения, без которого радиус очерчен не полностью: за полтора десятилетия Турция выстроила в Африке масштабное присутствие. Сеть посольств на континенте выросла кратно; авиационный мост национального перевозчика связал Стамбул с десятками африканских столиц; строительный, образовательный и гуманитарный контуры (от стипендиальных программ до сети лицеев, перехваченной государством у гюленистов) создали ту мягкую ткань, на которую затем легло жёсткое.

Жёсткое представлено двумя опорами. Сомали — самый глубокий проект: крупнейший зарубежный учебный центр турецкой армии в Могадишо готовит сомалийский офицерский корпус с 2017 года, а рамочные соглашения 2024 года о морской обороне и углеводородном шельфе сделали Анкару фактическим гарантом сомалийской государственности на море. Сахель — самый показательный по конъюнктуре: уход французских контингентов из региона открыл вакуум, в который турецкие дроны, инструкторы и контракты вошли быстрее любых конкурентов, — и символика здесь громче содержания: пространство, которое покидает старая колониальная метрополия и куда входит держава без колониального досье в Африке, голосует за постзападный порядок ногами.

Африканский контур добавляет два штриха. Во-первых, масштаб: внешняя военно-политическая сеть Турции — базы,

центры, миссии, контракты — уже сопоставима с сетями старых средних держав Европы и построена целиком на двусторонних основаниях, вне альянса; денатофикация в этом измерении не лишила бы Анкару ни одного актива. Во-вторых, аудитория: африканские столицы — ядро того мирового большинства, перед которым легитимность евразийской архитектуры будет взвешиваться в ООН; турецкий капитал доверия на континенте — актив не только Анкары, но и всей конструкции БЕП 2.0, в которую Турция его принесёт.

Сумма полигонов

Сирия и Ливия доказали делом четыре способности, без которых денатофикация оставалась бы кабинетной: способность вести многолетние кампании без альянсовых структур; способность строить рабочие военно-дипломатические форматы с официальными «противниками» альянса; способность к заморской силовой проекции на национальной технологической базе; и способность конфликтовать с членами собственного альянса, не разрушая ни альянса, ни себя. Государство с таким резюме технически готово к промежуточному статусу больше, чем была готова Франция 1966 года.

ГЛАВА 13

ТУРЦИЯ И ИЗРАИЛЬ: ОТ ТИХОГО АЛЬЯНСА К СТРУКТУРНОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Из всех внешних фронтов турецкой политики израильский — самый показательный для денатофикации, потому что на нём разворачивается конфликт особого рода: затяжное, углубляющееся противостояние двух ближайших военных партнёров США, каждый из которых критически вписан в американскую систему безопасности.

Забытое начало: девяностые как тихий альянс

Нынешнее противостояние оттеняется тем, с чего отношения начинались. Турция первой из мусульманских государств признала Израиль ещё в 1949 году, а девяностые стали временем настоящего военного сближения: соглашения 1996 года о военном сотрудничестве, совместные учения, израильская модернизация турецкой авиации и бронетехники, обмен разведданными по общим противникам — Сирии и Ирану. Тихий турецко-израильский альянс был несущим элементом американской архитектуры региона: два неарабских форпоста, замыкающих Ближний Восток с севера и запада. Без этой точки отсчёта не оценить масштаб пройденного пути; разворот не был предопределён ни религией, ни географией — он был постепенным выбором.

Лестница разрыва: от Давоса до Газы

Разворот шёл ступенями, и каждая ступень имела имя. Давос-2009: публичная отповедь Эрдогана израильскому

президенту — «one minute», — мгновенно сделавшая турецкого премьера героем арабской улицы; момент, когда Анкара открыла для себя политическую капитализацию палестинской темы. «Мави Мармара»-2010: гибель турецких граждан при израильском штурме флотилии и первый отзыв послов. Затем — десятилетие качелей: нормализация 2016-го, новый разрыв из-за Газы 2018-го, новая нормализация 2022-го с обменом послами, — качелей, в которых каждый следующий цикл примирения был короче и холоднее предыдущего.

Слом качелей произошёл после октября 2023 года. Война в Газе перевела конфликт из дипломатического в структурный: Анкара перешла к жёсткой риторике высшего уровня, разорвала торговые отношения — шаг, которого не делала даже в худшие прежние годы, — приняла у себя политическое представительство ХАМАС и инициировала международно-правовые процедуры против израильского руководства. К середине 2020-х турецко-израильские отношения достигли дна, у которого, в отличие от прежних циклов, не просматривается отскока — потому что изменилась сама природа конфликта.

Природа конфликта: две проекции на один вакуум

Природа эта — не идеологическая и не гуманитарная, как её подают обе пропаганды, а геометрическая: две самые дееспособные военные державы региона проецируют силу на одно и то же постамериканское пространство, и их радиусы пересеклись. Точка максимального пересечения — постасадовская Сирия: турецкое присутствие, описанное в предыдущей главе, столкнулось там с израильской кампанией ударов и созданием зон влияния на юге; впервые турецкие и израильские военные интересы соприкасаются напрямую, на одной территории, минуя прокси, и инциденты деконфликтации между ними стали рутиной. Вторая зона пересечения — Восточное Средиземноморье, где Израиль вписан в энергетическую и военную геометрию, которую

«Голубая родина» оспаривает. Третья — иранский узел: война весны 2026 года, в которой Израиль и США действовали против государства, с которым Турция граничит, торгует и заседает в Астанинском формате, развела Анкару и Тель-Авив по разные стороны крупнейшего регионального конфликта десятилетия.

Два оборонных комплекса: соперники и параллели

Есть измерение, в котором турецко-израильское противостояние из дипломатического переходит в структурно-промышленное, — оборонные комплексы двух держав. Здесь конфликт обнаруживает свою глубинную природу: Анкара и Тель-Авив не просто спорят о Газе и Сирии, они конкурируют за одну и ту же нишу мирового рынка вооружений и воплощают две версии одной и той же стратегии оборонного суверенитета.

Параллели здесь прямые. Оба государства прошли через травму оружейного эмбарго от собственного патрона — Турция после Кипра-1974, Израиль в отдельные кризисные эпизоды — и сделали из неё один вывод: критическая зависимость от чужих поставок есть форма несуверенности, и её надо изжить локализацией. Обе страны построили оборонную промышленность мирового класса, сделали ставку на беспилотные системы, стали в них глобальными экспортёрами и превратили ОПК в инструмент внешней политики, продавая платформы туда, куда дотягивается их влияние. Израильский путь к оборонной автономии на полвека старше турецкого, и в этом смысле Израиль есть оригинал, с которого Турция, не признаваясь в том, во многом копирует модель: государство-цивилизация, окружённое недружественной средой, выживающее за счёт технологического превосходства и оружейного суверенитета.

История оси содержит сюжет, которого сегодня обе стороны предпочли бы не помнить. В девяностые и нулевые израильский ОПК модернизировал турецкую авиацию и бронетехнику, а позже поставлял Анкаре беспилотники «Херон» — и трения

вокруг этих контрактов, технические и политические, стали одним из стимулов, толкнувших Турцию к созданию собственных аппаратов. Сегодняшний турецкий беспилотный экспорт вырос в том числе из стремления избавиться от израильской зависимости — частный, но точный пример того, как вчерашний поставщик становится завтрашним конкурентом.

Параллельность делает их и соперниками. На мировом рынке беспилотников, средств ПВО, радиоэлектроники турецкие и израильские системы всё чаще встречаются в одних тендерах — в Азербайджане, в Центральной Азии, в Африке — и встречаются как прямые конкуренты; в карабахской кампании 2020 года обе школы вооружений работали на одной стороне, и соперничество производителей не помешало совпадению заказчика. Вывод двойной. С одной стороны, оборонно-промышленное соперничество добавляет противостоянию необратимости: это уже не эмоции вокруг Газы, а конкуренция бюджетов и рынков, которая не примиряется сменой риторики. С другой — сам факт, что Турция доросла до прямого соперничества с израильским ОПК, есть свидетельство материальной денатофикации: страна, чья оборонка двадцать лет назад была во многом сборочным цехом, сегодня оспаривает рынки у одного из самых передовых производителей мира.

ХАМАС: раздражитель, ставший досье

Если оборонное соперничество — структурный пласт конфликта, то палестинское досье — его самый острый политический нерв, и через него хорошо видна вся механика турецко-западного расхождения. Анкара годами держит у себя политическое представительство ХАМАС, принимает его руководство на высшем уровне и отказывается признавать движение террористическим — позиция, которую Запад числит среди главных претензий к турецкому союзнику. Корень её глубже Газы: ХАМАС есть палестинская ветвь «Братьев-мусульман», а ставка на политический исламизм братского толка — давняя

константа эрдогановской внешней политики, протянувшаяся от египетского эпизода 2011–2013 годов до катарской дружбы и поддержки сирийской оппозиции. Покровительство ХАМАС для Анкары — не разовый жест солидарности, а часть цельной региональной доктрины, поссорившей её в своё время с Каиром и частью монархий Залива.

Эта позиция работает на денатофикацию сразу в нескольких регистрах. Она ставит Турцию по палестинскому вопросу на сторону подавляющего большинства исламского мира и значительной части мирового большинства — и против атлантического консенсуса; каждый виток газовского кризиса делает расхождение нагляднее. Она даёт Анкаре уникальный посреднический капитал: Турция — один из немногих игроков, говорящих и с ХАМАС, и с западными столицами, и этот канал востребован в каждом раунде переговоров о заложниках и перемирии. И она пополняет ту же копилку асимметричной союзнической лояльности, что письмо Джонсона и эмбарго 1975 года: давление, которое Вашингтон и Брюссель оказывают на Анкару из-за ХАМАС, турецкое общество читает как ещё одно доказательство, что в конфликте, который оно переживает как свой, союз требует от Турции отказаться от собственной позиции в пользу чужой.

Раздражитель, который Запад хотел бы видеть устранённым, стал для Анкары досье, на котором она демонстрирует ту суверенную несговорчивость, что составляет содержание денатофикации: турецкое руководство не закрыло представительство ни под санкционной угрозой, ни в обмен на нормализацию — потому что отказ от него был бы признанием права патрона определять, с кем Анкаре разговаривать. Палестинское досье при этом и источник форсированного сценария: прямая турецкая вовлечённость в израильско-палестинскую эскалацию способна за один виток превратить структурное противостояние в открытый кризис со всеми его рисками для евразийской рамки. Постоянный раздражитель — двигатель денатофикации до того порога, за которым он становится её детонатором.

Газовый треугольник: Восточное Средиземноморье как обходной контур

Третье измерение, без которого израильский фронт не считывается, — энергетическое, и оно прямо смыкается с кипрским узлом следующих глав. Открытие в 2010-е годы крупных газовых месторождений на шельфе Восточного Средиземноморья породило конфигурацию, воспринятую в Анкаре как стратегическое окружение: треугольник Израиль — Кипр — Греция, скреплённый проектами совместной добычи и замыслом вывести этот газ в Европу в обход турецкой территории. Проект трубопровода EastMed, призванного связать израильско-кипрские месторождения с европейским рынком через греческую инфраструктуру, был для Турции вдвойне болезненным: он одновременно исключал её из энергетической геометрии региона и оспаривал её морские притязания, оформленные доктриной «Голубой родины».

Стратегический смысл треугольника в том, что он предъявляет Турции альтернативу её собственной хабовой стратегии. Анкара десятилетиями строит себя как энергетический перекрёсток Евразии: через неё идут российский, азербайджанский, иранский газ, и претензия на роль ворот в Европу — несущая опора турецкой субъектности. Восточносредиземноморский треугольник есть прямое отрицание этой претензии: маршрут, доказывающий, что энергию из региона можно вывести в Европу мимо Турции, в обход её территории и её согласия.

Анкара ответила ходом, обнажившим всю логику противостояния: ливийский меморандум 2019 года о разграничении морских зон, разобранный в предыдущей главе, прочертил турецко-ливийскую линию поперёк предполагаемого маршрута EastMed. Тем самым на пути обходного контура встало турецкое вето: без учёта Анкары восточносредиземноморскую геометрию не замкнуть. Параллельно «Авраамовы соглашения», сблизившие Израиль с частью арабских монархий, достроили вокруг Турции образ коалиции, из которой её вынесли, —

и подтолкнули Анкару к собственной нормализации с Заливом середины 2020-х как контрманёвру.

То, что проект EastMed к середине 2020-х забуксовал — дорог, технически спорен, лишён твёрдой американской поддержки, — не отменяет его значения как сигнала: у турецкого энергетического хаба есть конкурент, и сшит он из тех трёх столиц, с которыми у Анкары самые тяжёлые отношения. Энергетическая геометрия добавляет к израильскому фронту материальное дно: это не только спор о Газе и Сирии, но и конкуренция двух способов вывести газ Восточного Средиземноморья на европейский рынок — турецкого и обходного. Эта конкуренция — ещё один тихий мотор турецкого дрейфа: чем плотнее Запад поддерживает обходной контур, тем меньше у Анкары причин держаться западной геометрии и тем больше — искать опору в евразийской, где её хабовая роль не оспаривается, а достраивается.

Кавказский канал: Баку между Анкарой и Тель-Авивом

Газовый треугольник — не единственная кавказская геометрия израильского фронта: вторая работает на противоположный итог, на сохранение связи, и держит её Азербайджан. Баку одновременно родня Анкары по формуле «одна нация — два государства» и давний оборонный партнёр и нефтяной поставщик Израиля — двойная привязанность, которая делает его незакрываемым каналом между двумя столицами даже тогда, когда их официальные отношения опускаются на дно. Политическая механика этого узла — обоюдоострость Баку — разобрана в одиннадцатой главе; для израильского фронта из неё следует одно: даже на участке структурного противостояния сохраняются каналы, работающие вне блоковой логики и поверх официального разрыва, и денатофикация действует и тут, оставляя дверь, которую идеология велела бы заколотить. Канал держится, пока ни одна из сторон не вынуждает Баку выбирать.

Израильский фронт в логике денатофикации

На центральный сюжет книги этот фронт работает тремя механизмами.

Механизм первый — наглядность двойного стандарта альянсовой солидарности. Турция наблюдает, как её собственный стратегический патрон безоговорочно покрывает её главного регионального оппонента — в том числе в эпизодах, прямо задевающих турецких граждан и турецкие интересы. Каждый такой эпизод — от «Мави Мармара» до сирийских ударов впритирку к турецким позициям — учит одному: союзническая лояльность асимметрична; в споре Турции с Израилем Вашингтон не будет на турецкой стороне никогда. Для общества это переводится в простой вопрос: что нам даёт система, которая в нашем самом эмоциональном конфликте всегда за другую сторону?

Механизм второй — ядерное измерение. Израиль — необъявленная ядерная держава за пределами ДНЯО; Турция — добросовестный подписант с чужими боеголовками на земле и без собственного потенциала. Эта асимметрия — главный риторический мотор турецкой критики режима нераспространения: формула «некоторым можно, нам нельзя» отсылает к израильскому прецеденту, и стратегическая ядерная амбивалентность, которую глава 2 описала как турецкую перспективу, копируется с израильского оригинала. Противостояние с Израилем, по иронии, учит Турцию израильской же модели суверенитета.

Механизм третий — коалиционный. Израильский фронт — единственный, на котором турецкая позиция совпадает с позицией почти всего исламского мира и большинства мирового большинства, расходясь с позицией атлантического ядра. Каждый виток конфликта смещает турецкую систему координат: главным предметом согласия с Западом остаётся всё более формальное членство, главным предметом согласия с не-Западом становится всё более содержательная повестка.

Оговорка обязательна: израильский фронт — двигатель денатофикации, но и главный источник её форсированного, кризисного сценария. Прямой турецко-израильский инцидент в Сирии или на море — самый вероятный из триггеров греческой модели, разобранных в сценарной главе, со всеми её рисками для евразийской рамки. Управляемая денатофикация заинтересована в деконфликтации этого фронта больше, чем любая из его сторон, — ещё один аргумент в пользу того, чтобы процессу была предложена рамка раньше, чем его развязку выберет случайный залп.

ГЛАВА 14

ТУРЦИЯ И РОССИЯ: ДИАДА, ОПЕРЕДИВШАЯ ТЕОРИЮ

Из всех двусторонних осей пятиугольника российско-турецкая — самая нагруженная историей и самая поучительная для архитектора: на ней две евразийские державы за одно десятилетие отработали модель отношений, для которой у блоковой теории до сих пор нет имени, а у этой книги есть — постблоковая диада.

Груз и фундамент: четыре века качелей

Дюжина русско-турецких войн за два с половиной столетия — рекорд для любой пары великих держав. Менее известно, что у той же пары есть и противоположный рекорд: всякий раз, когда обе оказывались в положении ревизионистов против общего порядка, они сближались стремительно и продуктивно. Образцовый эпизод — начало 1920-х: кемалистская Анкара и ленинская Москва, два изгоя версальского мира, заключили Московский договор 1921 года, разграничили Кавказ, и советское золото с оружием подпирало ту самую войну за независимость, из которой родилась республика. Урок эпизода переживает век: русско-турецкое сближение исторически случается из совпадающего ревизионизма — когда обе столицы недовольны одним и тем же порядком. Холодная война развела их по разные стороны занавеса (советская угроза, напомним, и привела Турцию в НАТО); девяностые прошли в жёсткой конкуренции за постсоветскую Центральную Азию, которую Анкара проиграла за явным недостатком ресурсов. Современная глава началась с энергетики: «Голубой поток», за ним «Турецкий поток», взрывной рост торговли и туризма — экономическая ткань, созревшая раньше политической.

Кризис-2015 как учредительное событие

Учредительным событием нынешней модели стал худший момент отношений. Ноябрь 2015 года: турецкий истребитель сбивает российский бомбардировщик у сирийской границы — первый с корейской войны случай уничтожения российского боевого самолёта страной НАТО. Полгода санкций, риторики на грани и реальной близости к столкновению — и затем извинение, нормализация 2016-го и убийство российского посла в Анкаре в декабре того же года, которое не разорвало, а ускорило сближение: обе столицы прочли теракт как попытку третьей силы подорвать наметившийся тандем и демонстративно его укрепили. Из кризиса родилась формула, уже встречавшаяся в сирийской главе: конкуренция на земле, кооперация за столом — и понимание, что прямой конфликт двух черноморских держав не нужен ни одной из них ни при какой конъюнктуре.

Дальнейшее десятилетие — это стресс-тесты формулы один другого жёстче, и все пройденные. Идлиб-2020: десятки погибших турецких военных — и московский меморандум через неделю. Карабах-2020: Анкара вооружает и направляет одну сторону, Москва вводит миротворцев — и обе встраивают исход в совместный мониторинговый центр. Украина после 2022-го — высший из тестов, разобранный отдельной главой ниже. Сквозь все тесты непрерывно работали стройка «Аккую», поставки газа, рекордная торговля и личный канал двух лидеров, переживший всё перечисленное.

Анатомия постблоковой диады

Что держит конструкцию, которой положено было развалиться раз пять? Три несущих элемента.

Первый — асимметричная, но взаимная зависимость, выстроенная сознательно: российские энергия, атом, туристы и зерновые потоки — против турецких проливов, транзита,

рынков и посреднических услуг. Каждая сторона держит рычаги, ценные для другой, и ни одна не держит рычага смертельного; это не доверие, это архитектура, заменяющая доверие.

Второй — компартментализация: конфликтные досье (Сирия до 2024-го, Ливия, Карабах, Чёрное море) изолированы переборками от кооперативных (энергетика, торговля, атом, дипломатические форматы), и кризис в одном отсеке не топит корабль. Блоковые отношения переборок не имеют — в них всякий конфликт тотален; русско-турецкая диада переборки отстроила и тем доказала, что отношения великих держав возможны вне логики «свой–чужой».

Третий — равный статусный язык. Москва — единственная из великих столиц, разговаривающая с Анкарой без менторства: ни лекций о ценностях, ни условий членства, ни сертификации демократии. Для государства-цивилизации с травмой «вечного кандидата» этот регистр сам по себе — стратегический актив отношений.

Труба как позвоночник: от «Голубого потока» к «Турецкому потоку»

Материальный позвоночник диады — газовая труба, и в истории её прокладки механика постблоковой зависимости видна яснее, чем в любой теории. Начиналось всё с западного маршрута советских времён — газ шёл в Турцию по трансбалканскому коридору через территорию третьих стран, и эта транзитная уязвимость обе столицы тяготила. «Голубой поток», пущенный в 2003 году по дну Чёрного моря напрямую из России в Самсун, был первым ответом: труба, проложенная в обход всех посредников, связала поставщика и потребителя без чужой территории между ними. «Турецкий поток», введённый в строй в январе 2020 года двумя нитками, довершил конструкцию — одна нитка для турецкого рынка, вторая на юго-восток Европы через турецкую территорию, причём вторая нитка возникла на руинах отменённого «Южного потока»,

которому Болгария под давлением Брюсселя закрыла вход.

Геометрия этих труб политически нагружена сильнее, чем их пропускная способность. Россия годами оставалась крупнейшим поставщиком газа для Турции, покрывая значительную долю турецкого импорта, — турецкая зависимость здесь несомненна. Но та же труба создаёт зеркальную зависимость Москвы: после того как балтийские маршруты в Европу были выведены из строя, южный коридор через Турцию остался одним из немногих работающих каналов российского газа на европейский рынок, и значимость турецкого транзита для Москвы резко выросла. Отсюда и обсуждавшийся с 2022 года проект газового хаба на турецкой территории: замысел превратить Турцию в точку пересбора и перепродажи газа, придающий Анкаре роль не только покупателя, но и распорядителя потоков. Хаб остаётся скорее замыслом, чем стройкой, но сам факт его обсуждения показывает направление: труба из канала поставки превращается в инструмент турецкой субъектности.

Газовый позвоночник — тезис о материальном, предшествующем институциональному, в чистом виде. Здесь нет договора о союзе и нет общей идеологии — есть закопанное в морское дно железо, которое связывает две столицы прочнее любой декларации, потому что разорвать его дорого обеим. Взаимозависимость при этом не равна симметрии, и труба остаётся в том числе рычагом: газовая зависимость даёт Москве потенциальный инструмент давления, как тарифная и транзитная конфигурация даёт его Анкаре. Это те самые взаимно удерживаемые рычаги, ни один из которых не смертелен. Денатофикация ничего не добавляет к этой трубе и ничего из неё не вынимает — она лишь признаёт за уже проложенным позвоночником его политический смысл: государство, чья энергетическая ткань так сшита с незападным соседом, давно живёт вне чистой блоковой логики, что бы ни значилось на его членском билете.

Туристическая зависимость: курорт как стратегический актив

Второй несущий элемент материальной ткани — поток людей. Российский турист для турецкой экономики — величина не курортная, а макроэкономическая: миллионы приезжающих ежегодно ставят Россию в один ряд с Германией как крупнейший источник въездного потока, а сам туризм даёт Турции один из главных притоков валюты, поддерживающих хронически дефицитный платёжный баланс. Анталийское побережье в высокий сезон живёт в значительной мере российским спросом, и зависимость эта структурная: целые сегменты турецкой сферы услуг, недвижимости и авиаперевозок настроены под него.

Что превращает курорт в стратегический актив — так это доказанная управляемость потока, и доказательство было дано в кризис 2015 года. После сбитого самолёта Москва не ограничилась санкциями на товары: она оборвала туристический канал — запретила чартеры и пакетные туры, — и турецкая отрасль ощутила удар немедленно и болезненно. Эпизод обнажил то, что в спокойные годы скрыто: туристический поток — это рычаг, и держит его рукоятку российская сторона. После 2022 года рычаг сработал в обратную сторону: турецкая нейтральность сохранила открытыми рейсы тогда, когда европейские направления для россиян закрылись, и Турция стала для них не только пляжем, но и хабом — транзитным, банковским, имущественным. Поток вырос, и вместе с ним выросла встроенность двух экономик друг в друга.

Туристическая зависимость — связь того же типа, что и газовая, и с той же поправкой: это взаимная встроенность, но не симметрия. Способность Москвы включать и выключать поток есть инструмент влияния, и притворяться, будто отношения свободны от принуждения, было бы наивностью того же сорта, что и вера в декларации. Потому диада и описана выше как архитектура, а не дружба: рычаги взаимны, переборки выставлены, и кризис 2015 года был отыгран назад, как только

обе стороны сочли это выгодным. Для расцепляющегося с блоком государства этот материальный фон — доказательство того, что экономика, сшитая с незападным соседом, работает при любой политической погоде в Брюсселе.

«Аккую»: атомная модель и её судьба в сценариях

Третий и самый глубокий по горизонту элемент — атомный. Станция «Аккую» на средиземноморском побережье в провинции Мерсин, первая атомная электростанция в истории Турции, строится «Росатомом» по модели, аналогов которой в мировой ядерной практике почти нет, — «строй–владей–эксплуатируй». Российская сторона не продаёт Турции станцию, а владеет ею на турецкой земле, вкладывая порядка двух десятков миллиардов долларов и связывая две страны контрактом на шесть с лишним десятилетий жизненного цикла. Это самая длинная из всех связей диады: атомную станцию, в отличие от трубы, не перекроешь за сезон — это инфраструктура поколений, и российское присутствие в ней рассчитано на срок, переживающий любую нынешнюю политическую конфигурацию.

Стратегический смысл модели двоякий, и обе стороны его сознают. С одной стороны, владение критическим объектом энергетики НАТО-вской страны со стороны Москвы — вещь, немыслимая в чистой блоковой логике, и сам факт её существования есть уже кусок денатофицированной реальности: государство, пускающее на свою землю атомную станцию в собственности незападного соседа, давно действует вне предписаний альянсовой дисциплины. С другой — та же модель есть и предельная зависимость: топливо, эксплуатация и собственность в чужих руках, и критики в Анкаре справедливо называют это уязвимостью. «Аккую» — одновременно витрина постблоковой кооперации и её самый спорный экспонат.

Сценарии проверяют станцию по-разному. В сценарии денатофикации «Аккую» из аномалии превращается в норму

и модель: расцепление с интегрированной структурой делает подобные глубокие экономические сшивки с вершинами пятиугольника ожидаемым типом, и станция оказывается первой ласточкой целого класса проектов БЕП 2.0. В обратном сценарии — реатлантизации, возвращения под полную дисциплину — та же станция мгновенно переквалифицируется в стратегическую брешь, точку давления и предмет требований о денонсации шестидесятилетнего контракта. Судьба «Аккую» потому и служит проверкой направления, в котором движется турецкий статус: пока станцию достраивают и вводят в строй, а не сворачивают под внешним нажимом, статус движется к автономии.

Чёрное море: кондоминиум по Монтрё

Есть измерение, в котором у русско-турецкой диады не просто общий интерес, а общий правовой фундамент, — черноморское. Конвенция Монтрё 1936 года, вручившая Турции ключи от проливов с дифференцированным режимом для черноморских и внечерноморских держав, девяносто лет служит обеим столицам одним и тем же: барьером против превращения Чёрного моря в арену внерегиональных флотов. Москве режим гарантирует, что авианосные группировки третьих держав не встанут у её южных берегов; Анкаре — что единственным распорядителем доступа остаётся она сама. Этот молчаливый кондоминиум переживал всё: холодную войну, расширения альянса, грузинский и украинский кризисы — и в 2022 году турецкое решение по Монтрё, закрывшее проливы для военных кораблей всех воюющих сторон, подтвердило его в самой жёсткой из мыслимых обстановок.

Черноморский фундамент важен трояко. Он показывает, что у двух держав есть институционализированный общий интерес, старший самой НАТО, — и интерес этот по природе деблокизационный: меньше внешних флотов, ниже эскалационный потолок региона. Он объясняет

последовательное турецкое сопротивление любым проектам «интернационализации» черноморской безопасности, откуда бы они ни исходили, — Анкара охраняет не российский интерес, а собственную монополию ключника, но охраняет их одним и тем же замком. И он даёт денатофикации готовый региональный этаж: денатофицированная Турция и Россия в Чёрном море лишь легализуют то, что де-факто работает с 1936 года, — море двух хозяев, закрытое для чужих эскадр. Монтрё — старейший действующий механизм неделимой безопасности в Евразии, на полвека старше шанхайского кода, и принадлежит он турецко-российской диаде.

Россия и денатофикация: интерес и искушение

Российский интерес в денатофикации очевиден до тривиальности: расцепление второй армии НАТО с интегрированной структурой, изъятие чужого ядерного присутствия у южных рубежей, деблокирование Чёрного моря — всё это прямо снижает военное давление на российском юго-западе. Москва — объективно первый бенефициар процесса среди вершин пятиугольника. Но вместе с интересом приходит искушение: соблазн форсировать, приватизировать, возглавить.

Мой тезис жёсток: российская попытка «возглавить» денатофикацию — кратчайший путь её убить. Процесс легитимен, пока он суверенно турецкий; предложение, исходящее от Москвы, будет прочитано — в Анкаре, в альянсе и в мировом большинстве — как вербовка, и сработает весь иммунитет, о котором пойдёт речь в главе об Эрдогане. Больше того: денатофикация не означает перехода Турции в российскую орбиту — Франция после 1966 года не стала ничьим сателлитом, и турецкий промежуточный статус означает автономию от всех, включая Москву. Зрелость российской стратегии измеряется способностью желать процессу успеха, не прикасаясь к рулю: поддерживать рамку, предлагаемую ядром, наполнять экономическую ткань, держать переборки — и не

претендовать на авторство. Постблоковая диада, отстроенная за десятилетие, — лучший вклад, который Москва уже внесла: она делом показала Анкаре, что жизнь вне блоковой дисциплины — это нормальные отношения нормальных держав. Остальное сделают турецкие интересы.



ГЛАВА 15

ТУРЦИЯ И ИРАН: ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ УПРАВЛЯЕМОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Если русско-турецкая диада — самая нагруженная историей, то ирано-турецкая — самая длинная из живых: две империи, затем две республики, делящие один цивилизационный ареал, одну границу и одну судьбу несостоявшихся кандидатов в чужие клубы. Глава 2 назвала зеркальность этих двух вершин внутренним балансиром пятиугольника; без понимания ирано-турецкой механики ни Мешхед, ни вся южная дуга БЕП 2.0 не считываются.

Каср-и Ширин: старейший мир Евразии

Граница между Турцией и Ираном в своей основе восходит к договору Каср-и Ширин 1639 года — это одна из старейших непрерывно действующих межгосударственных границ мира. Почти четыре столетия две державы, конкурирующие за один и тот же мусульманский мир, за Кавказ, за Месопотамию, за влияние от Балкан до Индии, не передвигали разделяющую их линию; последняя полноценная война между ними закончилась за два века до наших дней. Османо-сефевидское соперничество, суннитско-шиитская поляризация, холодная война, исламская революция, все региональные пожары последнего столетия — линия стояла. У этого достижения есть имя в языке этой книги: управляемое соперничество — конкуренция, обнесённая таким количеством взаимных сдержек, что её эскалация в войну стала немыслимой для обеих сторон. Ирано-турецкая диада — старейшая школа искусства, которое русско-турецкая освоила лишь за последнее десятилетие.

Современная механика: переборки по-восточному

Современная ткань отношений воспроизводит четырёхвековую матрицу с точностью до отрасли. Зоны конкуренции очерчены и обжиты: Сирия, где Анкара и Тегеран годами поддерживали противоборствующие стороны и где иранские позиции после 2024 года резко просели в пользу турецких; Южный Кавказ, где турецко-азербайджанский тандем и проект Зангезурского коридора упираются в жёсткий иранский интерес сохранить собственную границу с Арменией; Ирак с его переплетением турецкого военного присутствия и проиранских структур; Центральная Азия, где тюркский проект Анкары соседствует с иранской культурной матрицей; и пласт мягкой силы — вековое состязание двух моделей ислама и двух имперских памятей.

Зоны кооперации не менее прочны: газопровод из Тебриза, десятилетиями качающий иранский газ в Анатолию; приграничная торговля, переживающая любые санкционные режимы; турецкая роль санкционного окна и финансового посредника Тегерана; общий — и для обеих столиц экзистенциальный — интерес в курдском вопросе, исключающий появление независимого курдского государства; и Астанинский формат, в котором соперники по сирийскому полю сидят за одним столом десятый год. Переборки между отсеками держат не хуже русско-турецких: ни сирийское противостояние, ни кавказский узел ни разу не остановили газ и не закрыли границу. Управляемое соперничество — не отсутствие конфликта, а его пожизненная диспансеризация.

Зангезурский коридор: главный разлом двух десятилетий

Из всех зон ирано-турецкого соперничества одна в 2020-е годы выросла из спорного участка в структурный разлом — Зангезурский коридор: в нём четырёхвековая управляемая

конкуренция испытывается на разрыв жёстче, чем где-либо. Замысел родился из трёхсторонней договорённости, завершившей карабахскую войну 2020 года: разблокирование транспортных связей региона предполагало, среди прочего, маршрут через армянскую Сюникскую область, который соединил бы основную территорию Азербайджана с его Нахичеванским эксклавом — и далее напрямую с Турцией. Баку и Анкара называют этот маршрут коридором; Ереван оспаривает само слово, видя в нём посягательство на суверенитет; а Тегеран отнёсся к проекту как к стратегической угрозе первого порядка.

Иранское сопротивление имеет три корня, и все три — экзистенциальные. Первый: коридор в его максималистском прочтении грозит отрезать единственную сухопутную границу Ирана с Арменией — а это для Тегерана его собственное окно на Кавказ, в Грузию и далее в Европу в обход и Турции, и Азербайджана. Второй: непрерывная сухопутная связка от Анатолии через Нахичевань, Азербайджан, Каспий в Центральную Азию — это материализация пантюркского хребта, который Иран десятилетиями стремится не допустить вдоль своих северных рубежей. Третий: коридор сдвигает весь региональный баланс в пользу турецко-азербайджанского тандема и против иранского влияния на Южном Кавказе. Не случайно Тегеран объявил неприкосновенность ирано-армянской границы своей красной линией и подкрепил заявление военными манёврами — язык, к которому в управляемом соперничестве прибегают редко.

Глубинная геометрия разлома важнее его дипломатической поверхности. Зангезур — единственное место на карте, где две вершины пятиугольника, Турция и Иран, сталкиваются интересами не через прокси, а лбами, на одной географической точке; и точка эта задевает ещё две вершины. Россия была гарантом договорённости 2020 года и держателем её мониторинга — и не заинтересована в маршруте, выводящем регион из-под её влияния. Индия, выстраивающая собственный коридор «Север — Юг» через Иран, объективно стоит по

иранскую сторону разлома, и за Зангезуром проступает контур встречной оси Индия — Иран — Армения против оси Турция — Азербайджан — Пакистан. Самый узкий участок южной дуги — место, где геометрия КИРИТ испытывается на способность держать соперничающие полюса, не доводя соперничество до раскола.

Ответ архитектуры на этот вызов следует прямо из логики управляемого соперничества. Зангезур губителен, пока мыслится как геополитический клин с нулевой суммой — связь одних за счёт отрезания других; и осмыслен, пока проектируется как связность для всех — маршрут, который сосуществует с иранским окном и добавляет региону пропускной способности. Зрелая евразийская рамка (её институциональное русло — мешхедская инициатива, о которой речь в пятой части) должна перевести Зангезур из регистра территориального спора в регистр совместного инфраструктурного проекта, где у Тегерана есть доля и гарантия, а не только угроза. Здесь пятиугольник проверяется на прочность: денатофицированная Турция и постсанкционный Иран в одной архитектуре не обязаны любить Зангезур одинаково — они обязаны лишь не дать ему стать той точкой, где четыреста лет управляемого соперничества впервые сорвутся в неуправляемое.

Ядерная дипломатия 2010 года: репетиция постблокового поведения

Один эпизод современных отношений на полтора десятилетия предвосхитил всё, чему посвящена эта книга, — Тегеранская декларация мая 2010 года. Турция совместно с Бразилией выступила посредником и автором сделки, которая должна была разрядить ядерное противостояние Ирана с Западом: Тегеран соглашался вывезти значительную часть своего низкообогащённого урана в Турцию в обмен на топливные сборки для исследовательского реактора. Замысел был классически турецким — вставить себя в самое

неразрешимое досье эпохи не как сторону, а как мост, и решить силой посредничества то, что не решалось силой давления.

Перелом наступил вскоре. Запад отверг сделку как недостаточную и провёл через Совет Безопасности ООН новый пакет санкций против Ирана; Турция и Бразилия, обе в тот год непостоянные члены Совета, проголосовали против. Член НАТО открыто голосует против позиции собственного патрона по крупнейшему вопросу нераспространения, в солидарности с восходящими державами незападного мира, — в 2010 году это выглядело аномалией, почти скандалом. На мой взгляд, это был ранний, чистый образец постблокового поведения: Анкара употребила своё кресло в высшем органе мировой безопасности для проведения автономной линии, расходящейся с альянсовой дисциплиной, и сделала это за годы до С-400, до изгнания из программы истребителя, до Астанинского формата.

Уроков у эпизода три. Во-первых, он показывает, что турецкая суверенная субъектность на самом чувствительном из мировых досье созрела давно — денатофикация не родилась в 2010-е, она в 2010-е впервые проголосовала. Во-вторых, он обнажает ту же грань, что иранская и израильская главы: ядерная асимметрия мира, формула «некоторым можно, нам нельзя», — и турецкая претензия выступать голосом тех, кому «нельзя», через посредничество, а не через гонку. В-третьих, он связывает южную дугу с дипломатическим окном пятой части напрямую: турецкий голос 2010 года — это прецедент того, как держава среднего ранга обращает место в Совете Безопасности в инструмент автономной политики, и прецедент этот обретает прямую актуальность в свете кресла Кыргызстана в Совбезе на 2027–2028 годы. Турецкая ядерная амбивалентность, описанная во второй главе как перспектива, остаётся неразрешённым хвостом этого сюжета, и зрелая архитектура заинтересована в том, чтобы турецкий ядерный вопрос решался посредничеством и гарантиями, а не повторением израильского пути в обход режима нераспространения.

Экономика соседства: окно, которое не закрывается

Ирано-турецкое соседство десятилетиями опровергает санкционную географию. Сколько бы режимов ограничений ни накладывалось на Тегеран, восточная граница Анатолии оставалась для иранской экономики окном: газ по трубе из Тебриза, грузовики приграничной торговли, туристы, заполняющие Ван и Стамбул, финансовые и торговые посредничества всех степеней прозрачности. Анкара никогда не присоединялась к односторонним санкциям против соседа — позиция, стоившая ей в своё время громких дел в американской юрисдикции и не изменившаяся ни на градус: принцип «соседство не подлежит санкционированию третьими сторонами» Турция отстаивает как элемент собственного суверенитета, а не как услугу Тегерану. Для Ирана это окно — структурный факт выживания; для Турции — рынок, транзитная рента и рычаг; и это ещё одна репетиция постблокового поведения: страна альянса, чьи отношения с соседом регулируются соседством, а не блоковой дисциплиной, де-факто уже живёт в той нормативной реальности, которую денатофикация лишь оформит. И когда — в любом из сценариев иранского будущего — санкционная стена начнёт разбираться, турецкое окно превратится в главные ворота: накопленная инфраструктура соседства даёт первоочередную позицию на открывающемся рынке. Четыреста лет управляемого соперничества приучили обе столицы: соседа не выбирают и не отменяют — с ним торгуют.

Курдский знаменатель: общий интерес, что сильнее соперничества

У переборок, изолирующих ирано-турецкие конфликты, есть зеркальный двойник — активная скрепа, и она объясняет, почему четырёхвековое соперничество ни разу не сорвалось в открытую вражду. Скрепа эта — курдский вопрос. И Турция, и Иран суть государства с крупными курдскими меньшинствами

по обе стороны общей границы, и для обеих столиц перспектива независимого или широко автономного курдского образования — экзистенциальная угроза территориальной целостности. Это делает курдское досье редчайшей в международной политике вещью: интересом, по которому соперники смыкаются автоматически, без переговоров и торга, по самой логике своего государственного выживания.

История скрепы сложнее идиллии и оттого убедительнее. Десятилетиями Тегеран и Анкара и разыгрывали курдскую карту друг против друга — давая при случае убежище или попустительство группам, враждебным соседу, — и координировались, едва на горизонте маячил реальный курдский государственный проект. Автономия сирийских курдов, поднявшаяся после 2011 года при американской поддержке, встревожила обе столицы одинаково и стала одним из факторов, толкнувших их к согласованию. Курдистанский референдум о независимости в Ираке осенью 2017 года вызвал почти синхронную жёсткую реакцию Анкары и Тегерана — угрозы, давление, координация на границах, — редкий случай, когда соперники действовали публично заодно. Всякий раз механизм срабатывал одинаково: тактически они могут использовать курдов друг против друга, но стратегически не позволят курдскому сепаратизму выиграть ни у одной из них, потому что выигрыш у одной создаёт прецедент для другой.

Курдский знаменатель добавляет к пассивным переборкам активную общую повестку безопасности. У денатофицированной Турции и постсанкционного Ирана есть не только умение изолировать споры, но и досье, по которому они структурные союзники, — и досье это, что принципиально, обращено не против России или Китая, а на общую внутреннюю угрозу, то есть совместимо с любой евразийской рамкой. Курдская скрепа — рычаг, а не дружба: обе стороны при удобном случае ослабляют хватку, когда это бьёт по сопернику. Но как ограничитель эскалации она работает безотказно; тезис о скрепе пришлось бы отбросить, если бы одна из столиц всерьёз

поддержала курдский государственный проект против другой. Четыре века истории показывают обратное — у соперников есть общий страх, и он надёжнее любого договора о дружбе.

Война 2026 года: тест на зеркальность

Американо-иранская война весны 2026 года стала для диады жёстким тестом — и тестом пройденным. Турция, член атакующего альянса по формальной принадлежности, повела себя как сосед, а не как союзник атакующих: территория и инфраструктура не предоставлены, осуждение эскалации заявлено, граница и каналы сохранены. Тегеран, в свою очередь, при всей жёсткости военной фазы не тронул ни турецкую территорию намеренно (Дёртьол, разобранный в главе 8, был инцидентом перехвата, не ударом), ни турецкие интересы. Два соперника подтвердили под огнём то, что четыре века подтверждали в дипломатии: их конкуренцию нельзя превратить в войну — ничьими руками, включая руки сверхдержавы.

Тест имеет прямое отношение и к денатофикации. Главный военный аргумент за турецкое пребывание в интегрированной структуре — «иранская угроза» — был взвешен реальной войной и оказался легче бумаги, на которой написан: единственный за десятилетия случай, когда с иранского направления на турецкую землю что-то упало, был порождён не иранской враждебностью, а самим фактом размещения альянсовой инфраструктуры. Защита от соседа, с которым у тебя четыреста лет мира, обернулась единственным источником риска со стороны этого соседа. Парадокс Инджирлика замкнулся на живом материале.

Астанинский формат: соперники за одним столом

У предлагаемой архитектуры есть уже работающий прототип — Астанинский формат. Запущенный в 2017 году России, Ираном и Турцией процесс по Сирии — постблоковый институт, который легко недооценить за привычностью. Три

великие державы с прямо противоположными целями на сирийском поле — Москва и Тегеран, подпиравшие Дамаск, и Анкара, стоявшая за оппозицию, — создали и десятилетие поддерживали работающий механизм деэскалации: зоны разведения, мониторинг, обмены, согласование границ присутствия. Гаранты вооружали и направляли противоборствующие стороны на земле — и договаривались за столом в одном городе. Блоковая дипломатия такого не умеет: она предполагает согласие целей, а Астана работала на их рассогласовании.

Держало формат то же, что и русско-турецкую диаду из четырнадцатой главы: архитектура, заменяющая доверие, — общий интерес не дать конфликту выйти из берегов и не пустить в Сирию посторонних арбитров, при отсутствии и общего противника, и общей идеологии. Формат пережил Идлиб, гибель военных, периоды резкого охлаждения — и всякий раз восстанавливался, потому что выгода управляемости перевешивала соблазн разрыва. Это прямое эмпирическое доказательство: Турция, формальный член НАТО, годами сидела за одним столом с Ираном и Россией, без западного участия, согласуя вопросы войны и мира на чужой территории. Постблоковое поведение здесь уже институционализировано.

Астанинский формат доказал, что механизм соперников возможен по конкретному кризису; мешхедская инициатива предлагает поднять тот же принцип с разовой кризисной площадки до постоянной региональной структуры. Астана — прототип, Мешхед — серийная модель. Формат, правда, не разрешил сирийский конфликт, а управлял им, и со сменой власти в Дамаске в конце 2024 года его первоначальный предмет растворился. В этом и урок, который я кладу в основание евразийских институтов: их назначение — управлять соперничеством, а не упразднять его, и потому институт может пережить конкретный предмет, ради которого создавался, если принцип, на котором он стоит, верен.

Мешхед и южная дуга: институционализация балансира

Зеркальность Ирана и Турции до сих пор работала стихийно, как природный механизм; зрелая архитектура должна дать ей институциональное русло. Эту функцию несёт мешхедская инициатива, предъявленная на бишкекском круглом столе: постоянная площадка стратегического треугольника «Иран — Центральная Азия — Южная Азия» достраивает к тюрко-российско-китайскому контуру Бишкека иранско-южноазиатский контур — и тем самым вписывает четырёхвековое управляемое соперничество в общую раму, где у него появляются общие проекты, а не только общие переборки. Денатофицированная Турция и постсанкционный Иран в одной евразийской архитектуре — перенос старейшей в Евразии школы соседства на континентальный масштаб. Пятиугольник не требует от южных вершин дружбы — он требует от них того, что они умеют лучше всех на континенте: соперничать, не разрушая общего дома.

ГЛАВА 16

ТУРЦИЯ И КИТАЙ: САМАЯ НЕДОСТРОЕННАЯ ОСЬ ПЯТИУГОЛЬНИКА

Если предыдущие диады — это истории избытка (избытка войн, избытка соседства, избытка эмоций), то турецко-китайская — история недостачи: между северо-западной и восточной вершинами пятиугольника меньше всего ткани. Недостроенные оси — и уязвимость архитектуры, и её главный резерв.

Долгая тень Шёлкового пути: тысячелетие соседства без границы

Недостроенность этой оси объясняется географией глубокого времени, и там обнаруживается парадокс, переворачивающий привычную логику. Все прочие диады пятиугольника отягощены общей границей: русско-турецкая линия рождалась в дюжине войн, ирано-турецкая стоит с 1639 года, тюркский мир сросся с Анатолией через миграцию. Турцию и Китай не разделяет и никогда не разделяла ни одна совместная граница — между ними лежат степь, горы и весь промежуточный массив Центральной Азии. Это обстоятельство и есть ключ: там, где нет общей границы, нет и общей травмы. За две тысячи лет контактов тюркских народов с китайской цивилизацией — от Тюркского каганата, чьи рунические памятники на Орхоне, древнейший письменный монумент тюркского мира, прямо повествуют о войне и мире с танским Китаем, до Шёлкового пути, на котором тюрки были посредниками, — между Анатолией и Срединной империей не накопилось ни одного территориального счёта, ни одной непрощённой войны.

Османская и цинская империи, два крупнейших незападных государства своей эпохи, существовали в почти полном дипломатическом вакууме по отношению друг к другу: расстояние было таким, что прямого конфликта интересов попросту не возникало. Единственный сюжет, связавший их напрямую, был конфессиональным: на исходе девятнадцатого века Абдул-Хамид II, опираясь на халифский титул, посылал эмиссаров к китайским мусульманам, а младотурецкий пантюркизм впервые обнаружил за восточным горизонтом многомиллионный тюркоязычный мир под китайской короной. Но и этот сюжет остался тонким. Республиканская Турция, занятая строительством анатолийского национального государства, к Китаю интереса почти не имела; КНР в годы холодной войны видела в Турции форпост враждебного блока. Полноценные дипломатические отношения установлены лишь в 1971 году.

Вывод из этой генеалогии прямой. Турецко-китайская ось тонка не потому, что отношения испорчены, а потому, что они почти не начинались: между двумя цивилизациями нет ни вражды, ни близости — есть чистый лист. Для готовой солидарности чистый лист — плохой фундамент, для проекта — хороший: на нём нечего прощать и не с чем считаться, можно строить по чертежу, не разбирая завалов прошлого. Тысячелетие соседства без границы оставило Анкаре и Пекину то, чего нет ни у одной другой пары вершин, — отношения без долгов.

Асимметрия как диагноз

Турецко-китайская торговля давно перевалила за полсотни миллиардов долларов — и при этом дефицит Анкары в ней десятикратный: китайский импорт заливает турецкий рынок, турецкий экспорт в Китай остаётся статистической погрешностью. Для страны, чья внешняя политика построена на взаимности рычагов, такая асимметрия — не коммерческая досада, а стратегический дискомфорт: в отношениях

с Пекином у Анкары нет ни одного рычага, сопоставимого с проливами в российской диаде или газовым окном в иранской. Инвестиционная картина начала меняться лишь в середине 2020-х — порт Кумпорт, миллиардный автозавод BYD, разговор о локализации китайских технологических цепочек на турецкой таможенной территории как мосте в Европу, — но изменение это пока меняет структуру зависимости, а не её знак.

Не Пакистан: почему Турция — особый случай китайской стратегии

Асимметрия торговли ставит естественный вопрос: какое место Турция вообще занимает в китайской большой стратегии? Соблазнительный ответ — «как Пакистан»: ещё одно крупное мусульманское государство на западной дуге китайских интересов, узел «Пояса и Пути». Этот ответ неверен, и разбор его неверности много объясняет в самой природе оси.

Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) — флагман всей инициативы «Пояса и Пути»: десятки миллиардов долларов, порт Гвадар, сухопутный выход из Синьцзяна к Аравийскому морю в обход Малаккского пролива. Исламабад в китайском политическом языке — «железный брат», и братство это имеет точную природу: Пакистан китаецентричен по необходимости. Стратегическое соперничество с Индией, глубокая долговая и военная зависимость, отсутствие альтернативных патронов делают Пакистан тем, чем Турция не была и не будет никогда, — младшим партнёром, чья автономия ограничена самой структурой отношений.

Турция отличается от Пакистана по четырём осям сразу. По субъектности: Анкара — суверенная держава среднего ранга с собственной повесткой, которую нельзя купить долгом и нельзя дисциплинировать угрозой; китайская модель «патрон — клиент» к ней неприменима в принципе. По геометрии ценности: Пакистан даёт Китаю выход к Индийскому океану, Турция — выход в Европу и Средиземноморье,

к рынку и морю несопоставимо большего веса; турецкий приз — не запасной маршрут, а западные ворота Срединного коридора и средиземноморский выход ШОС. По периметру безопасности: Пакистан вписан внутрь китайского контура против Индии, Турция вписана в чужой контур — НАТО, и поэтому Пекин до денатофикации не может относиться к ней как к активу безопасности, только как к экономическому и логистическому узлу. И по профилю риска: управляемый клиент против непредсказуемого суверена, у которого к тому же есть собственные карты в китайском подбрюшье — уйгурская тема и пантюркское влияние в Центральной Азии.

Из этого следует точная формула места Турции в китайской стратегии: ценный, но не присваиваемый узел. Пекин нуждается в Турции как в терминале Срединного коридора и средиземноморской калитке ШОС, но не может и не хочет делать её клиентом — и в этом, как ни парадоксально, состоит главное созвучие китайской стратегии с замыслом этой книги. Китаю не нужна Турция в чьём-либо кармане; Китаю нужна Турция автономная — выведенная из интегрированной структуры противостоящего блока, но не перешедшая под чужой контроль. Это в точности промежуточный статус: Пекин хочет от Турции того же, что предлагает и денатофикация, — суверенной автономии без смены хозяина.

Технологический мост: Huawei, BYD и арифметика локализации

Если военное измерение оси остаётся узким (о нём ниже), то технологическое и промышленное в середине 2020-х годов начало менять самую структуру отношений — и менять её в сторону, прямо работающую на архитектуру: в этой механике спрятан один из самых недооценённых рычагов всей конструкции.

Исходная точка — телекоммуникации. Huawei держит в Турции крупное присутствие, включая исследовательский

центр, и турецкая позиция по китайскому оборудованию в сетях нового поколения оказалась характерной для всей школы: под давлением Вашингтона и атлантических партнёров Анкара не пошла на демонстративный запрет, как часть союзников, но и не отдала сети целиком — выбрала режим дозирования, тот же, что в уйгурском досье и в оборонных закупках. Технологический суверенитет по-турецки — это не выбор между западным и китайским поставщиком, а отказ от исключительности любого из них.

Но подлинный сдвиг пришёл из автопрома. В 2024 году китайский гигант электромобилей BYD объявил о строительстве в Турции завода стоимостью около миллиарда долларов и мощностью до ста пятидесяти тысяч машин в год; за ним к турецкой площадке потянулись и другие китайские производители. Причина — не дешёвая рабочая сила и не турецкий рынок сам по себе. Причина — таможенный союз Турции с Евросоюзом. Когда Брюссель обложил ввозимые из Китая электромобили заградительными пошлинами, китайские концерны нашли обходной путь: произвести машину на турецкой таможенной территории — значит ввезти её в Европу беспошлинно, как турецкую. Турция превратилась в тарифный мост: площадку, на которой китайская технология встречается с европейским доступом к рынку, минуя барьер, выстроенный против неё напрямую.

Стратегические следствия этого моста выходят далеко за пределы автопрома. Локализация китайского производства на турецкой земле означает трансфер технологий, рабочие места и встречную заинтересованность Пекина в стабильном суверенном статусе Турции — инвестор не строит миллиардный завод в стране, чей внешнеполитический курс может быть в любой момент развёрнут чужим командованием. Но у моста есть и обратная сторона: тарифная арифметика, пускающая Анкару в Европу китайскими руками, привязывает её одновременно к двум рынкам, и эта двойная привязка — не только рычаг, но и уязвимость, потому что и Брюссель, и Пекин

получают возможность давить на турецкую развилку с двух сторон. Тарифный мост работает на денатофикацию до тех пор, пока Анкара остаётся хозяином обоих его берегов. Условие фальсификации сформулировать легко: если европейское давление вынудит Турцию закрыть мост для китайского капитала, значит, материальная база оси оказалась тоньше своих деклараций, и тезис о технологическом сближении подлежит пересмотру.

Уйгурская заноза и дисциплина умолчания

Вторая особенность оси — единственная в пятиугольнике заноза, направленная против Китая. Уйгуры — тюркский народ, и Восточный Туркестан занимает в пантюркистском воображении то же место, что Крым в русском или Карабах в армянском и азербайджанском; турецкие города десятилетиями принимали уйгурскую диаспору и её активизм. В 2009 году Эрдоган публично употребил по поводу событий в Урумчи самое тяжёлое слово из возможных — и этот эпизод обозначил потолок конфликтности оси. Дальнейшая траектория показательна для всей турецкой школы: по мере роста экономической ставки Анкара перевела уйгурскую тему в режим управляемого умолчания — риторика смягчена, ратификация чувствительных соглашений подвешена (не подписана в обиду Пекину, не ратифицирована в обиду диаспоре и националистам), тема дозируется внутренней политикой, но не выносится в межгосударственную повестку. Дисциплина умолчания — та же компартментализация, что в русской и иранской диадах, только применённая не к досье, а к идентичности. Цена дисциплины — постоянное внутреннее напряжение между тюркской солидарностью (глава 10) и китайской необходимостью; устойчивость этой развязки — один из тихих индикаторов зрелости турецкой многовекторности.

Но уйгурская тема — не только заноза; при перемене оптики она оборачивается единственной картой, которую Анкара

держит в почти безрычажной диаде. Турция — единственное государство, обладающее культурным и языковым правом говорить за уйгуров так, чтобы Пекин был вынужден слушать; и потому турецкая сдержанность в этом вопросе есть не пассивная уступка, а торгуемый актив — то, что Китай ценит и за что готов платить экономической открытостью. Больше того: Синьцзян для Пекина — не периферийная провинция, а стартовая площадка всего западного вектора «Пояса и Пути»: Кашгар есть восточное устье Срединного коридора, и спокойствие китайского северо-запада прямо зависит от того, как поведёт себя пантюркское влияние Анкары в Центральной Азии, граничащей с СУАР. Турецкая позиция по уйгурам — рычаг сразу на двух досье: на правах диаспоры и на безопасности китайского подбрюшья. Управляемое умолчание потому и управляемое, что Анкара держит руку на регуляторе, который Пекину небезразличен. Заноза, которой можно дозированно надавить, — это уже не только уязвимость; это инструмент.

Эпизод HQ-9: забытая прелюдия С-400

Военное измерение оси содержит эпизод, незаслуженно выпавший из публичной памяти. В 2013 году Турция выбрала победителем тендера на систему дальней ПВО китайский комплекс — решение, вызвавшее в альянсе шок, репетирующий будущий: несовместимость с натовской архитектурой, угрозы, давление. Два года Анкара держала паузу и в 2015-м контракт отменила — чтобы через два года купить у Москвы то, чего не докупила у Пекина. Из эпизода следуют три вещи. Решимость Анкары на неальянсовую ПВО созрела за годы до С-400 — русский контракт был не импульсом, а второй попыткой. Пекин в этой истории прошёл свой тест: убедился, что турецкий суверенный аппетит реален, но политическая цена входа в турецкую оборонку высока. И — это урок на будущее — китайская готовность продавать Анкаре системы высшего класса означает, что по мере денатофикации

у турецкого ОПК есть второй незападный технологический донор, помимо очевидного; для узких горл вроде двигателей и микроэлектроники это обстоятельство стратегическое.

Два слона, две модели: Китай и Индия в геометрии КИРИТ

Турецко-китайскую ось невозможно понять в отрыве от вопроса, который она ставит ребром перед всей конструкцией: если КИРИТ держит сразу два азиатских гиганта — Китай и Индию, — то как соотносятся их модели участия и что это соотношение значит для денатофицирующейся Турции? Обойти этот вопрос нельзя.

Китайская модель участия — инфраструктурная и нисходящая. Пекин входит в евразийскую ткань проектами, финансами и государственными коридорами: «Пояс и Путь», Срединный коридор, портовые и заводские активы, статусная машина ШОС. С Турцией Китай выстраивает такое же отношение — связности и логистики, сверху вниз, через крупные государственные стройки, с фирменной китайской осторожностью на чувствительных направлениях. Индийская модель — иная по самой природе: Нью-Дели входит в евразийскую архитектуру не стройками, а стратегией множественной принадлежности, отказом от блоковой дисциплины как принципом, цивилизационной субъектностью как методом. Индия одновременно состоит в QUAD, в БРИКС и в ШОС — и не видит в этом противоречия; она — предельный образец многовекторного суверенитета, к которому Турция только идёт.

Отсюда асимметрия, важная для Анкары. С Китаем у Турции отношения богатые, но прохладные по теплу и узкие по доверию: асимметрия торговли, уйгурская заноза, оборонная осторожность Пекина. С Индией двусторонние связи и вовсе натянуты — Анкара поддерживает Пакистан по Кашмиру, Нью-Дели держит сторону Греции, Кипра и Армении, прямая

торговля скромна. И тем не менее ближайший стратегический образец для Турции — Индия, а не Китай: Индия делом доказала возможность быть цивилизационной державой внутри несовместимых систем, не растворяясь ни в одной. Китай для Турции — инфраструктурный партнёр; Индия — стратегическая модель. Парадокса здесь нет: образцом в архитектуре служит тот, чьё поведение хочется воспроизвести.

И здесь индийское присутствие выполняет функцию, ради которой оно вшито в геометрию пятиугольника, — функцию предохранителя. Индийский предохранитель означает, что КИРИТ по построению не превращается в антизападный блок: Индия, сама стоящая одной ногой в западных форматах, не допустит превращения констелляции в коалицию против Запада — не из лояльности кому-либо, а из собственного принципа неприсоединения. Для денатофицирующейся Турции это главная гарантия, снимающая алармистский страх: вход в евразийскую архитектуру через расцепление с интегрированной структурой НАТО не равен вступлению в антизападный союз, потому что Индия вшита в ту же раму и по конструкции не даст ей затвердеть в блок. Два слона держат конструкцию с разных сторон: Китай строит её материальную базу, Индия страхует её от блокового перерождения. Турция, входящая в такую геометрию, получает редкое сочетание — китайские стройки без китайского ошейника и индийскую модель без индийской вражды.

Китай и денатофикация: бенефициар на дистанции

Формально Пекин к процессу, которому посвящена книга, не относится никак: китайская дипломатия не комментирует чужие альянсы. Структурно он — второй после Москвы бенефициар: денатофикация замыкает Срединный коридор (единственный сухопутный маршрут Китай–Европа в обход и России, и морских горл) на страну вне интегрированной военной структуры противостоящего блока, снимает риск превращения

турецких проливов и неба в инструмент сдерживания Китая и достраивает ШОС до конфигурации, в которой организация впервые получает средиземноморский выход. При этом Пекин — самый осторожный из бенефициаров, и его осторожность для архитектуры функциональна: ключник ШОС (без китайского согласия никакая эволюция турецкого статуса невозможна), он будет требовать от процесса того же, чего требует и эта книга, — градуированности, необратимой материальной базы и отсутствия блоковой начинки. Китайская придирчивость — встроенный контроль качества денатофикации.

Турецко-китайская диада — единственная в пятиугольнике, где дефицит истории работает на архитектуру: между Анкарой и Пекином нет ни войн, ни травм, ни территориальных счётов — только асимметрия, заноза и недострой, то есть проблемы, решаемые проектами, а не примирениями. Срединный коридор, промышленная локализация, оборонные ниши, статусная лестница ШОС — повестка достройки оси совпадает с повесткой БЕП 2.0 попунктно, и самая слабая ось пятиугольника оказывается его главной стройплощадкой.

ГЛАВА 17

ТУРЦИЯ, УКРАИНА И ЕВРОПА: ВЫСШАЯ ШКОЛА БАЛАНСА И ИНСТИТУТ ВЕЧНОГО КАНДИДАТА

Западное направление разбирается последним не случайно: украинское и европейское досье читаются правильно только на фоне уже описанных диад. Украинский узел — высшая аттестация турецкой многовекторности; европейский трек — институциональная машина, которая четверть века производила денатофикацию надёжнее любой евразийской агитации.

Украинский узел: вооружать, торговать, посредничать — одновременно

Конфигурация турецкой позиции по украинскому конфликту — учебный экспонат всего, что описано в предыдущих главах.

Элемент первый: Турция — военный партнёр Киева, и партнёр давний: ударные беспилотники поставлялись с довоенных времён и стали в первые месяцы войны символом сопротивления, оборонно-промышленная кооперация глубока и взаимна — украинские двигатели стоят на флагманских турецких платформах тяжёлого класса, на украинской земле строится завод турецкого производителя. Элемент второй: Турция не присоединилась ни к одному санкционному пакету против Москвы, нарастила торговлю, туризм и энергетические закупки и сохранила личный канал лидеров. Элемент третий: Турция — формальный страж режима проливов, и в самом начале войны применила конвенцию Монтрё, закрыв Чёрное

море для военных кораблей обеих сторон — мера, поданная как равноудалённая и принятая обеими. Элемент четвёртый: Турция — главный посредник конфликта: стамбульские переговоры первой весны, зерновая сделка, обмены пленными, новые стамбульские раунды 2025 года — всякий раз, когда сторонам нужен стол, стол оказывается на Босфоре. И элемент пятый, идентичностный: крымскотатарская тема, в которой Анкара последовательно занимает сторону, не доводя её до разрыва с Москвой.

Эта конструкция, в блоковой логике вопиюще противоречивая, признана всеми её контрагентами. Киев принимает турецкое оружие, не требуя турецких санкций; Москва принимает турецкое посредничество, не требуя прекратить поставки Киеву; Вашингтон ворчит, но пользуется турецким столом. Украинский узел — аттестат зрелости турецкой гетеротопии: государство доказало, что может быть нужным всем сторонам самого поляризующего конфликта эпохи потому, что не принадлежит целиком ни одной. Ни один «дисциплинированный» член альянса такой функции выполнять не может — и все это видят. В украинском зеркале денатофикация выглядит условием этой полезности.

Зерновая сделка: как Босфор накормил мир

В одном из этих эпизодов турецкая гетеротопия впервые произвела глобальное общественное благо, а не двусторонний размен. Летом 2022 года, когда блокада украинских портов грозила выбросить с мирового рынка десятки миллионов тонн зерна и обрушить продовольственную безопасность импортирующих стран Ближнего Востока, Африки и Азии, выход был найден на Босфоре. Черноморская зерновая инициатива, подписанная в Стамбуле при посредничестве Турции и ООН, была устроена с инженерным изяществом постблоковой дипломатии: два зеркальных соглашения вместо одного общего — чтобы воюющим сторонам не пришлось

ставить подписи под одним документом, — и Совместный координационный центр в Стамбуле, где бок о бок работали турецкие, российские, украинские и ооновские офицеры, досматривая суда на безоружность.

Механика была проста и оттого надёжна: безопасный морской коридор из трёх украинских портов через Чёрное море, инспекция судов на входе и выходе в стамбульском центре, гарантия, что под зерном не везут оружие. По этому коридору на мировой рынок ушли миллионы тонн продовольствия, и цены, рванувшие вверх в первые недели войны, осели — а с ними отступила угроза голодных бунтов в беднейших странах, для которых украинская и российская пшеница — хлеб в буквальном смысле. Турция сделала то, чего не смог ни один другой актор: не прекратив войну, наладила между её сторонами работающий механизм, физически замкнутый на собственную территорию.

Оговорка обязательна: сделка не пережила и года. Летом 2023-го Москва вышла из инициативы, сочтя невыполненными встречные обязательства по собственному аграрному экспорту, и механизм в прежнем виде не возродился. Но обрыв только проясняет политический смысл эпизода. Во-первых, доказано, что когда работающий механизм между сторонами этого конфликта вообще возможен, он проходит через Стамбул, — это свойство турецкой позиции, а не конъюнктуры. Во-вторых, обрыв показал и пределы посредничества: Анкара может построить стол, но не может заставить стороны за ним сидеть дольше, чем тем выгодно. И в-третьих — главное: способность принимать у себя представителей обеих воюющих столиц и ооновский аппарат за одним координационным пультом есть прямое следствие непринадлежности целиком ни одной стороне. Дисциплинированный член блока такой центр у себя разместить не может; денатофицированная Турция — может, и в этом её незаменимость.

Беспилотная кооперация: от символа к совместному производству

Военно-промышленное измерение украинского узла — живая иллюстрация материальной денатофикации из третьей части. Ударный беспилотник Bayraktar TB2, поставлявшийся Киеву ещё с довоенных лет, стал в первые месяцы войны символом сопротивления, попав даже в песни, — но символ был верхушкой куда более глубокой кооперации. Турецкое тяжёлое беспилотие критически зависело от украинского двигателестроения: платформы флагманского класса, включая Akıncı, проектировались под силовые установки запорожской школы — «Мотор Сич» и «Ивченко-Прогресс», — и эта зависимость была частью турецкой стратегии обхода западных лицензионных ограничений на экспорт двигателей. Кооперация была взаимной и встречной: турецкий производитель заложил под Киевом собственный завод, врастая в украинскую оборонную промышленность как соинвестор с долгим горизонтом.

Сюжет показывает оборонно-промышленную интеграцию с невступившим в НАТО партнёром, выстроенную вне западного лицензионного контура и по собственному турецкому выбору. Беспилотник, ставший одновременно боевым средством, экспортным хитом и дипломатическим инструментом, — это суверенная турецкая способность, выращенная через кооперацию, которую Анкара выбрала сама, а не получила в нагрузку к альянсовой дисциплине. Так материальная денатофикация и описана в седьмой главе: наработка промышленной глубины через партнёров собственного выбора, поднимающая долю независимого производства от низкой базы к контрольной.

Есть и поправка, которая сюжет заостряет. Война ударила по самой этой кооперации: украинское двигателестроение оказалось под угрозой, поставки нарушились — и это подстегнуло турецкую сторону к форсированной локализации собственных двигателей, к замещению запорожской зависимости

отечественной разработкой. Кооперация обернулась толчком к автономии: зависимость, обнажившаяся в кризис, стала стимулом её преодоления — та же диалектика, по которой эмбарго 1970-х породило весь турецкий ОПК. Украинский эпизод подтверждает тезис материальной денатофикации дважды: и как образец суверенной кооперации, и как урок о том, что подлинная независимость достраивается дома.

Кипрский узел: замёрзший детонатор

Между украинским и европейским сюжетами лежит досье, принадлежащее обоим, — кипрское. Полвека после 1974 года остров живёт в разделённом состоянии: международно признанная республика — член ЕС на юге, признаваемое одной лишь Анкарой государство турок-киприотов на севере, британские базы как третий суверенитет и турецкий воинский контингент как гарантия status quo. Все планы объединения похоронены референдумами и переговорной усталостью; с 2020-х Анкара официально перешла от формулы федерации к формуле двух государств, а наблюдательский статус северного Кипра в тюркских структурах обозначил направление дрейфа.

Узел важен тремя гранями. Грань историческая уже встречалась в книге трижды: Кипр-1974 породил и греческую денатофикацию, и турецкую родовую травму эмбарго — это самый продуктивный из кризисов в истории промежуточных статусов. Грань структурная: кипрское членство в ЕС при нерешённом конфликте встроило конфликт в саму архитектуру турецко-европейских отношений — Никосия держит вето на каждом этаже от переговорных глав до оборонных программ, и «вечное кандидатство», разобранное ниже, имеет в том числе кипрский замок; узел, который Брюссель впустил внутрь себя, теперь изнутри же блокирует любую развязку. И грань сценарная, самая тревожная: восточносредиземноморский периметр — кипрский шельф, морские зоны, греко-турецкое соседство — остаётся первым кандидатом на роль детонатора форсированного

сценария из главы 19; замёрзший конфликт между формальными союзниками — это незаэкранированный заряд внутри самого альянса. Управляемая денатофикация и здесь оказывается интересом всех сторон: турецкий промежуточный статус, выводя Анкару из интегрированной структуры, парадоксальным образом разряжает внутриальянсовую мину — споры соседей перестают быть спорами соратников по одному командованию, то есть теряют самый токсичный из своих регистров.

Европейский трек: машина вечного кандидатства

Европейское досье требует институциональной оптики: его суть — в конструкции, работающей десятилетиями. Ассоциация с шестидесятых, таможенный союз с 1995-го, статус кандидата с 1999-го, переговоры с 2005-го, фактическая заморозка с конца 2010-х. Итог: страна прожила в статусе кандидата дольше, чем существовало большинство государств-членов, вступивших за это время, — и вступила за этот срок в таможенный союз, не получив ни членства, ни визовой свободы, ни права голоса в торговой политике, которой обязана подчиняться. Брюссель изобрёл для этой конструкции эвфемизмы («привилегированное партнёрство»); в Анкаре её называют унижением.

Мой тезис резче дипломатического: институт вечного кандидатства — самый эффективный производитель турецкой денатофикации из всех существовавших. Каждое десятилетие отвергнутого ожидания делало для автономистского консенсуса больше, чем любая евразийская риторика: европейский отказ, а не восточный соблазн, убедил турецкое общество поперёк всех партийных линий, что в западный дом эту страну не пустят ни при каком поведении — а значит, обустраиваться надо в собственном. Глава об Эрдогане датирует перелом 2013–2016 годами; европейская машина готовила его с конца девяностых. Запад любит спрашивать, «кто потерял Турцию»; ответ — процедурный: её не потеряли, ей четверть века показывали, что она лишняя, и она поверила.

Европейская оборонная стройка: место для подрядчика

Европа середины 2020-х перевооружается невиданными со времён холодной войны темпами: после 2022 года Брюссель развернул рамку оборонной готовности с горизонтом конца десятилетия и мобилизационным бюджетом, измеряемым сотнями миллиардов евро, а в центре её — инструмент совместных закупок на полтораста миллиардов и программа поддержки оборонной промышленности. Замысел стратегический: сократить зависимость от заокеанского поставщика, нарастить собственные производственные мощности, обрести оборонно-промышленную автономию. И здесь обнаружилась неудобная арифметика — мощностей, опыта и армии, которых Европе не хватает, в избытке у страны, которую она четверть века держит в прихожей.

Турция располагает второй по численности армией альянса и оборонной промышленностью, прошедшей путь от лицензионной сборки до экспорта собственных платформ: беспилотники, электроника, ракетная техника, аэрокосмическая программа. Для перевооружающейся Европы это готовый подрядчик и резерв — но подрядчик, чей доступ к европейским оборонным деньгам упёрся в кипрский и греческий замок, что заклинивает и членский трек: государства-члены со счётами к Анкаре способны обусловить или заблокировать участие третьей страны в совместных программах. Возникает конфигурация, в которой Турцию хотят как поставщика мощностей и не пускают как полноправного участника, — и юридический спор о допуске невступивших государств к европейским оборонным инструментам становится точной проекцией всего турецко-европейского парадокса на язык бюджетных регламентов.

Эта конфигурация — не препятствие денатофикации, а её приглашение. Подрядное участие в европейской оборонной стройке не требует ни членства, ни интегрированного командования, ни единого ядерного планирования — оно требует

мощностей и контрактов, то есть того, что промежуточный статус высвобождает. Денатофицированная Турция — идеальный для Европы подрядчик: материально незаменимая, но не связанная альянсовой дисциплиной, способная продавать мощности всем сразу, как Франция голлевских десятилетий торговала оружием поперёк блоковых линий, а с Америкой — исправнее союзников.

Новый европейский прагматизм: нужна, но не своя

Финальный поворот европейского сюжета принадлежит середине 2020-х и насыщен иронией. Перевооружающаяся Европа, строящая «европейскую НАТО», обнаружила, что ей остро нужны турецкие производственные мощности, турецкий опыт и турецкая армия — и одновременно подтвердила, что турецкое членство в собственно европейских структурах не обсуждается. Возникла формула «нужна, но не своя»: Турцию зовут в европейские оборонные программы как подрядчика и резерв, продолжая держать за дверью как кандидата. Для Анкары это идеальное переговорное положение и окончательный диагноз: отношения с Европой стабилизировались как чисто транзакционные — рынок, миграционная сделка, оборонные контракты, — очищенные от членской перспективы и потому, по турецкой школе, наконец-то здоровые. Денатофикации этот трек, как показано выше, не противоречит ни в одном пункте. Европейская гравитация, описанная в следующей главе среди контрсил, удерживает Турцию от разрыва — но ей нечем удержать Турцию от промежуточного статуса, потому что промежуточный статус не трогает ни одного евро этой гравитации.

Остался вопрос, без которого внешний контур повисает в воздухе: кто внутри Турции несёт этот курс — и кто понесёт его завтра.

ГЛАВА 18

ЭРДОГАН И ЕГО СИСТЕМА: НОСИТЕЛИ КУРСА И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ДЕНАТОФИКАЦИИ

Анализ, оперирующий «Турцией» как монолитом, на длинной дистанции слеп: курсы несут люди, коалиции и классы. Отсюда три вопроса по нарастающей важности: как устроена нынешняя власть и её отношение к автономистскому курсу; какие силы внутри турецких элит и общества структурно несут денатофикацию; и — самый важный для долгосрочного прогноза — переживёт ли курс своего нынешнего персонификатора. Методологическая рамка здесь та же, что во всей книге: речь не о том, «на кого делать ставку» в смысле вербовки, — государства-цивилизации не вербуются, и попытка внешней игры на турецком внутреннем поле гарантированно контрпродуктивна. Речь об аналитике носителей: чьи интересы объективно совпадают с траекторией процесса, а чьи — против неё.

Траектория Эрдогана: от лучшего ученика к ревизионисту

Реджепа Тайипа Эрдогана одновременно недооценивают и перетолковывают, и обе ошибки происходят из нежелания читать его траекторию целиком. Выходец из стамбульского рабочего Касымпаши, мэр Стамбула, политзаключённый за прочитанное стихотворение, основатель ПСР — он пришёл к власти в 2003 году как образцовый ученик Запада: первое его десятилетие — это пакеты реформ под переговоры с ЕС,

усмирение военной опеки над политикой, экономический бум при вполне ортодоксальной макрополитике и репутация витрины «мусульманской демократии». Этот период важно помнить, потому что он опровергает ленивую схему «исламист, всегда ненавидевший Запад»: разворот Эрдогана был не реализацией изначального замысла, а реакцией на накопленный опыт.

Перелом пришёлся на 2013–2016 годы, и у него три слагаемых. Гези и последовавшие за ним в конце 2013-го коррупционные дела Эрдоган прочёл как попытку его свержения руками выращенной в государстве сети; вялость европейской перспективы — как доказательство, что в клуб не примут ни при каком поведении; и, наконец, ночь на 16 июля 2016 года — путч, в котором он едва не погиб и реакцию западных столиц на который счёл постыдно выжидательной, — как окончательный вердикт. После 2016-го перед нами другой политик: президентская система, чистка аппарата, С-400 как символический акт и доктрина «мир больше пяти» как программа. Существенно понять природу этого ревизионизма: Эрдоган — не идеолог, а транзакционист высшей квалификации; он отказывается от самой логики лагерей в пользу логики сделок, в которой Турция торгуется со всеми из позиции незаменимости. В этом — политическая персонификация гетеротопии, и потому при нём стихийная денатофикация набрала темп.

Команда: контуры системы

Персоналистская система не значит система одного человека; у автономистского курса есть аппаратные несущие, и их состав многое объясняет.

Внешнеполитический и разведывательный контур замкнут на фигуры одной школы: Хакан Фидан, тринадцать лет строивший национальную разведку и затем возглавивший дипломатию, — архитектор многоазимутной игры от Астанинского формата до африканских досье; Ибрагим Калын,

философ по образованию и многолетний голос президентского дворца, принявший разведку, — идеолог «стратегической автономии» в её интеллектуально респектабельной версии. Военно-промышленный контур: оборонное ведомство в руках кадровых военных поколения сирийских операций; управление оборонной промышленности (SSB) — у выходцев из инженерного ядра ASELSAN; и особняком — Сельчук Байрактар, технолог, зять, самый популярный несущий фигурант «технонационального» проекта, чьё имя стало брендом турецкой автономии буквально. Политический контур коалиции — союз с националистами Бахчели, придающий курсу парламентскую устойчивость и идеологическую жёсткость. И — противовес внутри самой системы — экономический блок прозападно-ортодоксальной выучки, чья задача удерживать финансовые мосты: его присутствие в той же власти означает, что даже ядро системы строит не разрыв, а управляемую дистанцию.

Вывод из кадровой картины: автономистский курс в Турции — не личная прихоть лидера, обслуживаемая случайными назначенцами, а консолидированная линия силового, разведывательного, дипломатического и промышленного аппаратов, выращенная двумя десятилетиями отбора. Такие линии не разворачиваются сменой одного лица.

Социальная база: кто объективно несёт денатофикацию

Ответ на главный вопрос главы лежит этажом ниже персоналий — в структурах.

Носитель первый: оборонно-промышленный класс. За двадцать лет в Турции вырос целый социальный слой — сотни компаний, инженерные школы, исследовательские центры, экспортные сети, — чьё благосостояние и статус прямо производны от курса на локализацию. Для этого класса денатофикация — повседневная экономика: каждый процент локализации — его контракты, каждое снятое чужое вето — его рынок.

Носитель второй вырос вокруг первого: «технонациональное» поколение. Фестивали технологий, собирающие миллионы молодых людей вокруг национальных дронов и ракет, — социологический феномен, который снаружи недооценивают: для поколения, выросшего после 2016 года, суверенная техника — предмет той гордости, какой для дедов был футбол. Это поколение секулярно в массе и не обязательно проправительственно — но его базовый консенсус: Турция не должна ни у кого спрашивать разрешения.

Носитель третий старше обоих: евразийское крыло силовой корпорации. Течение улусалджи — национал-секуляристы кемалистской генеалогии, исторически антиамериканское и тяготеющее к континентальным комбинациям, — после чисток 2016 года, выбивших из армии атлантистскую и гюленистскую страты, объективно усилилось. Парадокс турецкой политики: по вопросу автономии от Запада исламистский президент и кемалистские «евразийцы» — попутчики, и идейный фланг этого течения (сколь угодно маргинальный электорально) десятилетиями поставляет курсу концептуальный язык.

Носитель четвёртый — анатолийский капитал: производственная буржуазия внутренних регионов, организованная вокруг собственных ассоциаций, выросшая на экспорте в незападные рынки и не вписанная в стамбульский финансово-западный контур. Её торговая география — Залив, Африка, тюркский мир, Россия — совпадает с картой постблоковой турецкой экономики.

Носитель пятый, инфраструктурный для остальных четырёх: государственная бюрократия сделок — корпус, выросший на «Аккую», газовом хабе, зерновых и обменных посредничествах, чья профессиональная капитализация связана со статусом Турции как незаменимого посредника. Посредник не может принадлежать одному лагерю, и этот корпус несёт гетеротопию по должности.

Контрсилы и ограничители: честная карта

Не менее подробной должна быть карта противодействующих сил. Контрсила первая, самая весомая, — экономическая привязка к Западу: таможенный союз с ЕС с 1995 года, на который завязана почти половина турецкого экспорта, западные инвестиции, туризм, финансовые рынки, чувствительные к каждому суверенному жесту. Это не лобби, а гравитация: любой турецкий курс прокладывается в её поле, и она — главный аргумент в пользу градуированного сценария против форсированного. Контрсила вторая живёт внутри первой: стамбульский большой бизнес и финансовый класс, организованный вокруг старых ассоциаций, для которого западная якорность — условие капитализации. Контрсила третья — кадровая: атлантическая страта в дипломатии и офицерстве, поредевшая после 2016-го, но воспроизводимая самой тканью альянсовых рутин, академий и штабов. Контрсила четвёртая — электоральная: городской прозападный избиратель и основная оппозиция, для которых европейская перспектива остаётся ценностью; впрочем, и здесь работает важная асимметрия: оппозиция оспаривает у власти демократию и экономику, но не оборонную автономию — национальный ОПК давно стал межпартийным консенсусом, и ни одна серьёзная сила не идёт на выборы с программой «свернуть KAAN и вернуть всё как было».

Курдский фактор: внутренний узел и его неожиданная динамика

Карта внутренних сил неполна без узла, который полвека определял турецкую политику безопасности больше любого внешнего, — курдского. Его отношение к денатофикации неочевидно.

Классическая конфигурация работала против автономии от Запада — двояко. С одной стороны, сорокалетняя вооружённая кампания РПК делала Анкару зависимой от западных

разведывательных и технологических ресурсов и давала альянсовой принадлежности главное внутреннее оправдание. С другой — та же тема была вечным рычагом давления на Анкару: западная опека над сирийскими курдскими формированиями стала в турецком восприятии образцовым предательством — союзник по альянсу вооружает структуру, которую сама Анкара числит ветвью своего главного внутреннего противника. Ни один сюжет не сделал для турецкого недоверия к Вашингтону больше; в копилке асимметричной лояльности — рядом с письмом Джонсона и «Юпитерами» — курдское досье занимает первую полку.

Динамика середины 2020-х меняет узел по обеим линиям сразу. Технологически беспилотная революция, описанная в седьмой главе, лишила повстанческую тактику её полувековой математики — и сделала это национальными средствами, обнулив разведывательную зависимость от союзников. Политически — начавшийся в 2025 году процесс самороспуска РПК и разоружения, при всей его хрупкости и незавершённости, открыл перспективу, которую турецкая стратегия не имела никогда: внутренний фронт, закрываемый политически, а не только силой. Следствия прямые. Закрытие курдского фронта изымает последнее внутреннее оправдание глубокой альянсовой вписанности — «нам нужна НАТО против террора» теряет предмет. Оно же освобождает ресурс армии и политики, десятилетиями связанный на юго-востоке. И оно же снимает главный аргумент противников любых резких внешнеполитических движений: «не время, у нас война внутри». Курдский узел, полвека работавший якорем атлантической принадлежности, на наших глазах разворачивается в нейтральное, а по ряду линий — в попутное денатофикации положение. Устойчивость этого разворота — ещё одна строка индикаторной панели: срыв курдского урегулирования был бы одновременно ударом по градуированному сценарию.

Переживёт ли курс Эрдогана: структурный ответ

Если денатофикация — личный проект стареющего лидера, её горизонт равен его политическому горизонту, и строить на ней континентальную архитектуру легкомысленно. Разбор носителей даёт противоположный ответ: курс на военно-промышленную и стратегическую автономию опирается на пять структурных носителей, межпартийный оборонный консенсус, консолидированную аппаратную линию и поколенческий сдвиг — а персоналистской надстройке принадлежит темп и стиль, но не вектор. Уйдёт транзакционист — изменится тактика сделок; гравитация интересов останется. Более того, обе вероятные посттекущие конфигурации — националистическая и оппозиционно-коалиционная — наследуют ОПК, ОТГ, сирийские активы и общественный консенсус «не спрашивать разрешения» в полном объёме, расходясь лишь в риторике.

Для архитектуры БЕП 2.0 отсюда следует принцип: рамка признания должна предлагаться не лидеру, а государству — строиться на структурных носителях и быть рассчитанной на любую послезавтрашнюю Анкару. Предложение, которое переживает адресата, — единственный вид предложений, имеющий смысл в разговоре цивилизаций.

Часть V. Чертёж

ГЛАВА 19

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ: КАРТА РАЗВИЛОК

Четыре части позади. Пятая переводит анализ в стратегию, и начинается она со сценарной рамки — инструмента, без которого стратегия слепа. Сценарии ниже — не прогнозы и не присвоение вероятностей: попытка назвать проценты будущему — самая дешёвая разновидность аналитической самоуверенности. Сценарий в строгом смысле — внутренне непротиворечивая траектория с названными условиями входа, наблюдаемыми индикаторами движения и определёнными последствиями для заинтересованных сторон. Четыре траектории ниже исчерпывают логическое пространство процесса: он может не идти, идти управляемо, идти обвально или повернуть вспять. Индикаторная панель для всех четырёх собрана в главе 8 (парадокс Инджирлика), а четыре измерения процесса — скорость, градация, направление, обратимость — в главе 4.

Сценарий первый: инерционный («вечная гетеротопия»)

Содержание. Турция продолжает извлекать ренту из двойственности: остаётся в интегрированной структуре, наращивает автономный ОПК, углубляет евразийские связки — но не оформляет расцепление институционально. Гетеротопия консервируется; амбивалентность объявляется постоянной стратегией.

Индикаторы. Оба вето Инджирлика стоят на месте; статус в ШОС не меняется; участие в натовских механизмах не

углубляется, но и не сворачивается.

Логика и пределы. Это сценарий наименьших ежедневных издержек и потому базовый на коротком горизонте. На длинном горизонте я считаю его неустойчивым, и основание тому — материал второй и третьей частей. Рента двойственности убывает: обе системы предъявляют гетеротопии нарастающий счёт — «европейская НАТО» проектируется без Турции, полное членство в ШОС несовместимо с интегрированной структурой. Одновременно работает обоюдоострый Пирсон: каждый локализованный завод и каждый национальный контур управления смещают баланс издержек в пользу расцепления независимо от того, принято ли политическое решение. Инерционный сценарий — медленное сползание к развилке; вопрос лишь в том, кто и когда её оформит.

Для Центральной Азии этот сценарий — упущенное окно: ядро остаётся при недостроенной архитектуре и продолжает балансировать между контурами без рамки, легализующей баланс.

Сценарий второй: градуированный (французская модель) — целевой

Содержание. Поэтапное, растянутое на годы расцепление по голлевской хореографии: сначала достройка материальной автономии (национальный двигатель, замыкание «Стального купола» на национальное управление), затем институциональные шаги — сокращение участия в объединённом командовании, выведение сил из-под оперативного контроля, постановка вопроса о статусе B61 — при демонстративном сохранении политического членства, места в Североатлантическом совете и действия статьи 5. Горизонт — 2028–2035 годы. Параллельно — встречное движение евразийского контура: эволюция турецкого статуса в ШОС от партнёра по диалогу к полному членству, синхронизированная с тактами расцепления.

Индикаторы. Последовательная локализация двигателя; публичная турецкая постановка вопроса о B61; появление национальных командных контуров; продвижение по шкале статусов ШОС.

Логика. Целевым я называю этот сценарий не потому, что он самый вероятный (вероятностей здесь не присваивается), а потому, что он единственный, в котором процесс управляем всеми его участниками и деэскалационен по построению. Он воспроизводит доказанную прецедентом траекторию, минимизирует цену по Пирсону (сходить с колеи по частям дешевле, чем прыгать), сохраняет обратимость как предохранитель и оставляет Западу лицо: формально не происходит ничего, чего альянс уже не переживал. Под этот сценарий и строится внешняя рамка признания в главах 20 и 21.

Центральной Азии он приносит больше остальных: завершённый пятиугольник, деблокированный южный центр континента, легализованную многовекторность самого ядра.

Сценарий третий: форсированный (греческая модель)

Содержание. Расцепление через острый кризис доверия внутри альянса — функциональный аналог Кипра-1974: санкционный удар по турецкой программе, силовой инцидент с союзником, кризис вокруг Кипра или Эгейского моря, унизительный для Анкары исход внутриальянсового спора. Решение принимается быстро, на эмоциональном пике, без подготовленной хореографии.

Индикаторы-предвестники. Эскалация споров с союзниками; новые санкционные пакеты против турецкого ОПК; демонстративное исключение Турции из новых форматов «европейской НАТО».

Логика и риски. Греция прошла этим путём, и греческий случай показывает цену: кризисное расцепление наименее управляемо, наиболее конфронтационно и наиболее уязвимо для отката, потому что мотивировано обидой, а не стратегией. Для евразийской архитектуры форсированный сценарий внешне выгоден (процесс ускоряется), но структурно опасен: Турция, вылетевшая из одной системы на эмоциональном пике, будет

искать немедленной компенсации в другой и потребует от ШОС того, чем ШОС по своему генетическому коду не является, — блоковых гарантий. Форсированная денатофикация рискует принести в евразийский контур блоковую логику, в отталкивании от которой контур себя и определяет. Вывод для евразийской дипломатии контринтуитивен: не разгонять кризис, а готовить рамку, в которую управляемый процесс сможет лечь.

Ядру этот сценарий сулит турбулентность: резкие развороты больших соседей исторически оплачивала Центральная Азия.

Сценарий четвёртый: реверсивный (вариант Саркози)

Содержание. После частичного расцепления — откат: реинтеграция в командные структуры, размен автономии на пакет уступок (возвращение в F-35 на демонтирующих национальную программу условиях, снятие санкций, признание особой роли в «европейской НАТО»).

Индикаторы. Условия фальсификации из главы 8: углубление участия в ядерном планировании, реинтеграция ОПК в натовские цепочки, сворачивание локализации.

Логика. Сценарий включён в рамку по двум причинам. Методологическая: концепция, не содержащая сценария собственного поражения, — пропаганда; реверсивный сценарий — оформленная фальсифицируемость денатофикации. Содержательная: обратимость — конститутивное свойство процесса (глава 6), и отрицать реверс значило бы отрицать собственное определение. Но у реверса есть измеримая цена входа, и она растёт с каждым годом: по обоюдоострому Пирсону каждый локализованный двигатель удорожает возврат. Реверс-2026 стоил бы Анкаре дёшево; реверс-2032, после десятилетия параллельной колеи, потребует списать состоявшуюся промышленность — решение, на которое не идут без экзистенциального давления. Время работает против этого сценария; темп, с которым дорожает возврат, — ещё один наблюдаемый индикатор.

Центральная Азия при реверсе возвращается к статус-кво первого сценария, только уже без окна 2026–2028 годов.

Триггеры и пороги: как распознать смену сценария

Сценарная рамка операциональна лишь тогда, когда наблюдатель способен в реальном времени определить, в каком сценарии он находится и не происходит ли переключение. Инструмент для этого — таблица триггеров: события-переключатели, переводящие процесс с одной траектории на другую.

Переключатели из инерционного в градуированный: официальная турецкая постановка вопроса о статусе B61 на любом уровне; успешные стендовые или лётные испытания национального двигателя; согласование с ШОС формальной дорожной карты статуса; учреждение бишкекского механизма мониторинга. Любое из четырёх событий означает, что стихийный процесс получил институциональное оформление; я называю это «точкой именования».

Переключатели из инерционного или градуированного в форсированный: новый санкционный пакет, бьющий по флагманским программам ОПК; прямой турецко-израильский военный инцидент с потерями; силовой эпизод в Эгейском море или вокруг Кипра; формализация «европейской НАТО» с демонстративным исключением Турции из ключевых органов; унизительный для Анкары исход крупного внутриальянсового спора. Критичен здесь не сам инцидент, а реакция: маркером форсированного перехода служит появление в турецком официальном языке требований и ультиматумов вместо ступеней.

Переключатели в реверсивный: пакетная сделка с Вашингтоном, в которой возвращение в F-35 обусловлено верифицируемым демонтажом С-400 и ограничением KAAN; вхождение Турции в новые интегрированные форматы «европейской НАТО» на правах ядра; кадровая зачистка

автономистского контура (разворот в SSB, разведке, дипломатии) при смене власти. Маркер реверса — верифицируемый размен материальных активов автономии на статусные; риторика потепления с Западом маркером не служит, она совместима с любым сценарием.

Рамку замыкает порог невозврата. После трёх событий — серийный национальный двигатель, замкнутый национальный контур боевого управления и вывод B61 — реверсивный сценарий, на мой взгляд, перестаёт быть практически возможным независимо от политической конъюнктуры: возвращаться станет дороже, чем оставаться, для любого мыслимого турецкого правительства. Эти три события — финишная черта денатофикации как процесса.

Оговорка о лебедях: что лежит вне рамки

У сценарной рамки есть собственные пределы. Четыре траектории исчерпывают логическое пространство процесса, но не пространство истории: есть классы событий, способных смять саму доску, на которой расставлены сценарии. Первый класс — большая война с участием великих держав: в ней вопрос о промежуточных статусах снимается вместе со всеми промежуточными состояниями, и анализ этой книги теряет предмет вместе со многим другим. Второй — внутритурецкий разлом катастрофического типа: рамка главы 18 показала устойчивость автономистского курса к смене власти, но не к распаду самой управляемости, который история страны исключать не позволяет. Третий — технологический сюрприз, обесценивающий нынешнюю военную материю (а с ней и парадокс Инджирлика в его конкретной форме): индикаторную панель в этом случае пришлось бы пересобирать под новые узкие горла, хотя сама логика «материальное предшествует институциональному» пережила бы и это. Четвёртый — распад или перерождение самого альянса: денатофикация предполагает существование НАТО как структуры, с которой расцепляются;

альянс, развалившийся сам, сделал бы термин историческим раньше времени. Перечислять то, что нельзя планировать, имеет смысл по одной причине: зрелая стратегия отличается от схемы готовностью встретить события вне схемы. Ядро, выстроившее механизм мониторинга и язык процесса, сохранит и то и другое при любом лебеде; измерительный инструмент, в отличие от прогноза, переживает смену погоды.

Евразия-2035: четыре кадра

Каждой траектории — по одному кадру из 2035 года: следствие, доведённое до картинки.

Кадр инерционный. Турция по-прежнему в интегрированной структуре и по-прежнему партнёр по диалогу ШОС; локализация ОПК упёрлась в двигательный потолок; «европейская НАТО» институционализировалась, и турецкое членство в большом альянсе всё больше напоминает членство в клубе, правление которого заседает в другом здании. БЕП так и не получил второго поколения; формула этой книги цитируется как «интересная, но не востребованная». Гетеротопия продолжается, но ренту с неё теперь собирают другие.

Кадр градуированный. Национальный двигатель прошёл испытания в начале 2030-х; вопрос о B61 поставлен Анкарой официально и решается в переговорном режиме; турецкое представительство в объединённом командовании сведено к символическому, статус в ШОС — наблюдатель с дорожной картой членства. Бишкекский механизм мониторинга десятый год публикует индикаторную панель, и его доклады цитируют по обе стороны бывшей блоковой границы — потому что граница перестала быть линией фронта и стала линией графика.

Кадр форсированный. Где-то между 2027 и 2030 годами случился кризис — санкционный, кипрский или эгейский, — и Анкара вышла из военной структуры за месяцы, а не за годы. Евразийский контур получил пятую вершину раньше срока, а вместе с ней запрос на блоковые гарантии, который расколол

ШОС изнутри; Индия дистанцировалась, Центральная Азия оказалась между молотом обиженного альянса и наковальней торопливой Анкары. Архитектура достроена вчерне и трещит по шанхайскому шву.

Кадр реверсивный. После пакетной сделки конца 2020-х Турция вернулась в командование, получила своё место в «европейской НАТО» и урезанный F-35; KAAN летает в экспортной версии без амбиций, «Стальной купол» подключён к альянсовым протоколам. Сорок лет промышленного строительства обменяны на переговорную позицию и потрачены. В Бишкеке об окне 2026–2028 годов вспоминают как о неслучившемся; концепция этой книги официально опровергнута, что автор, согласно данному слову, признал.

Сводка: что из этого следует для ядра

Из четырёх траекторий лишь одна — градуированная — соединяет реализуемость, управляемость и деэскалационность; инерционная сползает к развилке, форсированная токсична для самой евразийской рамки, реверсивная дорожает с каждым годом. Но градуированный сценарий — единственный из четырёх, который не реализуется сам: ему нужна внешняя рамка признания, площадка предъявления и календарь. Стихийному процессу рамку не предложит ни Анкара (предлагать самому себе — слабая позиция), ни Москва или Пекин (предложение великой державы будет прочитано как вербовка). Предложить её может только ядро — малые и средние государства, не имеющие имперского багажа и потому единственные, чьё посредничество не выглядит захватом. Окно для такого предложения открыто узко: 2026–2028 годы.

ГЛАВА 20

ОКНО 2026–2028: БИШКЕК, СОВБЕЗ, ТРИ М

Концепт, не привязанный к календарю и карте, остаётся кабинетным. У градуированного сценария календарь и карта есть: дипломатическое окно 2026–2028 годов, площадка предъявления в Бишкеке и география диалога, сведённая к трём городам на букву М.

Почему ядро — и почему Кыргызстан



Рис. 7. Дипломатическое окно 2026–2028 и формула «трёх М» (гл. 19–20).

Центральная Азия — не периферия евразийской архитектуры, а её стыковочный узел: здесь сходятся российский, китайский, иранский и тюркский дискурсы и либо сплавляются, либо искрят. Почему рамку признания градуированной денатофикации может предложить только ядро, показано в конце главы 19: посредничество государств без имперского багажа — единственное, которое сохраняет процессу его суверенный характер. Внутри ядра история распорядилась так,

что окно открывается у Кыргызстана, причём двумя створками разного масштаба.

Кыргызский актив: инвентаризация посредника

Посредничество — профессия, и у профессии есть квалификационные требования; ниже — то, чем располагает Бишкек как оператор окна.

Актив первый — календарный: саммит ШОС у себя дома и кресло в Совете Безопасности в одно и то же двухлетие — двойная трибуна регионального и глобального этажей, совпадение, которое случается редко. Актив второй — биографический: Бишкек не новичок саммитной дипломатии (город принимал саммиты ШОС и прежде, а в ноябре 2024 года — саммит ОТГ, так что обе организации, между которыми пролегает турецкая лестница, знают этот зал изнутри). Актив третий — реляционный: Кыргызстан состоит одновременно в ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и ОТГ, граничит с Китаем, союзничает с Россией и принадлежит тюркскому миру, то есть сам представляет собой ту совместимость контуров, которую денатофикация должна доказать возможной. Актив четвёртый — репутационный, от противного: у Бишкека нет ни имперского прошлого, ни региональных амбиций, ни ресурсов для давления, и в посреднической профессии это капитал — предложению Кыргызстана невозможно приписать скрытую корысть. И актив пятый — интеллектуальный: понятийный аппарат процесса — денатофикация, КИРИТ, индикаторная панель, дорожная карта — разработан и опубликован из Бишкека; ядро приходит к окну с готовым языком.

По всем пяти статьям Бишкек укомплектован для функции, которую следующий раздел описывает через прецеденты Хельсинки и Астаны.

Риски посредника: чем платит Бишкек и как хеджировать

Посредничество в досье такого калибра не бывает бесплатным, и цену следует назвать заранее. Риск первый — гнев заинтересованных: атлантические столицы могут прочесть бишкекскую инициативу как недружественный акт малой страны. Хедж встроен в саму конструкцию: ядро предлагает не позицию, а измерение — мониторинговый механизм фиксирует и реверс с той же беспристрастностью, что и движение, а формула сохранения статьи 5 и политического членства лишает инициативу антинатовской квалификации. Риск второй — ревность великих партнёров: и Москва, и Пекин могут предпочесть, чтобы повестку такого веса носили они сами. Хедж — упреждающая прозрачность и распределённое соавторство: механизм открыт институтам всех вершин, авторство архитектуры распределено, за Бишкеком остаётся только место площадки. Риск третий — турецкая обида: Анкара щепетильна к любым попыткам обсуждать её судьбу без неё. Хедж — последовательность главы 18: рамка адресуется государству как признание уже идущего суверенного курса, турецкий институт приглашается в механизм первым, и ни один документ не содержит слова «должна». Риск четвёртый — внутренний: перегрузка дипломатического аппарата малой страны досье континентального веса. Хедж — кооперация ядра: инициатива кыргызская по прописке, но центральноазиатская по несущей конструкции, с опорой на казахстанский саммитный опыт и узбекский дипломатический ресурс; Бишкек — адрес, С5 — автор. Сведённый баланс: все четыре риска управляемы стандартными средствами, а альтернатива — пропустить окно — несёт риск пятый и наибольший: остаться регионом, о котором опять договорились другие.

Прецеденты посредничества: Хельсинки и Астана

Против тезиса о посреднической миссии ядра есть очевидное возражение: ноша велика для малых государств. Но ноша не нова, и носили её как раз малые — два прецедента, дальний и ближний.

Дальний — Хельсинки. В разгар блокового противостояния, когда сама идея общего разговора Востока и Запада казалась наивной, площадку для него предоставила нейтральная Финляндия: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе увенчалось Заключительным актом 1975 года — документом, на десятилетия задавшим язык и рамку общеевропейского процесса. Существенно, почему это удалось Хельсинки: предложение малой страны не несло угрозы ни одному из блоков, её зал был единственным, куда могли войти все, не теряя лица. Финляндия не решала германский вопрос и не разоружала сверхдержавы — она дала процессу место, имя и процедуру. Ту же функцию я отвожу Бишкеку: не управлять денатофикацией, а дать ей зал, язык и индикаторную панель.

Ближний прецедент — астанинский, и он принадлежит самому ядру. Когда сирийский узел зашёл в тупик женевского формата, рабочую площадку для военно-дипломатического треугольника Россия — Турция — Иран предоставила Астана: столица центральноазиатского государства стала именем процесса, в котором сама не была стороной. Казахстанский опыт доказал применительно к нашему региону то же, что финский — к Европе: посредническая функция малого государства не требует ни военного веса, ни ресурсов сверхдержавы; требует она доверия всех сторон и отсутствия собственной ставки в споре. У Бишкека в турецком сюжете есть и то и другое, плюс активы, которых не было у предшественников: саммитный календарь 2026 года, кресло в Совбезе 2027–2028 годов и — через ОТГ — прямая цивилизационная связка с самой Анкарой. Хельсинки дал модели имя, Астана локализовала её в регионе; Бишкеку остаётся применить отработанную технологию к крупнейшему из незакрытых досье континента.

Первая створка: саммит ШОС в Бишкеке

Саммит ШОС в Бишкеке — момент, когда Центральная Азия выступает хозяином евразийского разговора. «Положить формулу на стол» на такой площадке означает, на мой взгляд, три такта протокольной точности; бишкекский саммит был первой возможностью их пройти, но такты не привязаны к одному саммитному циклу и остаются в силе для любой следующей профильной площадки ядра.

Такт первый — язык. Ввести в экспертный и кулуарный оборот саммита само различение события и процесса: снять с повестки тупиковый вопрос «выйдет ли Турция из НАТО» и заменить его рабочим вопросом о градациях расцепления. Это кажется малостью, но вторая часть показала, что смена грамматики означает смену политики.

Такт второй — статус. Поставить — не решить, а корректно поставить — вопрос о траектории турецкого статуса в ШОС: дорожная карта движения от партнёра по диалогу к полному членству, такты которой синхронизированы с тактами расцепления. Не «вступайте и порвите с альянсом» — ультиматумов ШОС не знает, — а обратная конструкция: каждая ступень расцепления открывает следующую ступень статуса.

Такт третий — институция. Закрепить за бишкекской площадкой постоянную функцию мониторинга процесса — экспертный механизм, отслеживающий индикаторную панель денатофикации (главы 4 и 8) и докладывающий её динамику. Ядро, взявшее на себя измерение процесса, становится его законным соавтором, не претендуя на управление им.

Институция — самый осязаемый из трёх тактов, и предложение должно быть исполнимым на следующий день после согласия, поэтому её устройство стоит описать подробнее. Форма — постоянная экспертная группа при бишкекской площадке, компактная по составу: по одному профильному институту от каждого государства ядра, по одному — от заинтересованных вершин пятиугольника

(участие — приглашением, не обязанностью; первым приглашается турецкий институт), плюс независимая методологическая секция. Продукт — ежегодный открытый доклад по индикаторной панели приложения B: шесть групп индикаторов, по каждой — динамика за год, источники, оценка по шкале «движение — пауза — реверс»; никаких рекомендаций и тем более требований, только измерение. Цикл — привязка публикации к датам двух летних саммитов, чтобы доклад ложился на оба стола одновременно. Бюджет — символический: капитал механизма — нейтральность измерения и цитируемость по обе стороны бывшей блоковой границы. Жанр не нов, по образцу существующих мониторингов и ежегодников по вооружениям; новизна в предмете и прописке: процесс такого масштаба измерялся бы из ядра, а не из столиц-интересантов. Механизм репутационно самоокупаем при любом сценарии: если денатофикация идёт, он её летописец; если она встала, он первым обязан это зафиксировать.

На практике первая итерация этого окна — юбилейный, двадцать пятый по счёту саммит ШОС в Бишкеке — прошла в регистре рутинной институциональной работы: Бишкекская декларация к двадцатипятилетию организации, новые постоянные структуры по линии безопасности, ротация председательства к Пакистану. Турция участвовала в формате «ШОС плюс» — том же статусе партнёра по диалогу, в каком находилась и годом ранее; резких кадровых или статусных решений по турецкому досье саммит не принёс. Для книги, построенной на тезисе о приоритете материального над политическим (глава 7), это ожидаемый результат: институциональный статус движется медленнее и осторожнее, чем факты на земле, и один саммит — лишь одна из ступеней лестницы, описанной выше.

Существеннее решений оказалось сказанное сразу после. По возвращении с саммита Эрдоган заявил, что Анкара готова рассматривать полноправное членство в организации, и тут же оговорил: перспектива членства «не означает разрыва с каким-либо другим блоком или с Западом». Эта формула воспроизводит

определение главы 4 почти дословно, из уст самого объекта исследования: движение по евразийской шкале статусов, не сопровождающееся выходом из атлантической. Спор о том, надо ли Турции выбирать, ведут наблюдатели; Анкара отвечает в грамматике «и — и», которую эта книга описывает как рабочую.

Вторая створка: кресло в Совете Безопасности, 2027–2028

Вторая створка масштабнее. В 2027–2028 годах Кыргызстан занимает место непостоянного члена Совета Безопасности ООН, и евразийская повестка получает голос на глобальном этаже. Значение этой створки двоякое. Практически: непостоянный член Совбеза формирует повестку дня, вносит тематические дискуссии, собирает коалиции по конкретным резолюциям — инструментарий, которым тема деблокизации Евразии и снижения военно-блокового противостояния может быть впервые внесена в глобальный зал представителем ядра, от имени региона, не имеющего в этом вопросе корыстного интереса. Символически: сама последовательность — саммит в Бишкеке, затем кыргызское кресло в Нью-Йорке — выстраивает двухлетнюю лестницу эскалации идеи с регионального этажа на глобальный. Окно 2026–2028 — календарная конструкция с двумя несущими датами.

Три М: Мюнхен, Минск, Мешхед

У идеи, выходящей на глобальный этаж, должна быть и собственная география диалога — физическая инфраструктура, не зависящая от чужих залов. Я сжимаю её в формулу трёх «М»: Мюнхен — Минск — Мешхед. Каждая из трёх конференций держит свой угол зрения на безопасность: Мюнхен — голос евро-атлантического истеблишмента; Минск — память постсоветского переговорного ремесла; Мешхед — заявка на самостоятельный голос Большой Евразии и исламского мира.

Мешхедская вершина треугольника — операционально самая свежая, и её замысел был предъявлен на бишкекском круглом столе 8 июня 2026 года: сделать Мешхед постоянным узлом евразийского диалога, собирающим экспертов и политиков вокруг стратегического треугольника «Иран — Центральная Азия — Южная Азия», включая Афганистан и Пакистан, — регион, который действующие механизмы безопасности не покрывают целиком. В логике денатофикации Мешхед достраивает Бишкек: если Бишкек — узел тюрко-российско-китайского контура, то Мешхед — иранско-южноазиатского. Вместе они очерчивают инфраструктуру разговора, в котором у денатофикации есть собственные залы.

Существенна и иранская адресация выбора. Глава 8 показала: у парадокса Инджирлика есть тегеранское измерение, и интерес Ирана к деблокизации южного центра Евразии прям и материален. Площадка в Мешхеде втягивает этот интерес в институциональное русло и превращает совпадение интересов в совместную работу.

Материализованная развилка: рифма лета 2026 года

7–8 июля 2026 года Анкара принимала саммит НАТО — венец гетеротопии, высший ритуал атлантического мира в столице его самого евразийского члена. Полтора месяца спустя, на рубеже августа и сентября, лидеры ШОС собрались в Бишкеке. Четыре недели между двумя саммитами, с которых начиналась третья глава, — материализованная развилка пятой части: один и тот же актор оказался хозяином первого зала и гостем второго, и впервые оба зала смотрели на него одновременно.

Развилка не требует мгновенной развязки: денатофикация градуирована, и календарная рифма фиксирует не момент выбора, а момент, с которого выбор стал видимым обоим мирам сразу. Описанная выше рамка — язык, дорожная карта статуса, механизм мониторинга — не обязана лечь на стол целиком за один саммитный цикл: окно 2026–2028 годов держится двумя

несущими датами, саммитом и креслом в Совете Безопасности, и то, что не успела донести первая створка, вправе донести вторая. Единственное, что развилка исключает, — бесконечное откладывание: чем дольше рамки нет ни на одной из двух площадок, тем быстрее процесс дрейфует к форсированному варианту, развязку которого выберут чужие кризисы, а не ядро.



ГЛАВА 21

ШОС+: ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД, А НЕ НОВАЯ КОАЛИЦИЯ

Денатофикация — не самоцель и не изолированный манёвр; её смысл виден только в рамке Большой Евразии второго поколения, и эта рамка — ШОС+. Три вопроса заключительной главы: почему ШОС, почему получившаяся конструкция не блок и что предлагается самой Турции.

Терминологическое уточнение. Обозначение «ШОС+» употребляется сегодня в двух разных значениях, и их следует различать. В первом, восходящем к работам Я.Д. Лисоволика 2018 года, ШОС+ — расширение формата организации за счёт региональных объединений и интеграционных структур Евразии; в этом значении формат был институционализирован на тяньцзиньском саммите 2025 года и отработан в Бишкеке 31 августа — 1 сентября 2026 года, где встреча в формате «ШОС плюс» прошла с участием приглашённых государств и руководителей ООН, ЕЭК, ОДКБ, СВМДА и СНГ. В настоящей книге ШОС+ означает иное: архитектуру Большой Евразии второго поколения, в которой знак «плюс» обозначает не приглашённые организации, а результат оператора денатофикации — вхождение пятой вершины КИРИТ. Два значения не конкурируют, а стыкуются: формат в первом смысле есть институциональная оболочка, внутри которой процесс во втором смысле может быть оформлен.

Генетический код: демилитаризация и неделимая безопасность

ШОС выросла не из экономики и не из идеологии — из военной необходимости. «Шанхайская пятёрка» 1996 года

решала конкретную задачу: демилитаризацию исполинской советско-китайской границы, укрепление доверия в военной области, взаимное отведение сил. Из этой задачи организация унаследовала два конституирующих принципа — **демилитаризацию и неделимую безопасность**. Это не риторика преамбул, а генетический код, отличающий ШОС от любых иных форматов: организация, рождённая из разоружения границы, несёт логику снижения военного противостояния в самом своём устройстве — консенсусном, безблоковом, не знающем ни статьи о коллективной обороне, ни объединённого командования, ни концепции противника. Так эту особенность читает и шанхайская школа: Ян Чэн, разбирая механизмы организации за первое её десятилетие, показал, что «шанхайский дух» — не декоративная преамбула, а нематериальное условие выживания и развития ШОС, и что описывать организацию в чисто геополитических категориях значит не увидеть в ней главного. Формула этой книги стоит на том же наблюдении, доведённом до операционального следствия: то, что позволило ШОС выжить, позволяет ей и наследовать.

Этим объясняется и хроническое разочарование тех, кто ждал от ШОС «анти-НАТО»: организация не становится блоком не по слабости, а по конституции. По той же причине рамкой наследования для БЕП 2.0 может служить ШОС, и никакой иной формат: партнёрство, которому предстоит вместить пять цивилизационных полюсов с конфликтными интересами, может стоять только на принципах, не требующих от участников ни общего врага, ни общего командования. БЕП 2.0 — шанхайский код, масштабированный с одной границы на континент.

Денатофикация как первый структурный шаг к ШОС+

В этой рамке денатофикация Турции занимает точно определённое место: первый структурный шаг к ШОС+. Формула теперь читается в полной институциональной развёртке. ШОС даёт несущую конструкцию и принципы;

оператор «Турция минус НАТО» изымает из южного центра Евразии последний крупный элемент чужого военного контроля; сумма — архитектура, в которой все пять полюсов КИРИТ присутствуют как суверенные субъекты, а ядро С5 — как соавтор и оператор. Это Парето в действии, заявленный во второй главе: минимум точек приложения — максимум архитектурного эффекта. Никакое экстенсивное расширение, никакое умножение меморандумов не даёт того, что даёт деблокирование одной — пятой — вершины.

Денатофикация по своей природе — процесс демилитаризационный: её содержание — изъятие военного контроля, сокращение чужой военной инфраструктуры, снижение блоковой напряжённости в южном подбрюшье континента. Первый шаг к ШОС+ совершается в той же грамматике, в какой организация совершила свой первый шаг в 1996 году. Архитектура, начинающаяся с разоружения, наследует Шанхаю не по названию, а по существу.

Дорожная карта встречного движения: пять ступеней



Рис. 8. Пять ступеней встречного движения Турция ↔ ШОС (гл. 21).

Глава 19 ввела принцип «каждая ступень расцепления открывает ступень статуса»; здесь — его развёртка в рабочую таблицу, пригодную для переговорного стола. Логика лестницы: ни одна сторона не делает необратимого шага раньше другой; верификация каждой ступени — по индикаторной панели приложения В.

Ступень первая. Турецкий такт: официальное закрепление доктрины стратегической автономии и согласие на внешний мониторинг индикаторов. Встречный такт ШОС: повышение статуса с партнёра по диалогу до наблюдателя, подключение к экономическим и транспортным программам организации в полном объёме.

Ступень вторая. Турецкий такт: верифицируемое замыкание национального контура боевого управления («Стальной купол» в строю, ПВО вне альянсовых протоколов). Встречный такт: открытие переговоров о полном членстве, допуск к региональной антитеррористической структуре в статусе партнёра.

Ступень третья. Турецкий такт: сокращение представительства в объединённом командовании до символического и официальная постановка вопроса о выводе B61. Встречный такт: фиксация даты членства, запуск совместных оборонно-промышленных программ со странами организации.

Ступень четвёртая. Турецкий такт: вывод чужого ядерного присутствия с турецкой территории — политическая кульминация процесса. Встречный такт: полное членство в ШОС на саммите, символически уместнее всего — в одной из столиц ядра.

Ступень пятая, замковая: серийный национальный двигатель снимает последнее вето Инджирлика; денатофикация по определению главы 4 завершена; БЕП 2.0 переходит из формулы в состояние. Расписания у лестницы нет, есть только последовательность и верификация; темп задаёт Анкара, и суверенный характер процесса сохраняется на каждой ступени.

Экономический этаж: С5 × КИРИТ и банк ядра

Архитектура безопасности без экономического этажа — каркас без перекрытий. У БЕП 2.0 этот этаж заложен в предшествующих работах формулой «С5 × КИРИТ»: операциональное ядро, в котором пять государств Центральной Азии выступают учредителями совместного банка развития, а полюса пятиугольника — партнёрами его проектов, не акционерами его управления. Принцип распределения ролей зеркален всей книге: капитал и проекты — от полюсов, контрольный пакет субъектности — у ядра; институт, в котором Центральная Азия впервые не получатель чужих кредитных линий, а распорядитель собственного инструмента. Денатофицирующаяся Турция входит в этот этаж естественнее любой другой вершины: Срединный коридор, энергетические маршруты, оборонно-промышленные кооперации с тюркскими государствами — готовый портфель первой очереди. Индия, как оговорено в главе 2, в банк не войдёт — и не должна: её страхующая функция работает на этаже безопасности, не требуя экономического членства. Так у формулы появляется хозяйственное измерение: С5 × КИРИТ достраивает то, что ШОС задаёт как принцип, а денатофикация — как механизм.

Если ШОС скажет «нет»: запасной контур

Следует рассмотреть и отказ несущей конструкции: что, если статусная лестница упрётся в неготовность самой ШОС — китайскую осторожность, индийские оговорки, инерцию консенсусной процедуры? Сценарий не маргинален: организация, чья сила в неторопливости, может оказаться медленнее окна.

Мой ответ: формула деградирует изящно, а не катастрофически. Денатофикация самоценна и без статусного приза: материальный процесс, как показала третья часть, движим турецкими интересами, а не шанхайскими посулами, и продолжится при любой скорости ШОС; изменится лишь институциональная упаковка результата. У встречного движения, кроме того, есть промежуточные

носители, не требующие консенсуса десятков столиц: связка ОТГ с её инвестфондом и коридором, двусторонние оси пятиугольника, мешхедская и бишкекская площадки — модульная архитектура, собираемая по частям и стыкуемая с ШОС позднее, когда созреет. Главный же довод против паники в том, что сама постановка турецкого вопроса работает на трансформацию организации: ШОС, отказавшаяся обсуждать крупнейшее статусное досье эпохи, предъявит собственную нереформируемость публично, а это цена, которую Пекин, делающий на организацию долгую ставку, платить не захочет. Вероятнее не «нет», а «медленно», и на «медленно» у градуированного сценария ответ встроен в само его имя. Формула операциональна, а не культова: ШОС в ней — несущая конструкция по пригодности, не по догме; если история предложит ядру лучшую несущую, формула перепишется. Архитекторы не молятся на леса.

Запасной контур, однако, нельзя оставлять контуром на словах — у деградации тоже должен быть оператор и порядок сборки, иначе «модульность» обернётся бездействием. Оператором выступает то же ядро, что несёт основную инициативу: бишкекская экспертная группа, описанная в предыдущей главе, при отказе ШОС-трека переключается с подготовки статусного решения на координацию модулей; её мониторинговый продукт и нейтральная прописка работают в запасном сценарии так же, как в основном, меняется только предмет работы.

Порядок сборки задаётся готовностью модулей, а не идеальной схемой. Первым несущим элементом становится связка ОТГ с её инвестиционным фондом и Срединным коридором — единственный из форматов, у которого уже есть и капитал, и инфраструктурная повестка; на него нанизываются двусторонние оси пятиугольника, каждая со своей готовой тканью — энергетической с Россией, связностью с Ираном, промышленной с Китаем. Мешхедская и бишкекская площадки выполняют роль стыковочных узлов: мест, где модули согласуют повестку и обмениваются показаниями индикаторной панели, не требуя единого устава. Архитектура собирается снизу вверх, от работающего к надстраиваемому, и каждый собранный модуль самоценен независимо от того, дойдёт ли дело до подключения к ШОС.

Подключение к ШОС в этом сценарии откладывается и переоформляется: собранный из модулей контур предъявляется организации уже как работающая реальность, которую остаётся

признать, — переговорная позиция несравненно более сильная, чем исходная. Зрелая денатофикация, обросшая институциональной тканью ОТГ, осей и площадок, ставит ШОС перед выбором между признанием состоявшегося и самоустранением от крупнейшего евразийского процесса; как я предполагаю выше, Пекин решит его в пользу признания. Запасной контур — отложенная версия ШОС-трека с лучшей переговорной позицией: он покупает время и повышает шансы исходной формулы.

Это не блок — и не может им стать

Без следующей оговорки концепт прочтут навыворот, поэтому она вынесена в отдельный параграф. Денатофикация Турции и сборка КИРИТ — **не строительство антизападного военного блока**. Утверждение держится на трёх независимых основаниях.

Основание структурное: индийский предохранитель. КИРИТ — констелляция, а не альянс, и встроенный предохранитель, не дающий ей выродиться в блок, — Индия: единственный полюс, глубоко вросший одновременно в западную и евразийскую геометрию, член БРИКС и QUAD, покупатель российской нефти и американского оружия. Конструкция, в которую вшита Индия, в антизападный блок не превращается по построению: Дели не подпишется, а без Дели нет пятиугольника. Предохранитель работает геометрически, без политической воли.

Основание генетическое: самопротиворечие. Концепт, выросший из принципа демилитаризации, не может ставить целью новый военный блок, не впадая в самопротиворечие. Денатофикация снижает уровень военно-блокового противостояния в Евразии — изымает базы, заряды и командные вертикали, а не передвигает их с одного берега на другой. Это работа на деэскалацию, и это свойство самого определения: процесс, заканчивающийся вступлением Турции в чей-либо военный союз, денатофикацией по главе 4 не является.

Основание прецедентное: Франция после 1966 года не вступила ни в какой альтернативный блок — она стала собственным центром. От турецкой траектории я ожидаю того же: не смены сюзерена, а изъятия сюзеренитета.

Что предлагается Анкаре: признание, а не вербовка

Остаётся самый деликатный вопрос: что во всей этой конструкции предлагается самой Турции? Мой ответ: признание, а не вербовка. Вербовка — предложение сменить лагерь на условиях вербующего; она унизительна для государства-цивилизации и потому обречена. Признание — предложение рамки, в которой уже идущий суверенный процесс получает легитимность, календарь и достойное место назначения: статус полюса-основателя в клубе государств-цивилизаций, синхронизированную дорожную карту в ШОС, узловое положение во всех сухопутных коридорах континента и роль, которую не может предложить Анкаре ни одна западная конфигурация, — роль соавтора архитектуры, а не давнего и вечно подозреваемого арендатора чужой. Большая Евразия не просит Турцию ни от чего отказываться; она предлагает ей перестать быть гетеротопией и стать тем, чем Турция уже десятилетие описывает себя сама: самостоятельным центром мира, который больше пяти.

Заключение. Стратегия вместо провокации

Большую Евразию давно начертили, но не привели в движение. Была карта: пять цивилизационных полюсов КИРИТ по периметру континента и пять государств Центральной Азии как ядро субъектности; был ядерный контур, был индийский предохранитель, была точно локализованная поломка — пятый полюс, вписанный в две несовместимые системы безопасности. Не было глагола. Я предложил его: денатофикация — градуированное, обратимое и суверенное расцепление с интегрированной военной структурой НАТО при сохранении политического членства.

Глагол оказался именем для факта — вернее, для трёх фактов сразу. Альянс не раз переживал денатофикацию своих членов: сорок три французских года и шесть греческих лет промежуточного статуса, в мягкой форме — испанский случай. Турецкая денатофикация уже идёт — в заводских ведомостях, в перевёрнутой пропорции локализации, в платформах суверенитета и собственной сети баз — и упирается сегодня в два чужих вето, названных парадоксом Инджирлика. И процесс этот видят все его участники, включая сам альянс, проектирующий «европейскую НАТО» без Турции; не видит его только официальный словарь, в котором по-прежнему существуют лишь «членство» и «выход».

Стратегия, выведенная из этих фактов, намеренно скромна в средствах. Подталкивать Турцию невозможно и контрпродуктивно; разгонять кризис опасно, потому что форсированная денатофикация токсична для самой евразийской рамки; вербовать бессмысленно, потому что государства-цивилизации не вербуются. Остаётся дать стихийному процессу имя, рамку и место в повестке: язык вместо тупикового «выйдет — не выйдет», дорожную карту встречного движения по статусу в ШОС, механизм мониторинга, площадки трёх М. Окно для этого открыто узко и точно: саммит ШОС в Бишкеке и кресло Кыргызстана в Совете Безопасности ООН в 2027–2028 годах —

два такта одного окна, страхующие друг друга. Формула, открывшая книгу, кладётся на стол последовательностью шагов внутри всего окна — как исполнимая стратегия с прецедентом, индикатором и календарём.

БЕП 2.0 = ШОС + (Турция минус НАТО)

Концепция фальсифицируема, и в этом её сила. Если к началу 2030-х годов не пройден ни один из двух ключевых порогов приложения В — доля импортных двигателей в боевой авиации не опустилась ниже трети, статус боезарядов на Инджирлике не изменился — при неподвижности остальных групп индикаторов, я признаю её опровергнутой первым. Если же права она, архитектура евразийской безопасности меняется уже сейчас, стихийно и без чертежа, и место в новой системе займёт тот, кто предложит чертёж. Я хочу, чтобы это было ядро.

Программа дальнейшей работы

Аппарат книги требует развития по пяти направлениям.

Первое — генерализация: денатофикация как общая категория анализа альянсовых систем требует приложения к другим кейсам, историческим и гипотетическим, с выходом на сравнительную типологию промежуточных статусов. Второе — квантификация: индикаторная панель приложения В просится в формат регулярного индекса с публикуемой методологией — «индекса денатофикации», измеряющего процесс ежегодно по открытым данным; естественный издатель такого индекса — бишкекский механизм мониторинга, если ему суждено состояться. Третье — правовое измерение: процедуры промежуточного статуса (от формата уведомлений до судьбы двусторонних соглашений) требуют отдельного юридического исследования, для которого политологическая рамка этой книги — лишь техническое задание. Четвёртое — экономическое моделирование: цена градуированного

и форсированного сценариев для турецкой, региональной и континентальной экономик названа здесь качественно и ждёт счёта. Пятое — перевод: английская и китайская версии книги задуманы как адаптации к иным аудиториям спора, и работа над ними — продолжение апробации, начатой в Чжэнчжоу.



Рецензия

Представленная монография Кубатбека Рахимова является, без преувеличения, событием в современной политической науке. Автор не просто вводит в академический и экспертный оборот новый концепт — «денатофикация», — но и выстраивает вокруг него стройную, логически безупречную и эмпирически насыщенную архитектуру, претендующую на роль новой парадигмы в изучении евразийской безопасности.

Главная сила работы — в её методологической чистоте и научной смелости. Рахимов предлагает не очередное описание геополитического ландшафта, а рабочий инструмент. Его главная инновация — смена грамматики анализа: переход от бинарного вопроса «выйдет ли Турция из НАТО?» к многомерному процессу расцепления. Это позволяет преодолеть концептуальный тупик, в котором десятилетиями пребывает экспертное сообщество, и перевести дискуссию в область измеримых и управляемых параметров. Особого уважения заслуживает следование принципу фальсифицируемости, заимствованному из философии Карла Поппера. Автор честно называет «два чужих вето» — парадокс Инджирлика, — динамика которых служит объективным индикатором процесса. Такой подход кардинально отличает книгу от публицистических манифестов.

Впечатляет широта аналитического охвата. Доказательная база строится на четырёх взаимодополняющих уровнях. Во-первых, исторические прецеденты (Франция, Греция, Испания) доказывают, что промежуточный статус не является утопией, а является живой практикой самого альянса. Во-вторых, материальный анализ — автор скрупулёзно показывает, как локализация турецкого ОПК с 20% до 80% создаёт ту самую «параллельную колею», которая делает процесс необратимым. В-третьих, анализ стратегической культуры — использование фукольдианской оптики гетеротопии и концепции онтологической безопасности органично объясняет, почему обе стороны — и Анкара, и Брюссель — предпочитают поддерживать

текущую амбивалентность. В-четвёртых, сценарный подход — классификация четырёх траекторий развития событий (от инерционной до реверсивной) придаёт работе прогностическую ценность.

Особенно ценной представляется Часть IV, в которой автор детально разбирает внешние векторы турецкой политики. Сквозь призму денатофикации рассматриваются отношения с Россией («постблоковая диада»), Ираном («четыреста лет управляемого соперничества»), Китаем («самая недостроенная ось») и странами Запада («институт вечного кандидата»). Такой комплексный подход позволяет избежать упрощений и вписать турецкий кейс в широкий контекст трансформации всей системы международных отношений.

Финальная часть книги — «Чертёж» — превращает её из академического исследования в стратегический документ. Предложение о «дипломатическом окне 2026–2028 годов», привязка к саммиту ШОС в Бишкеке и креслу Кыргызстана в Совбезе ООН делают концепцию «приземлённой» и политически востребованной. Институциональное предложение (ШОС+, формула «трёх М») не выглядит умозрительным, а органично вырастает из предшествующего анализа.

Итоговое заключение: монография «Глагол Большой Евразии» — это зрелый, новаторский и крайне своевременный труд. Автору удалось совершить редкое: не только диагностировать проблему, но и предложить конкретный, реалистичный механизм её решения, оставаясь в строгих рамках науки и воздерживаясь от политической ангажированности. Книга будет одинаково полезна как академическим исследователям, так и практикам-дипломатам, формирующим повестку континентальной безопасности. Работа закладывает фундамент для нового направления в изучении международных отношений и, без сомнения, будет востребована ведущими аналитическими центрами и университетами.

Доктор политических наук, профессор ДВФУ Михалёв А.В.

Приложение А. Хронология французской денатофикации (1958–2009)

1956. Суэцкий кризис: Франция и Великобритания останавливают операцию под давлением США. Для французского политического класса — урок о пределах союзнической солидарности.

Сентябрь 1958. Меморандум де Голля Эйзенхауэру и Макмиллану: предложение трёхстороннего директората НАТО. Отказ Вашингтона и Лондона становится отправной точкой курса на автономию.

Март 1959. Французский средиземноморский флот выведен из-под командования НАТО. Запрет на размещение иностранного ядерного оружия на французской территории; американская ядерная авиация покидает Францию.

Февраль 1960. Первое французское ядерное испытание в Сахаре («Жербуаза блё»). Рождение force de frappe — материального фундамента стратегической автономии.

Июнь 1963. Атлантический флот Франции выведен из-под объединённого командования.

1964. Французские офицеры отозваны из военно-морских штабов НАТО.

7 марта 1966. Письмо де Голля президенту Джонсону: Франция выходит из интегрированного военного командования, сохраняя членство в Североатлантическом договоре.

1966–1967. Перенос штаб-квартиры НАТО из Парижа в Брюссель, SHAPE — из Рокенкура в Монс (Бельгия). Около 30 тысяч иностранных военнослужащих и десятки объектов покидают Францию.

Август 1967. Соглашения Айере–Лемницера: механизмы координации французского генштаба с командованием НАТО на случай войны в Европе.

1966–2009. Сорок три года промежуточного статуса: политическое членство, действие статьи 5, участие в отдельных

операциях по суверенному решению, собственное ядерное планирование.

Апрель 2009. Решение Николя Саркози: Франция возвращается в интегрированное военное командование (саммит к 60-летию альянса).

Приложение Б. Хронология греческой денатофикации (1974–1980)

Июль–август 1974. Кипрский кризис: переворот на Кипре при поддержке афинской хунты и турецкая военная операция. Бездействие НАТО воспринимается Афинами как предательство союзнических обязательств.

14 августа 1974. Правительство Константиноса Караманлиса объявляет о выходе Греции из военной организации НАТО при сохранении политического членства.

1974–1980. Шесть лет промежуточного статуса: Греция вне интегрированного командования, внутри Североатлантического договора. Параллельно — восстановление демократии и вступление в ЕЭС (подписание договора в 1979-м).

Октябрь 1980. Возвращение Греции в военную структуру альянса (план Роджерса).

Приложение В. Индикаторная панель денатофикации



Рис. 9. Шесть групп индикаторов и их состояние: движение — пауза — реверс. Числовые пороги и источники — в Приложении В.7.

Панель сводит наблюдаемые величины, по которым отслеживается турецкий процесс (главы 4, 8, 10). Для каждой группы указано: что измеряется и что означает движение в каждую сторону.

Ядерный контур (первое вето Инджирлика)

—Измеряется: присутствие, численность и статус боезарядов B61 на авиабазе Инджирлик; участие Турции в Группе ядерного планирования НАТО; турецкая официальная риторика по режиму нераспространения.

—Денатофикация идёт: постановка Анкарой вопроса о статусе или выводе зарядов; сокращение участия в механизмах ядерного планирования.

—Реверс: углубление участия в совместных ядерных миссиях; сертификация турецких носителей под B61.

Авиационно-двигательный узел (второе вето Инджирлика)

—Измеряется: доля импортных силовых установок в боевой авиации; стадия национальной двигательной программы; условия и объёмы поставок F110; судьба переговоров по F-35.

—Денатофикация идёт: лётные испытания и серия национального двигателя; снижение зависимости программы KAAN от внешнего поставщика.

—Реверс: возвращение в F-35 на условиях сворачивания KAAN; отказ от национальной двигательной программы.

Контуры боевого управления (C4ISR)

—Измеряется: ввод в строй «Стального купола»; замыкание ПВО, авиации и флота на национальные системы управления; доля альянсовых протоколов в критических контурах.

—Денатофикация идёт: национальная картина воздушной обстановки; интеграция С-400 в собственный контур.

—Реверс: передача национальных систем под альянсовые протоколы нового поколения.

Промышленность и стандарты

—Измеряется: доля локализации оборонного производства; динамика оборонного экспорта; доля натовских сертификаций в новых программах.

—Денатофикация идёт: удержание и рост локализации выше четырёх пятых (80 %); расширение экспортной географии.

—Реверс: реинтеграция ОПК в натовские цепочки поставок ценой национальных программ.

Институциональный статус

—Измеряется: положение Турции на шкале статусов ШОС (партнёр по диалогу → наблюдатель → член); представительство в командных структурах НАТО; участие

в форматах «европейской НАТО».

—Денатофикация идёт: продвижение по шкале ШОС; сокращение представительства в объединённом командовании.

—Реверс: вход в новые интегрированные форматы альянса.

Внешний контур

—Измеряется: динамика ОТГ (оборонная повестка); устойчивость Астанинского формата; долгосрочные энергетические обязательства; сеть зарубежных баз на двусторонних основаниях; формальные пакты о взаимной обороне вне мандата НАТО (Меккское соглашение, 07.08.2026).

—Денатофикация идёт: углубление всех перечисленных контуров, включая заключение формальных пактов коллективной обороны с не-натовскими партнёрами.

—Реверс: их заморозка в пользу альянсовой дисциплины.

Источники, периодичность и пороги денатофикации

Группы B.1–B.6 фиксируют направление движения; настоящий раздел придаёт им операциональную строгость, указывая для каждой источник данных, периодичность обновления и числовой порог, разделяющий движение, паузу и реверс. Пороги намеренно консервативны и подобраны так, чтобы срабатывать на устойчивом тренде, а не на единичном колебании: индикатор засчитывается лишь при удержании значения в течение не менее двух последовательных годовых замеров.

B.1, ядерный контур. Источник — открытые оценки численности тактических боезарядов (ядерные обзоры Федерации американских учёных, ежегодники СИПРИ) и коммерческий спутниковый мониторинг авиабазы Инджирлик; периодичность — годовая. Порог денатофикации: официальный запрос Анкары о выводе зарядов либо сокращение их

оценочной численности более чем наполовину. Порог реверса: сертификация турецких носителей под B61 или расширение участия в Группе ядерного планирования.

B.2, авиационно-двигательный узел. Источник — «Военный баланс» Международного института стратегических исследований, открытые оборонные бюджеты, отчётность управления оборонной промышленности и национальных двигателестроителей; периодичность — годовая. Порог денатофикации: доля импортных силовых установок в боевой авиации ниже трети в течение двух лет подряд либо лётная сертификация и серийный выпуск национального двигателя. Порог реверса: закрытие национальной двигательной программы или возвращение в проект F-35 ценой её сворачивания.

B.3, контуры боевого управления. Источник — официальные сообщения о вводе систем и открытые отраслевые данные; периодичность — годовая. Порог денатофикации: ввод «Стального купола» в строй и замыкание не менее четырёх пятых критических контуров противовоздушной обороны, авиации и флота на национальные системы управления. Порог реверса: передача национальных контуров под альянсовые протоколы нового поколения.

B.4, промышленность и стандарты. Источник — база данных оборонной промышленности СИПРИ, отчётность управления оборонной промышленности, экспортная статистика; периодичность — годовая. Порог денатофикации: доля локализации оборонного производства выше четырёх пятых (80 %) в течение двух последовательных лет при расширяющейся экспортной географии. Порог реверса: падение локализации ниже двух третей с реинтеграцией в натовские цепочки поставок.

B.5, институциональный статус. Источник — официальные документы и протоколы саммитов ШОС и НАТО; периодичность — по событию с годовым обзором. Порог денатофикации: продвижение на шкале ШОС не менее чем на одну ступень (партнёр по диалогу — наблюдатель — член) и

(или) сокращение турецкого представительства в объединённом командовании. Порог реверса: вступление в новые интегрированные форматы альянса, включая конфигурации «европейской НАТО».

B.6, внешнеполитический контур. Источник — открытые данные о зарубежном военном присутствии и мониторинг базовых соглашений; периодичность — годовая. Порог денатофикации: рост доли военного присутствия, развёрнутого на двусторонних, вне-альянсовых основаниях. Порог реверса: переподчинение этих объектов натовскому планированию.

Сводный фальсификационный критерий, обещанный в восьмой главе, формулируется через два узла Инджирлика разом. Концепция денатофикации признаётся опровергнутой, если к началу 2030-х годов не пройден ни один из двух ключевых порогов: доля импортных силовых установок не опустилась ниже трети (B.2), а статус боезарядов на Инджирлике не изменился (B.1) — то есть оба чужих вето остаются на месте в полном объёме при неподвижности групп B.3–B.6. Достаточно устойчивого пересечения хотя бы одного из двух порогов, чтобы процесс считался начавшимся; для зрелой денатофикации требуется движение по обоим. Так качественная панель превращается в опровержимый прибор, а не в риторическую декларацию.

Приложение Г. Глоссарий

Денатофикация — градуированное, обратимое и суверенное расцепление государства с интегрированной военной структурой НАТО при сохранении политического членства в альянсе. Три компонента расцепления: выход из объединённого командования; выведение национальных сил из-под натовского оперативного контроля; прекращение участия в механизмах совместного ядерного планирования. Нормативная орфография — «денатофикация» (де-НАТО-фикация); встречающийся в прессе вариант «денатификация» не является авторским. Английский эквивалент — denatofication.

КИРИТ (CIRIT) — аналитическая рамка пяти незападных цивилизационных полюсов: Китай, Индия, Россия, Иран, Турция. Этимология двойственна: тюркское cirit (конная игра с метанием дротиков в общий центр — динамика) и санскритское kirīṭa (корона — легитимность). Констелляция цивилизационных субъектностей; принципиально не блок и не союз.

БЕП 2.0 (Большое евразийское партнёрство второго поколения) — архитектура Большой Евразии, удовлетворяющая трём условиям: субъектность центральноазиатского ядра (С5); полнота внешнего контура КИРИТ, включая Турцию через управляемый процесс денатофикации; наличие механизма перехода и институциональной рамки наследования (ШОС+ — в авторском значении настоящей книги; о различении с форматом ШОС+ в значении Я.Д. Лисоволика см. главу 21). Канонический термин — «партнёрство», не «пространство».

С5 — пять государств Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан; ядро субъектности БЕП 2.0.

Парадокс Инджирлика — соединение двух фактов: страна с локализацией военного производства порядка четырёх пятых сохраняет два чужих вето над высшими этажами суверенитета — ядерным (боезаряды B61 под чужим контролем

на турецкой земле) и авиационно-двигательным (зависимость национального истребителя KAAN от американских двигателей F110). Служит фальсифицируемым опережающим индикатором денатофикации.

Материальная денатофикация — оборонно-промышленное измерение процесса: локализация производства, национальные платформы, собственные контуры боевого управления, сеть баз на двусторонних основаниях. Предшествует институциональной денатофикации и обусловливает её.

Зеркальная денатофикация — тот же процесс, наблюдаемый со стороны альянса: переформатирование интегрированных структур («европейская НАТО») фактически без Турции.

Гетеротопия (по М. Фуко) — реальное пространство, вмещающее несколько несовместимых пространств одновременно. Государство-гетеротопия — государство, институционально и материально вписанное в несовместимые системы порядка; турецкий случай — крупнейшая живая гетеротопия современных международных отношений.

Три М (Мюнхен — Минск — Мешхед) — формула географии диалога о безопасности: евро-атлантический зал, постсоветское переговорное ремесло и самостоятельный голос Большой Евразии и исламского мира. Мешхедская вершина — предложенный автором постоянный узел диалога по треугольнику «Иран — Центральная Азия — Южная Азия».

Окно 2026–2028 — календарная конструкция предъявления стратегии: саммит ШОС в Бишкеке (август 2026) и непостоянное членство Кыргызстана в Совете Безопасности ООН (2027–2028).

Индийский предохранитель — структурная функция Индии в пятиугольнике: единственный полюс, глубоко интегрированный одновременно в западную и евразийскую геометрию, чьё присутствие делает конвертацию КИРИТ в антизападный блок невозможной по построению.

Вершины и радиусы — различение цивилизационных

полюсов (вершины пятиугольника) и государств, функционально встроенных через полюса-патроны (Пакистан — через Китай, Беларусь — через Россию).

Приложение Д. Хронология турецкой автономизации (2009–2026)

1964 / 1975 (предыстория). Письмо Джонсона по Кипру и оружейное эмбарго Конгресса США: два урока асимметрии союзнической лояльности, заложившие философию «страхуйся сам».

2009. Учреждение Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета) — институционального зародыша тюркского цивилизационного контура.

2016. Попытка военного переворота; реакция западных союзников воспринята Анкарой как холодная. Ускорение курса на автономию силового аппарата.

2017. Контракт на закупку российских С-400 — первый случай приобретения членом НАТО стратегической системы ПВО у главного оппонента альянса. Запуск Астанинского формата по Сирии (Россия — Турция — Иран, без США).

2019. Поставка С-400; исключение Турции из программы F-35, в которой турецкая промышленность производила сотни компонентов, а Анкара заказала 116 машин.

2020. Санкции CAATSA против турецкого оборонного управления. Карабахская война: турецкие беспилотные технологии демонстрируют боевую эффективность; рост экспортного спроса на продукцию ОПК.

2021. Тюркский совет преобразован в Организацию тюркских государств: секретариат, саммиты, инвестиционная и — нарастающе — оборонная повестка.

2022. Задержка Анкарой ратификации заявок Финляндии и Швеции: право вето внутри альянса используется как суверенный инструмент торга. Самарканд: публично заявленный интерес к полноправному членству в ШОС.

2023. Ввод в строй TCG Anadolu — флагмана, перепрофилированного из носителя F-35B в первый в мире носитель ударных беспилотников. Завоз первого топлива на

АЭС «Аккую» (Росатом, модель Build-Own-Operate). Выкатка прототипа национального истребителя KAAN.

2024. Начало лётных испытаний KAAN. Анонс программы «Стальной купол» — единой национальной многослойной системы ПВО-ПРО. Рекордные объёмы закупок российского газа (суммарно свыше 90 млрд долл. за 2023–2025).

2025. Контракт на Eurofighter Typhoon (~20 машин, ~8 млрд фунтов) и добор машин из Омана и Катара. Декабрь — первые десять американских двигателей F110 для предсерийных KAAN: материализация второго вето Инджирлика.

2026, февраль. Министр иностранных дел публично ставит вопрос о справедливости режима нераспространения; провластная пресса развивает тему. Вербализация ядерного измерения автономизации.

2026, март. Дёртьол: обломки иранской ракеты, перехваченной ПРО альянса, падают на турецкую землю в ходе американо-иранской войны — случай формулы «риск турецкий, решение чужое».

2026, апрель. Wall Street Journal описывает контуры «европейской НАТО», формируемой фактически без Турции, — зеркальная денатофикация зафиксирована атлантической печатью. Анонс саммита НАТО в Анкаре.

2026, июль. Саммит НАТО в Анкаре (7–8 июля) — венец гетеротопии.

2026, 7 августа. Турция присоединяется к пакту Саудовская Аравия–Пакистан от 17.09.2025 (нападение на одного — нападение на всех), подписав Меккское соглашение о совместной обороне (Эрдоган, Мухаммед бин Салман, Шариф). Анкара и Эр-Рияд публично отрицают рамку военного блока и заявляют об открытости соглашения для других государств региона. Второй контур коллективной обороны у действующего члена альянса: констелляция, не блок-свитчинг.

2026, 14–15 августа. Программная речь Эрдогана на церемонии 25-летия ПСР (Анкара, 14 августа): формула «видение, центрированное на Турции» — отношения с США,

НАТО и ЕС производны от самостоятельно определяемого национального интереса; Турция названа второй по численности сухопутной армией альянса, с 2028–2029 года — командующей Силами реагирования НАТО; локализация оборонной промышленности — с ≈80% импортозависимости до ≈20% за 25 лет (центральная цифра главы 7, подтверждённая из уст самого объекта исследования). 15 августа, в интервью катарскому Al Jazeera, Эрдоган впервые на уровне первого лица закрывает евроинтеграционный сюжет: вступление в ЕС не приоритет Анкары, дверь не закрыта, но инициативы больше не будет. Институт вечного кандидатства, который глава 17 называет главным производителем турецкой денатофикации, закрыт самой Анкарой.

2026, август. Саммит ШОС в Бишкеке — открытие окна предъявления стратегии.

2026, 2 сентября. Брифинг Эрдогана на борту самолёта по возвращении с бишкекского саммита. Первое заявление: Анкара готова рассматривать полноправное членство в ШОС, причём перспектива членства «не означает разрыва с каким-либо другим блоком или с Западом» — формула, совпадающая с определением денатофикации. Второе: переговоры с Вашингтоном о возвращении Турции в программу F-35 продолжаются, но, по оговорке Эрдогана, не ценой национальных программ: «мы не отказываемся от разработки собственных систем ПВО, напротив, мы расширяем возможности выбора». Второе заявление — ближайшее к условию реверса событие за период наблюдения (Приложение В.2); оговорка Анкары его снимает: реверсом по критерию книги было бы возвращение в F-35 ценой сворачивания KAAN, а не в дополнение к нему.

Приложение Е. Диады пятиугольника: сводная таблица турецких осей

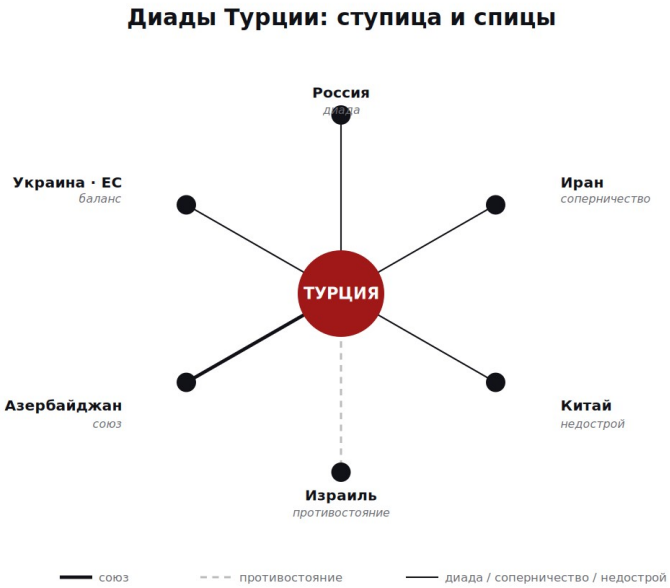


Рис.10. Шесть осей турецкой политики; тип связи задан стилем спицы.

Ось	Историческая база	Зоны конкуренции	Зоны кооперации	Функция для денатофикации
Турция — Россия	12 войн; сближения ревизионистов (1921, 2016)	Сирия (до 2024), Ливия, Кавказ, Чёрное море	Энергетика, атом, торговля, посредничество, Астана	Модель постблоковой диады; первый бенефициар, обязанный не прикасаться к рулю
Турция — Иран	Граница Каср-и Ширин (1639); два века без войны	Сирия, Кавказ/ Зангезур, Ирак, мягкая сила	Газ, торговля, курдское досье, Астана	Внутренний балансир КИРИТ; школа управляемого соперничества; узел Мешхеда

Ось	Историческая база	Зоны конкуренции	Зоны кооперации	Функция для денатофикации
Турция — Китай	Минимум общей истории; уйгурская заноза	Торговая асимметрия, идентичность	Срединный коридор, инвестиции, ШОС	Ключник статусной лестницы; контроль качества процесса; главный резерв достройки
Турция — Индия	Опосредованная (пакистанский фактор)	Кашмирская риторика, ОИС	Торговля, G20, многовекторные школы	Предохранитель конструкции в целом (гл. 2)
Турция — Запад (США/ЕС)	Членство-1952; вечное кандидатство	Курдское досье, Вост. Средиземноморье, санкции	Таможенный союз, оборонное подрядничество, миграция	Объект расцепления и одновременно гравитация градуированности

Таблица — навигационная схема четвёртой части; подробности — в главах 10–16.

Приложение Ж. Денатофикация в десяти вопросах и ответах

Формат рассчитан на практика, которому нужно изложить концепцию за пять минут — в кулуарах, в эфире, в записке руководству.

Это призыв к выходу Турции из НАТО? Нет. Денатофикация по определению сохраняет членство в договоре, место в Североатлантическом совете и действие статьи 5; расцепление касается только интегрированной военной структуры — командования, оперативного контроля, ядерного планирования.

Есть ли прецеденты? Бывало трижды: Франция (1966–2009, сорок три года), Греция (1974–1980), Испания (с момента вступления в 1982-м до рубежа веков, с санкции референдума 1986 года).

Почему не сказать просто «многовекторность» или «стратегическая автономия»? Те слова называют состояние или цель и подходят всем; денатофикация называет механизм и применима только к членам НАТО. Анализ без видового термина обречён на вечное «выйдет — не выйдет», то есть на тупик.

Это российский или китайский проект? Процесс легитимен, только пока он суверенно турецкий, и великодержавным проектом быть не может: любая попытка Москвы или Пекина возглавить его убила бы. Рамку признания может предложить лишь центральноазиатское ядро — у него нет имперского багажа.

Хочет ли этого сама Турция? Турция это делает: локализация оборонной промышленности с одной пятой до четырёх пятых, национальный истребитель, собственная система ПВО, сеть баз, ОТГ, Астанинский формат. Книга не предлагает Анкаре курс — она даёт имя курсу, который читается из заводских ведомостей.

Как проверить, идёт процесс или это публицистика? По парадоксу Инджирлика — двум чужим вето: судьба американских боезарядов B61 на турецкой земле и зависимость истребителя KAAN от американских двигателей. Оба наблюдаемы по открытым источникам; их динамика — индикатор, их неподвижность к началу 2030-х — опровержение концепции.

Это не строительство анти-НАТО? Конструктивно невозможно: в пятиугольник вшита Индия — член и евразийской, и западной геометрии, — а наследуемый код ШОС (демилитаризация, неделимая безопасность) не содержит ни общего командования, ни концепции противника. Денатофикация изымает военное противостояние из южного центра Евразии, а не переносит его.

Что получает Турция? Легитимность и календарь для процесса, который уже идёт: синхронную лестницу статусов в ШОС, узловое положение в сухопутных коридорах континента и место основателя в клубе государств-цивилизаций. Экономические связи с Западом при этом сохраняются — таможенный союз и торговля не требуют чужого командования.

Что получает Центральная Азия? Роль оператора крупнейшего дипломатического процесса десятилетия, завершённый пятиугольник вокруг своего ядра и легализацию собственной многовекторности как нормы, а не лавирования.

Почему сейчас? Потому что такое окно не гарантировано и не открывается по расписанию. У ядра редко складываются сразу два ресурса — саммит профильной организации на своей территории и место непостоянного члена в Совете Безопасности ООН в смежном цикле; это совпадение дали саммит ШОС в Бишкеке и кыргызское кресло 2027–2028 годов. Пока календарь, площадка и кресло совпадают, у ядра есть трибуна, которой не будет в произвольный год.

Приложение 3. Институциональная карта Большой Евразии

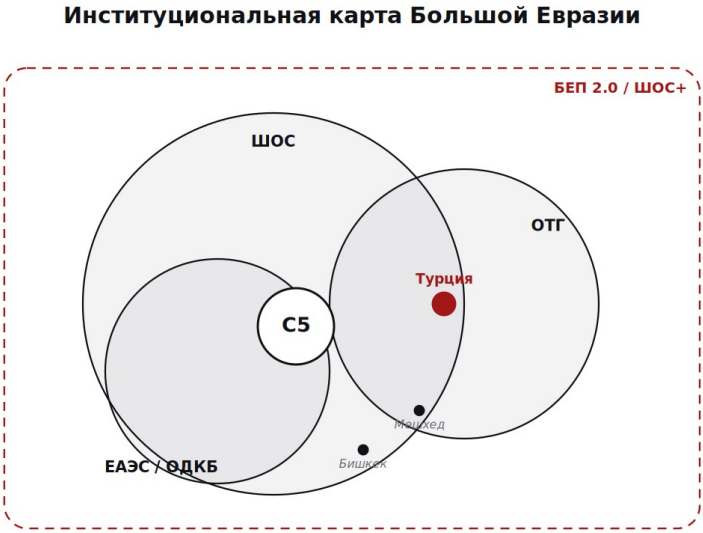


Рис.11. Пересечение евразийских институтов; С5 — в ядре, Турция — на стыке ШОС и ОТГ. Огибающая — Большое евразийское партнёрство (БЕП 2.0) как наследующая рамка.

Справочная таблица действующих многосторонних оболочек, в поле которых разворачивается архитектура БЕП 2.0; турецкое участие выделено как сквозной сюжет книги.

Институт	Год	Профиль	Ядро состава	Статус Турции
ШОС	1996/2001	Безопасность, всё шире — экономика	КНР, РФ, ЦА, Индия, Пакистан, Иран, Беларусь	Партнёр по диалогу; аспирация на членство
ЕАЭС	2015	Экономическая интеграция, таможенный союз	РФ, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Армения	Вне; ограничен таможенным союзом с ЕС
ОДКБ	1992/2002	Военно-политический союз	РФ, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения	Вне (несовместимо с НАТО)
ОТГ	2009/2021	Цивилизационная интеграция тюркских государств	Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан	Государство-основатель

Институт	Год	Профиль	Ядро состава	Статус Турции
СВМДА	1992	Меры доверия в Азии (казахстанская инициатива)	28 государств от Египта до Кореи	Полноправный член; председательствовала
ЭКО	1985	Экономическая кооперация «срединного пояса»	Турция, Иран, Пакистан, ЦА, Азербайджан, Афганистан	Государство-основатель
Астанинский формат	2017	Военно-дипломатический (сирийское досье)	РФ, Турция, Иран	Соучредитель
БРИКС+	2009/2024	Глобальная координация незапада	КНР, РФ, Индия, Иран и др.	Заявка подана; статус партнёра

Чтение таблицы в логике книги: Турция — учредитель или участник всех «мягких» евразийских оболочек (ОТГ, ЭКО, СВМДА, Астана) и заявитель в обе «тяжёлые» (ШОС, БРИКС), при полном отсутствии лишь в двух — ЕАЭС и ОДКБ, то есть именно там, где членство несовместимо с её нынешним атлантическим статусом. Институциональная карта воспроизводит формулу книги буквально: турецкая интеграция в Большую Евразию упёрлась в один оператор — «минус НАТО». Всё остальное уже подписано.

Список литературы

1. Рахимов К.К., Михалёв А.В. Пять и пять: геометрия Большой Евразии. Отдельно готовится к печати.

2. Рахимов К.К. Материальная денатофикация: оборонно-промышленный суверенитет Турции и архитектура КИРИТ Большой Евразии. Препринт. Preprints.org, 2026.

3. Рахимов К.К., Михалёв А.В. Евразия с точки зрения Фуко. Перспективы моделей интеграции в Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Январь–февраль.

4. Рахимов К.К., Михалёв А.В. Горизонты будущего языком атомных метафор // Россия в глобальной политике. 2025. № 4.

5. Рахимов К.К. «Большая двойка» для Центральной Азии // Коммерсантъ. 16.05.2023.

6. Рахимов К.К., Михалёв А.В. Между Ираном и Тураном, или новые горизонты Большого евразийского партнёрства // Валдайский клуб. Октябрь 2023.

7. «Денатификация» Турции: эксперт предложил сделать иранский Мешхед новым центром евразийского диалога // Eurasia Today. 09.06.2026.

8. Караганов С.А., Бордачёв Т.В. и др. К Великому океану — 5: От поворота на Восток к Большой Евразии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2017.

9. Шлыков П.В. Турция в контексте трансформации системы международных отношений и новой геополитики Евразии. Валдайская записка № 127. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 16.01.2026.

10. Foucault M. Des espaces autres (conférence au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967) // Architecture, Mouvement, Continuité. Octobre 1984. No. 5. P. 46–49.

11. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. Vol. 94. No. 2. P. 251–267.

12. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of

International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.

13. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

14. Cooley A., Nexon D. Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order. Oxford: Oxford University Press, 2020.

15. France and NATO // NATO. NATO History. URL: https://www.nato.int/en/about-us/nato-history/history-by-theme/my-country-and-nato/france-and-nato (дата обращения: 02.09.2026).

16. SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press for the Stockholm International Peace Research Institute, 2025.

17. Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight-Boyle M., Kohn K. Status of World Nuclear Forces // Federation of American Scientists. URL: https://fas.org/initiative/status-world-nuclear-forces/ (дата обращения: 02.09.2026).

18. Турция примет саммит НАТО в Анкаре 7–8 июля 2026 года // Интерфакс. 22.04.2026.

19. Lissovolik Y. BRICS-plus: Alternative Globalization in the Making? Valdai Papers, No. 69. Moscow: Valdai Discussion Club, July 2017.

20. Лисоволик Я.Д. О распространении практики «интеграции интеграций» в мировой экономике // Российский совет по международным делам. 20.06.2019.

21. Lissovolik Y. BRICS Plus following the 2023 “expansion summit” // Pathways to Peace and Security. 2023. No. 2 (65). P. 42–52. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-42-52.

22. Actionable Ideas // BRICS+ Analytics. URL: https://brics-plus-analytics.org/actionable-ideas-section-launched/ (дата обращения: 06.09.2026).

Рекомендованная литература

Работы, к которым отсылает проблематика этой книги и которые я рекомендую читателю, желающему продолжить разговор за её пределами.

Большая Евразия: генеалогия, критика, теория

Бордачёв Т.В. Большая Евразия: что ещё не сделано? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 30.12.2019.

Лукьянов Ф.А. Европа по памяти и представлению // Россия в глобальной политике. 10.06.2026.

Lukin A., Novikov D. Sino-Russian Rapprochement and Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? // Journal of Eurasian Studies. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 28–45.

Центральная Азия как субъект

Курылёв К.П., Станис Д.В., Пархитько Н.П. и др. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: коллективная монография. М.: Аспект Пресс, 2024.

Сунь Чжуанчжи. Безопасность Центральной Азии после перемен в Афганистане: игра великих держав и региональное сотрудничество // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2022. № 1. С. 1–16.

ШОС и шанхайский код

Yang Cheng. The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics // The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges / ed. by M. Fredholm. Copenhagen: NIAS Press, 2012.

Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its Role and Place in the Development of Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 114–124.

Атлантизм, НАТО и идеология альянса

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщённость Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940-е — 2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. 454 с.

Южный Кавказ и турецкий фактор

Маркедонов С.М. «Осенняя война»: неоднозначные итоги // Буря на Кавказе / под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021.

Об авторе

Кубатбек Калыевич Рахимов — экономист и политолог, PhD in Economics, директор по развитию Института стратегических и академических исследований (ИСАИ / ISAS, Бишкек) — ассоциированного члена Национальной академии наук Кыргызской Республики, исполнительный директор Applicata — Centre for Strategic Solutions, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай». Автор цикла работ о Большом евразийском партнёрстве, опубликованных в журнале «Россия в глобальной политике» и на валдайской платформе, соавтор (с А.В. Михалёвым) статей «Между Ираном и Тураном» и «Евразия с точки зрения Фуко» и концепции геометрии «пяти и пяти». Создатель понятийного аппарата денатофикации и аналитической рамки КИРИТ. Работает над докторской диссертацией по международным отношениям.

ORCID: 0009-0008-3084-1034. Контакт: ИСАИ / ISAS, Бишкек, Кыргызская Республика www.isas.institute

Типография ОсОО «Алтын Тамга»
Объем 13,12 уч. изд. л.
Формат 148x210
Тираж 500 экз
г. Бишкек, ул. Орозбекова, 44 а
тел.: 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru